

КРИТИЧЕСКАЯ

ФУНКЦИЯ

МАРКСИСТСКО-

ЛЕНИНСКОЙ

ФИЛОСОФИИ

Свердловск♦1988

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

КРИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Сборник научных трудов

А5в03
К 826

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета Уральского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А. М. Горького.

Критическая функция марксистско-ленинской философии:
Сб. науч. тр. Свердловск: УрГУ, 1988. 152 с.

В межвузовском сборнике исследуется критическая функция марксистско-ленинской философии как форма связи теории с жизнью; рассмотрены социальная роль философской критики, ее значение для развития общественного сознания. Особый раздел посвящен анализу методологических аспектов философской критики теоретических систем.

Редакционная коллегия: В. В. Ким (Уральский университет), И. Я. Лойфман (Уральский университет) — отв. редактор, И. И. Субботин (Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта)

Уральский государственный университет, 1988

КРИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Редактор М. А. Овечкина
Технический редактор Э. А. Максимова
Корректоры В. В. Шапина, Н. М. Изофатова

Темплан 1988, поз. 37

Сдано в набор 19.08.88 г. Подписано в печать 13.12.88. Формат 60х90^{1/16}.
Бумага типографская № 2. Печать высокая. Гарнитура литературная.
Объем уч.-изд. л. 10. Усл. печ. л. 9,5 Тираж 1000 экз. Заказ 4059. Цена 1 р. 30 к.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького, Свердловск, пр. Ленина, 51

В. Пышма, тип. Упр., изд., полигр. и кн. торговли.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ КРИТИКА: ПАРТИЙНОСТЬ И НАУЧНОСТЬ

Критика и самокритика есть норма социалистического образа жизни, метод раскрытия и разрешения противоречий, важнейший принцип социалистической демократии, необходимое условие становления человека нового типа. Как подчеркивается в решениях XXVII съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС, на современном этапе развития советского общества, перестройки и обновления всех сфер общественной жизни — экономической, социально-политической и духовной — роль критики и самокритики как средства борьбы за объективную истину и социальную справедливость возрастает. Возрастает и потребность в исследовании критической функции марксистско-ленинской теории.

«...Маркс всю цену своей теории, — указывал В. И. Ленин, — полагал в том, что она «по самому существу своему — теория критическая и революционная». И это последнее качество действительно присуще *марксизму* всецело и безусловно...»¹ Научная критичность, устремленная к объективной истине, и революционная партийность, устремленная к идеалам социальной справедливости, в марксизме-ленинизме друг от друга неотделимы. Они присущи всем составным частям марксизма-ленинизма, включая философию, которая играет ключевую роль в формировании духовных устоев личности, ее коммунистического мировоззрения.

Будучи мировоззренческой наукой, марксистско-ленинская философия анализирует противоречивое и исторически изменяющееся отношение человека, субъекта, сознания к миру, объекту, материи, раскрывает материальную основу сознания и творческую роль сознания, практическую основу духовного освоения действительности и творчество как способ бытия человека, необходимость как основу свободы и коммунистический идеал человека. При этом она выступает не просто как отображение противоречий человеческого существования, человеческой деятельности и человеческой истории, но и как средство борьбы за их разрешение, как научная критика социальной действительности. Она обосновывает прогрессивную направленность общественного развития, выявляет гуманистическую сущность движения к коммунизму — обществу, где свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех. Она обосновывает и утверждает социально-политические,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 340.

нравственные и эстетические идеалы рабочего класса и его революционной партии — политического авангарда народа, служит формированию определенных прогнозов, планов и программ предметно-практического изменения реального мира².

По самому существу своему марксистско-ленинская философия — партийная наука: как диалектико-материалистическая философия она противостоит идеализму и религии, как философия рабочего класса она противостоит буржуазной идеологии; как философская основа политики коммунистических партий она противостоит социал-реформизму и мелкобуржуазному революционаризму. По самому существу своему марксистско-ленинская методология исключает догматизм и релятивизм, апологетику и негативизм, объективизм и субъективизм.

Приложение теории к практике, которое В. Г. Белинский считал предметом критики³, выступает в многообразных формах критики — узкопрофессиональной или публицистической, комментирующей или дидактической, конструктивной или деструктивной. Философская критика во всех этих формах так или иначе рассматривает и решает фундаментальные вопросы бытия человека в мире, акцентирует общественное внимание на существенных проблемах современности. «...Критика — дело общественное, а не сфера обслуживания авторских самолюбий и амбиций»⁴, — говорится в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. От жизни к теории и от нее вновь к жизни — закономерный и единственно эффективный путь марксистско-ленинской критики.

Научный характер марксистско-ленинской критики определяется применением метода материалистической диалектики и прежде всего принципов историзма и коммунистической партийности как высшей формы объективности. Верно замечено, что критика вся в царстве модальностей. Вместе с тем «...критика является не страстью разума, она — разум страсти», — писал К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права»⁵. Критика важна не сама по себе, а только как путь обретения правильной позиции, на основе которой преобразуется реальный мир. Теоретические обобщения, доказательность, соответствие объективным потребностям исторического прогресса — необходимые условия марксистско-ленинской критики.

Указанные выше посылки легли в основу исследования критической функции марксистско-ленинской философии. Авторами ста-

² О единстве дескриптивно-когнитивной и ценностно-прескриптивной составляющих критики см.: Янков М. Конструктивная критика и рациональное управление. М., 1987. Гл. 1.

³ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1953. Т. 2. С. 124.

⁴ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 90.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 416.

тей рассмотрены социальная роль философской критики, ее значение для развития общественного сознания. Дан анализ методологических аспектов философской критики теоретических систем. При этом критика социальных явлений и теоретических систем, их истолкование и оценка трактуются как особый аспект философской теории и как особый вид философской деятельности. Предлагаемый труд является одним из первых в своей области.

И. Я. Лойфман

В. А. ОКЛАДНОЙ

Новосибирский электротехнический институт

ФОРМИРОВАНИЕ ДИАЛЕКТИКО- МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИТИЧНОСТИ

Уже сами названия работ основоположников марксизма, где в заголовках или подзаголовках неизменно фигурирует слово «критика», а тем более содержание их, полемичное, «сотканное» из утверждений и опровержений, дышащее накалом идейной борьбы и напряженных теоретических поисков, — уже эти сравнительно внешние, «литературные» характеристики показывают, что критика органично включилась в процесс формирования и развития диалектико-материалистического мировоззрения, что неотъемлемая черта последнего — критичность.

Вместе с тем сам этот факт — наличие критики — еще не раскрывает всей глубины и всех граней отношения марксизма к критике вообще и к философской критике в частности. История философии с полной очевидностью свидетельствует, что все без исключения философские учения рождались и развивали свое позитивное содержание с одновременной критикой ранее существовавших воззрений, что нет буквально ни одного учения, сторонники которого не писали бы критических работ и вообще не занимались бы критикой.

Не существует некоторой единой, равной для всех «критики вообще». Различные философские учения соответственно своему отношению к действительности — апологетическому, скептическому или же творчески-преобразующему, в соответствии со своим содержанием, логической структурой, методами мышления развивают различное понимание критики, по-разному включают (или вообще не включают) критические суждения в собственный исследовательский метод, культивируют разные типы критического мышления.

Критика может использоваться философом как «естественный дар», без рефлексии по поводу структуры и значения критических рассуждений. Таково отношение к критике первых греческих философов, да и многих последующих. Критическая деятельность может быть подвергнута методологическому анализу, но при этом получить различную оценку, по-разному войти в ткань философского исследования и структуру философского знания, служить различным, подчас диаметрально противоположным социальным целям. Сократ, а затем Платон превращают критику в сознательно

применяемый метод решения философских проблем. В «Топике» Аристотеля критический диалог подвергается тщательному исследованию и различные его приемы организуются в целое логико-методологическое учение, предназначенное для выведения начал, аксиом науки. В качестве метода, но часто в ином, нежели у греков, значении, критика используется в целом ряде последующих учений: *pro et contra* средневековых схоластов, «методическое сомнение» Декарта, «критики» Канта, позитивистская «критика чистого опыта», метод рациональной дискуссии «критического рационализма» и т. д. Бэкон в своем «учении об очищении ума» представил детально разработанную теорию критики, и последняя получила широкую популярность в опытных науках и в созерцательном материализме в целом: это была собственная «критическая теория» догматического, метафизического материализма. Нередко творцы тех или иных философских систем объявляют критичность главной, принципиальной чертой своих воззрений и прямо определяют последние как «критическую философию». Перечень такого рода учений велик, и их можно встретить, начиная по крайней мере с Канта и вплоть до наших дней.

Обращаясь к истории формирования марксизма, мы можем отметить, что одним из ориентиров теоретических поисков К. Маркса и Ф. Энгельса, одной из сознательно поставленных и последовательно решаемых ими задач была разработка именно критического и практически действенного мировоззрения. Эти требования — критичность и действенность — постоянно использовались ими для оценки различных философских, экономических и социально-политических доктрин и учений, в том числе и для оценки своих собственных взглядов. К. Маркс неоднократно обращался к анализу корней «некритического позитивизма» Гегеля и именно в некритичности видел один из пороков гегелевской философии. Равным образом и воззрения младогегельянцев с их «миропотрясающими фразами», их превращением критики в главную функцию философии авторы «Святого семейства» оценивали с точки зрения того, насколько эта «критическая критика» является действительно критичной. Один из коренных недостатков предшествующего материализма К. Маркс увидел в его неспособности ухватить деятельную сторону отношения человека к миру, в непонимании значения «практически-критической» деятельности¹. Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что основоположники марксизма неоднократно использовали эпитет «критический» для выражения специфики своих воззрений. Так, уже после разрыва с Б. Бауэром, «критическую философию» которого К. Маркс определенное время принимал, он определяет и свой собственный подход к анализу современности как «критическую философию»². В «Немецкой идеологии», как бы подводя итог формированию собственных взгля-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1.

² См.: Там же. Т. 1. С. 381.

дов, К. Маркс и Ф. Энгельс говорят о создании «впервые *действительно* критического воззрения на мир»³.

В чем видели К. Маркс и Ф. Энгельс возможность и, главное, необходимость существования философии как именно философии критической? Каким образом ими понималась специфика «критического воззрения на мир»? С другой стороны, в чем усматривалась некритичность или недостаточная критичность тех учений, в преодолении которых складывалось диалектико-материалистическое понимание критичности философии? Эти вопросы будут основными в дальнейших рассуждениях.

Сознательный переход К. Маркса на позиции материализма начался в 1843 году. Одновременно К. Маркс разрабатывает основы диалектико-материалистической критичности и демонстрирует первые образцы ее конкретного применения. Этот период, продолжавшийся вплоть до появления «Нищеты философии» и «Манифеста Коммунистической партии» — «первых произведений зрелого марксизма»⁴, представляет наибольший интерес. Вместе с тем мы должны остановиться на характеристике гегелевской и младогегельянской концепций философской критики, поскольку в преодолении именно этих (а затем и созерцательно-материалистической) концепций формировалась позиция марксизма.

* * *

Последователи Гегеля, после того как была завершена система абсолютного идеализма, оказались в необычной ситуации: фактически Гегель возвестил о достижении того окончательного гармоничного состояния мира (достигнутого в Германии), когда разрешаются и преодолеваются все противоречия и несовершенства, когда человечество наконец открывает истинную форму общественного устройства и обретает окончательно верную, подлинно научную философскую систему. И характерно то, что Гегель не просто постулировал истинность высказанных им идей, а последовательно вывел их как необходимый, закономерный сложившийся результат предшествующего, совершающегося по законам диалектики процесса развития. Какой тип критики и какие выводы для практически действующего человека предполагает эта претендующая на окончательную истинность система философского знания? И, далее, каким образом могло получиться, что с помощью диалектики были сделаны выводы, прямо противоположные ее природе?

Все мыслители прошлого, разрабатывая свои учения, критиковали предшественников, стремились преодолеть свойственные ранее существовавшим воззрениям недостатки и противопоставляли им окончательные, раз и навсегда истинные принципы. Кант, например, полагал, что после критики метафизика «может быть *з*а-раз приведена в совершенную свою полноту и в такое *о*кончатель-

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Т. 3. С. 224.

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 22.

ное состояние, что ее уже нельзя будет ни в малейшей мере двигать дальше, умножать или даже изменять позднейшими открытиями»⁵ (обратим внимание на то, что и «критические философии» бывают разными, в том числе, как показывает пример Канта, догматическими). Аналогичным образом и французские материалисты утверждали, что открытые ими общие законы внешней природы, а также «природы человека» являются окончательными истинами и могут служить основой для построения завершающей поиски человечества формы общественного устройства.

Гегель одновременно и преодолел, и восстановил это отношение прежних мыслителей к критике и к идее возможности абсолютных, универсальных в пространстве и времени, истин. Преододел тем, что увидел в противоречиях предшественников не только свидетельства несовершенства и недостаточности, но и внутренних, необходимый источник развития, выявил конструктивную роль диалектической отрицательности. Вместе с тем Гегель и восстановил, в иной форме, догматическую некритичность прежних мыслителей. Его собственный метод критики, строго говоря, не исследующий, не ориентирует на поиск нового, неизведанного, но обращен к прошлому и исходит из того, что «любая критика есть лишь подведение под идею»⁶, под готовую, уже имеющуюся идею, притом идею в смысле «вечного и неизменного прообраза самой сути дела»⁷.

В дидактически-назидательном художественном произведении герои резко разделяются на «отрицательных», вобравших в себя все мыслимые негативные черты, и «положительных», и вся коллизия разрешается тем, что последние разоблачают порочность первых и вершат суд над ними. Аналогично содержание критических работ догегелевских мыслителей. У Гегеля иначе: он наделяет свои «персонажи» характером, дает им возможность самим вступить в конфликт и в нем выявить свои слабые и сильные стороны. Однако в действительности здесь не подлинная, открытая творчеству диалектика, а та же самая окончательно уверенная в себе назидательность, только иначе выраженная. Финал такого «произведения» известен, это — правильные, подлежащие усвоению, но не критическому исследованию истины; коллизии «героев» используются для того, чтобы в них последовательно вырисовывалась заранее определенная, разрешающая все проблемы точка зрения; сам ход противоборства, развития и смены позиций «персонажей», по видимости творческий и самостоятельный, подчинен строгому «сценарию» и направлен к заранее спланированному концу, «вечному и неизменному прообразу самой сути дела».

Если догегелевские мыслители, как правило, видели в предше-

⁵ Кант И. Пролегомены. М.; Л., 1934. С. 298—299.

⁶ Гегель. О сущности философской критики // Работы разных лет: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 271.

⁷ Там же. С. 269.

ствующем развитии хаос и заблуждения, то у Гегеля прошлое отнюдь не хаотично, но, закономерно развиваясь через борьбу и преодоление своих преходящих форм, оно «работает» на настоящее, постепенно подготавливает и формирует наличные теоретические и практические результаты, доказывая тем самым их безусловную необходимость и истинность. В этом различие, но конечный итог один. Поскольку «окончательно истинное» знание достижимо и уже достигнуто, то оно выводится из-под критики, и последняя приобретает нормативно-контролирующий характер, ее служебное назначение — обоснование существующего, доказательство его превосходства путем опровержения возникающих альтернативных взглядов и практических установок; из формы диалектической отрицательности как движущего принципа критика преобразуется, с одной стороны, в так называемую контркритику, с другой — в идеологический контроль за конкретными теориями и взглядами на предмет их соответствия заданным мировоззренческим стандартам. Такую роль гегелевская диалектическая философия некоторое время и играла, когда она была признана официальной философией Пруссии. Далее. Поскольку существующее обосновывается как следствие неумолимых, не зависящих от людей законов развития, то критика, а тем более выступление против действительности, лишаются смысла, ибо любые, в том числе самые античеловеческие обстоятельства и действия, нужно воспринимать «объективно» — как исторически неизбежные, необходимые. Так, В. Г. Белинский, одно время полностью признавший гегелевскую философию, стал защитником самодержавия, считая, что для России оно закономерно, примирился с отсутствием гражданских свобод, полагая, что это необходимо вытекает из уровня развития русского народа. Диалектическая, таящая в себе «алгебру революции» (А. И. Герцен) философия, таким образом, порождала у своих последователей не критическое и творчески-деятельное, а консервативное, «приспособительное» отношение к действительности.

Консервативные выводы гегелевской философии младогегельянцы объясняли приспособлением Гегеля к деспотическим условиям прусской монархии. Уже после первого основательного изучения философии Гегеля К. Маркс дает более критичную оценку: если из философии можно сделать противоречащие ее диалектическому духу выводы, хотя бы даже и из внешних соображений, значит, ее принципы все же позволяют это сделать, а следовательно, в ней содержится некоторый внутренний порок: «сама возможность подобного явного приспособления имеет свои наиболее глубокие корни в недостаточности принципа или в недостаточном понимании философом своего принципа»⁸. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркс высказывается уже вполне определенно: «Таким образом, теперь не может быть и речи о том, что

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 77.

Гегель просто приспособливался к религии, к государству и т. д., так как эта ложь есть ложь его принципа»⁹.

Философия, согласно Гегелю, представляет собой познание того, что есть, существует, и она не должна заниматься определением будущего. Это сова Минервы, начинающая свой полет с наступлением сумерек, ее дело — обобщение уже полученных практических и теоретических результатов, ее цель — дать правильное, в частности диалектическое, объяснение и обоснование этих результатов. У Гегеля «философ является... лишь тем органом, в котором творящий историю абсолютный дух по завершении движения *ретроспективно* приходит к сознанию самого себя. Этим ретроспективным сознанием философа ограничивается его участие в истории...»¹⁰

В таком отношении философии к действительности К. Маркс и увидел один из основных источников гегелевского «некритического позитивизма и столь же некритического идеализма»¹¹. Работа и результат «обобщающей» и требующей правильного понимания существующего совы Минервы — *«это философское разложение и восстановление наличной эмпирии»* (выделено мною. — В. О.)¹².

Ставя своей задачей лишь объяснение того, что есть, философия изначально подходит к своему материалу как позитивному, признает «наличную эмпирию», обращает свой критический взор не на действительность, а лишь на те или иные толкования этой действительности. «Некритический позитивизм» влечет за собой и «некритический идеализм». Переводя конкретное на язык всеобщего, философия превращает данные принципы общественного устройства, данную систему морали, данную науку и т. п. в сущность науки, сущность морали, сущность общества и тем самым идеализирует наличное бытие, возводит его особенные формы в эталон, превращает сущее в должное.

Такая идеализация наличной действительности конкретно осуществляется в решении задачи философского обоснования полученных в практической и теоретической деятельности результатов. Внешнее обоснование выглядит как выведение тех или иных конкретных данных, знаний из независимо от них сформулированных философских принципов, но на деле здесь всегда образуется скрытый логический круг, незаметный потому, что одно и то же содержание попеременно дается на разных языках: философском и на языке конкретной деятельности. Механизм превращения «обобщения» наличного бытия в его «обоснование», или, что то же самое, механизм «философского разложения и восстановления наличной эмпирии» авторы «Немецкой идеологии» раскрывают сле-

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 63.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 94.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 626.

¹² Там же.

дующим образом: «Сначала из факта извлекается абстракция, а потом заявляют, что этот факт основан на этой абстракции»¹³. Берутся существующая наличная действительность или некоторые существующие теории, их содержательные характеристики переводятся на язык философской схемы, а затем из философских утверждений «выводятся» конкретные данные и утверждения. Последние оказываются теперь философски «обоснованными», вытекающими из фундаментальных философских принципов, но в действительности «таким путем мы не приобретаем никакого нового содержания, а лишь изменяем *форму* старого содержания. Это содержание приобрело теперь философскую *форму*, философское свидетельство»¹⁴.

Чтобы приведенные рассуждения были верно поняты, подчеркнем, что речь идет не о том, что философские обоснования и объяснения вообще лишены смысла, а о тех трансформациях, которые с ними происходят в философии, действующей некритично, берущей те или иные теоретические и практические результаты как данное, позитивно, и стремящейся фактически задним числом дать им обоснование. Все ранние, написанные с позиций материализма работы К. Маркса и Ф. Энгельса есть философское **обоснование** коммунистического мировоззрения. Без «Немецкой идеологии» не появился бы «Манифест Коммунистической партии». Подлинная философская критика, по К. Марксу, обязательно требует не только выявления, но и **объяснения** противоречий¹⁵. Социалистов-утопистов К. Маркс и Ф. Энгельс критиковали именно за то, что они лишь вскрывали язвы буржуазного общества, но не **объясняли** их причин. Таким образом, философские обоснования и объяснения могут использоваться по-разному и давать различный эффект: служить преобразованию и развитию культуры, и в этом смысле действительно давать основания для рождения нового, либо явно или неявно философски «освящать» то, что уже сложилось и реально существует, давать, как выразился К. Маркс, «философское свидетельство» существующему, образно говоря, подводить философский фундамент под полученные другими достижения (или сделанные ими ошибки).

В гегелевской диалектике «обоснование» существующего дается в иной, нежели в неисторических концепциях, форме, но принципиальная сторона дела от этого не меняется. Здесь также из фактов наличной действительности извлекаются философские абстракции, а затем показывается, что данные факты вытекают из философских абстракций. Весь тот анализ, который провел К. Маркс, выясняя источник консервативного отношения философии к действительности, механизм «философского разложения и восстановления наличной эмпирии», целиком применим к метафизическим кон-

¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 485.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 263.

¹⁵ См.: Там же. С. 325.

цепциям, но этот анализ был проведен именно на материале гегелевской диалектики, которая интересовала К. Маркса прежде всего.

«Истина рождается в споре», «новое рождается в борьбе» — эти распространенные сентенции весьма точно схватывают диалектический, творческий характер человеческой деятельности, и в них содержится указание на две важные особенности теоретического спора и практической борьбы: а) результат выявляется лишь в итоге; б) до исхода спора, борьбы, как правило, нельзя знать результат, он формируется самой борьбой. Внешне гегелевское изложение различных теоретических вопросов учитывает отмеченные особенности реальной диалектики: результаты некоторого исследуемого процесса развития выявляются лишь в конце, они складываются путем разрешения возникших на предшествующей стадии противоречий и т. п. Вместе с тем такое изложение материала представляется как доказательство, обоснование получаемых в итоге результатов, выводов: если мы, ничего не предполагая заранее, реконструируя ход противоречивого развития, пришли к данному результату, то он, следовательно, является объективным, единственно возможным, истинным. В действительности, как это показал Фейербах еще в своем первом выступлении против Гегеля¹⁶, а затем раскрыл и К. Маркс, такие «диалектические доказательства» или, используя популярное современное выражение, рациональные реконструкции истории, претендующие на доказательство, являются спекулятивными конструкциями, содержащими в себе логический круг: они «выводят» из прошлого, предшествующих этапов развития то, что туда неявно было вложено. Сова Минервы, в отличие от реальных участников борьбы, уже знает результат, смотрит на прошлое с позиции настоящего, поэтому она, так сказать, знает, чего хочет, знает, к какому итогу нужно привести рациональную реконструкцию предшествующего развития. У французских просветителей история неминуемо шла к торжеству идеалов Великой французской революции. У Гегеля «крот истории», явно снабженный маршрутной картой, рыл прямо в сторону «обоснования» прусского государства, христианской религии, самой гегелевской философии как истинного государства, истинной религии, истинной философии. Рациональная реконструкция истории, произведенная «истинными социалистами» — наследниками гегелевского метода рассуждений, уже в первых шагах человечества обнаружила неуклонное движение к социализму как «завершению и цели всемирной истории»¹⁷.

Одна из существенных причин, вследствие которой диалектическая, утверждающая творческую, самостоятельную природу человека гегелевская философия пришла к метафизическим по своей

¹⁶ См.: Фейербах Л. К критике философии Гегеля // Избр. филос. произв. М., 1955. Т. 1. С. 75 и др.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 473.

сути результатам, заключается в том, что эта философия была «метафизикой» в классическом значении этого слова. «Метафизика» в этом значении и «метафизика» в смысле антидиалектики — далеко не разные понятия, а разные стороны, проявления одной и той же сути дела. Система мета-физическая неизбежно становится и метафизической.

Как и его предшественники, за исключением, пожалуй, скептиков, Гегель заранее исходил из того, что метафизическая Абсолютная Сущность человеческого рода, человеческого бытия существует и может быть познана философией. Если такая посылка принята, то и учение, базирующееся на принципе развития, неизбежно должно прийти к метафизическим выводам, с той особенностью, что метафизичность будет внесена в механизм развития человеческой истории и познания: в онтологическую картину развития неявно вкладываются цели, т. е. «делу придается такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей»¹⁸, — развитие приобретает телеологический, запрограммированный характер.

Вместе с тем философия, претендующая на раскрытие Абсолютной Сущности человеческого бытия, и саму себя неизбежно должна рассматривать как универсальную и окончательно истинную, оценивая другие философские учения как недоразвившиеся, односторонние либо как вообще ложные.

* * *

Унаследовав многие взгляды Гегеля, младогегельянцы в то же время развивали иное, нежели у Гегеля, понимание роли философа и философии в развитии культуры. Они стремились гегелевскую «созерцательность теории» (Б. Бауэр) преобразовать в форму активной, действенной философии, в форму «философии дела», а из диалектики как теории развития, объяснительной схемы вывести метод философской деятельности. Если Гегель объяснял, как, каким образом на основе принципов противоречия, диалектической отрицательности и т. д. саморазвивающийся дух постоянно творил свои новые формы, то младогегельянцы ставили вопрос о том, как должен действовать философ, чтобы участвовать в дальнейшем развитии культуры, общества, какой должна быть философия, чтобы в ней и через нее реализовались принципы диалектики. Ответом на этот вопрос явилась разработанная одним из выдающихся учеников Гегеля, Б. Бауэром, «критическая философия».

Младогегельянцы освободили диалектику от консервативной системы Гегеля, они отрицали идею завершенности развития, доказывали временный, преходящий характер всех его форм. М. Гесс писал: «Дух вечно порождает новые и новые истины; становление — единственный принцип всей философии»¹⁹. По его словам,

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 45.

¹⁹ Цит. по: Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. М., 1933. С. 22.

в отличие от Гегеля, стремившегося показать, каким образом исторические явления рождаются из разума, младогегельянцы «скорее старались показать то, что в этих явлениях имеется переходящего»²⁰.

Главная задача философии, по Бауэру, не объяснение и обоснование существующего, а критика наличной действительности, предвосхищение «неведомого будущего», постоянное инициирование дальнейшего развития общества, культуры. Вслед за Гегелем Бауэр считает философию высшей формой духовной деятельности. Деятельность философа не скована никакими ограничивающими рамками, она свободна и является воплощением свободы человеческого духа. Философ охватывает в своем внутреннем мире существенные моменты существующего, воплощенные в нем нормы и представления; путем диалектического отрицания последних конструирует новые, более высокие принципы, противопоставляя их существующей действительности; в этом противостоянии новых принципов как должного сущему философ всегда непримиримо держит сторону должного и с позиции последнего подвергает критике существующее; основание его уверенности в правомерности новых принципов — собственная убежденность, источник его активности — воля, «фанатизм мысли и отвлеченной идеологии»²¹. «Философия, — пишет Бауэр, — является нападающей стороной...»²². Это она, противопоставляя существующему новые принципы, подвергая наличное бытие критике, создает напряженность, противоречие, формирует неудовлетворенность существующим и устремленность к новому. «Критическая философия» требует активности, перевода «фанатизма мысли» в «фанатизм дела»: «Философия и в области политики должна стать активной силой, решительно атаковать и расшатывать существующий порядок, если он противоречит ее самосознанию»²³.

История, по Бауэру, развивается в рамках постоянной оппозиции самосознания мыслителей-критиков пассивной субстанции. Большинство людей, куда включаются и некритически мыслящие интеллектуалы, привязаны к существующему материальными интересами, действуют и мыслят в рамках имеющихся норм и представлений, не способны к творчеству. Здесь господствует субстанциальное начало, делающее человека пассивным элементом установленного порядка. Наоборот, критики, руководимые не интересами и существующими представлениями, а вынесенными в будущее идеалами и принципами, являются активным фактором общественного развития. При этом философы являются наиболее сильными, глубокими критиками, преобразователями культуры, ибо, в отличие от мыслителей, работающих в конкретных областях,

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 92.

²² Там же. С. 82.

²³ Там же. С. 84.

«они руководят целым, имеют в виду целое»²⁴; предмет их критической деятельности — фундаментальные мировоззренческие принципы, на базе которых построено данное общество, «устои общества».

В отличие от догматических систем критическая философия, утверждает Бауэр, способствует эмансипации человека, искоренению «трансцендентных сил, до сих пор подавлявших человечество и не дававших ему дышать и жить»²⁵. Под «трансцендентными силами» понимались все те же идеологические представления, а также и связанные с ними социальные институты, в которых человек выступал игрушкой, пассивным объектом отчужденных, независимых от него обстоятельств. Сам Бауэр больше занимался абстрактными философскими вопросами, преимущественно объектами его критики были религия и гегелевское понятие субстанции как субъекта. Этим представлениям, лишаящим человека сознания свободы, Бауэр противопоставлял принцип философской критики, утверждая, что «только с актом критики освобождается человек»²⁶, и верил, что в будущем принцип свободной критики станет всеобщим принципом человеческого бытия.

Из всех участников младогегельянского движения Бауэр был наиболее близок К. Марксу. Не вызывает сомнения, что, расходясь по ряду вопросов, иначе интерпретируя связь философии и действительности, более придерживаясь гегелевской идеи о связи философии с субстанцией, конкретным духом, К. Маркс в целом был сторонником бауэровской «критической философии». Это отчетливо просматривается как в докторской диссертации, так и в особенности в многообразных публицистических статьях, опубликованных в «Рейнской газете». Из писем участников «Докторского клуба» становится известным, что молодой К. Маркс сам оказывал влияние на младогегельянцев, в том числе и на Бауэра, принимал участие в разработке «критической философии», хотя, как отмечают исследователи, трудно установить, в какой мере проявилось это участие и в чем конкретно оно выразилось²⁷.

Актуальную, современную ему эпоху К. Маркс рассматривал как эпоху воплощения в действительность принципов философии Гегеля: свободы, рациональности, преобладания духовного начала и т. п., что в практически-политическом плане интерпретировалось как осуществление в Германии завоеваний французской революции. Гегелевская философия, по мысли К. Маркса, еще не реализовалась в действительности, она постигла мир и предстала в форме завершенной системы, но завершенной не в смысле завершившей развитие, а в смысле целостной, всесторонне разработанной

²⁴ Бауэр Б. Трубный глас страшного суда над Гегелем. С. 82.

²⁵ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 93.

²⁶ Там же. С. 94.

²⁷ См.: Корню О. Карл Маркс и Фридрих Энгельс: Жизнь и деятельность. М., 1956. Т. 1. С. 176.

абстрактной схемы, которая «охватила целый мир» и теперь «встает против мира явлений»²⁸, противостоит наличной эмпирии как выраженная в абстрактной форме идеальная мера, требующая своего воплощения в конкретной действительности. Ушедшая в гегелевской системе в сферу абстрактного мышления, философия теперь «обращает свой взор на внешний мир уже не ради постижения; выступая как действующее лицо, она, так сказать, завязывает интриги с миром» и «в качестве воли выступает против мира явлений»²⁹. «Таков психологический закон, — пишет К. Маркс, — что ставший в себе свободным теоретический дух превращается в практическую энергию и, выступая как *воля* из царства теней Амен-та, обращается против земной, существующей помимо него действительности»³⁰. Философия переходит в практику, «однако сама *практика философии теоретична*, она предстает в виде теоретически-критической деятельности, так как «именно *критика* определяет меру отдельного существования по его сущности, а меру особой действительности — по ее идее»³¹.

Без особых комментариев очевидно, что в приведенных высказываниях К. Маркса звучат мотивы младогегельянской «критической философии». Однако сотрудничество К. Маркса с Бауэром и его последователями продолжалось сравнительно недолго. Разрыв произошел еще в период активности младогегельянского движения. После поражения последнего, его разгрома прусским правительством, начался новый этап в развитии философии К. Маркса и Ф. Энгельса, знаменовавшийся коренной переработкой ранее принятых взглядов, одновременно формированием собственной теоретической позиции. Требования критичности и действенности философского знания, выработанные «критической философией», не отбрасывались, поэтому, в частности, авторы «Немецкой идеологии» говорят о создании «действительно критического воззрения на мир»³², подчеркивая этой фразой как преемственность, так и отрицание в развитии своих взглядов.

Основной пункт своих расхождений с Бауэром, из которого вытекали другие, К. Маркс и Ф. Энгельс выразили следующим образом: «То в *бауэровской* критике, против чего мы ведем борьбу, есть именно *карикатурно* воспроизводящая себя *спекуляция*. Мы видим в ней самое законченное выражение *христианско-германского* принципа, делающего свою последнюю попытку — утвердить себя посредством превращения самой «критики» в некую трансцендентную силу»³³.

У Гегеля история творится переведенным на язык рационалистической философии христианским богом, мировым духом, для ко-

²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 195.

²⁹ Там же. С. 195, 77.

³⁰ Там же. С. 77.

³¹ Там же.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 224.

³³ Там же. Т. 2. С. 7.

торого реальная действительность есть лишь пассивная материя. Бауэр отбросил гегелевскую спекулятивную духовную субстанцию, сделал, вслед за Фихте, акцент на активную самодеятельность индивидов, но при этом сохранил, в новой форме, старую «догму о противоположности *духа и материи, бога и мира*», а именно: «В пределах истории, в пределах самого человечества этой противоположности придается то выражение, что немногие избранные *индивидуумы*, в качестве *активного духа*, противостоят остальному человечеству как *неодухотворенной массе*, как материи»³⁴.

* * *

После поражения младогегельянского движения К. Маркс оказался на распутье: рушились, не выдержав проверку практикой, ранее принятые философские и политические взгляды и предстояло самоопределяться во многом заново как в теоретическом, так и в практическом отношении. «Обуревавшие меня сомнения», — так выразил он свое состояние в этот период³⁵. Бурная теоретическая и политическая жизнь Франции, куда переехал К. Маркс, давала богатую пищу для размышлений, позволяла взглянуть со стороны на младогегельянское движение, но и ставила новые проблемы. Растущее коммунистическое и социалистическое движение подвергало решительной критике принципы того самого общественного строя, который немецкими радикалами расценивался как образец «разумного государства»; история еще раз обнаруживала, что в ней нет окончательных принципов и форм. Совершившие революцию страны демонстрировали новый тип функционирования теоретических, в частности философских, знаний в обществе, выявляя новые грани критичности и действенности философии: «У французов и англичан критика не есть какая-то абстрактная, потусторонняя личность, стоящая вне человечества; она — *действительная человеческая деятельность индивидуумов*, являющихся активными членами общества, которые, как люди, страдают, чувствуют, мыслят и действуют. Поэтому их критика в то же время проникнута практикой...»³⁶. Вместе с тем если критическая сторона в коммунистическом движении была довольно сильна, то теоретическая, конструктивная оказалась слабой, не содержала твердой опоры для обретения новых взглядов. «Едва ли не более важными, чем внешние препятствия, — пишет К. Маркс, — кажутся мне внутренние трудности. Хотя не существует сомнений насчет вопроса — «откуда?», но зато господствует большая путаница относительно вопроса: «куда?» Не говоря уже о всеобщей анархии в воззрениях различных реформаторов, каждый из них вынужден признать

³⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 93.

³⁵ Там же. Т. 13. С. 6.

³⁶ Там же. Т. 2. С. 169.

себе самому, что он не имеет точного представления о том, каково должно быть будущее»³⁷.

Тот способ деятельности, который выбирает К. Маркс в этой ситуации, есть критика, именно на нее возлагается задача устранить неопределенность и разрешить вопрос «куда?» как в теоретической, так и в практической области. «Мы, — пишет К. Маркс, — не стремимся догматически предвосхитить будущее, а желаем только посредством критики старого мира найти новый мир. До сих пор философы имели в своем письменном столе разрешение всех загадок, и глупому непосвященному миру оставалось только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. (...) Мы выступим перед миром не как доктринеры с готовым новым принципом: тут истина, на колени перед ней! — Мы развиваем миру новые принципы из его же собственных принципов»³⁸. У К. Маркса теоретическое, философское исследование — не сова Минервы, вылетающая в сумерках закончившегося дня, задним числом обобщающая и обосновывающая уже полученные теоретические и практические результаты, и не сова Минервы, оторвавшаяся от действительности и залетевшая в полдень нового дня, где она неизбежно слепнет и путается, но «работа современности над уяснением самой себе (критическая философия) смысла собственной борьбы и собственных желаний»³⁹, поиск и подготовка нового дня, который должен прийти на смену старому.

Эта постановка вопроса, этот критический подход выражает сущность, принципиальную характеристику марксистского понимания философской критичности. Сама философия должна быть критичной, должна играть творческую, действенную роль в культуре, общественной жизни. «Диалектика отрицательности как движущий и порождающий принцип»⁴⁰ — вот суть Марксова понимания содержания и значения критики. Не нормативно-контролирующая критика — родная сестра и верный признак догматизма, не критика, понятая лишь как средство борьбы с идейными противниками, и не философская критика как рецензирование философских работ, что в определенной мере важно, но и далеко от существа дела, а критика именно как движущий и порождающий принцип, как субъективное, деятельностное выражение объективной диалектики отрицательности. И философия, сознательно этот принцип воспринявшая, должна не только описывать механизм развития, «объяснять мир», но и сама по поднимаемым и решаемым ею проблемам, по культивируемому ею стилю мышления, по вырабатываемым ею ценностным ориентациям, по ее содержанию должна выступать как движущий и порождающий принцип, как иницилирующее и направляющее дальнейший процесс начало.

³⁷ Там же. Т. 1. С. 379.

³⁸ Там же. С. 379, 381.

³⁹ Там же. С. 381.

⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 627.

Именно такую роль философии в обществе обосновывала формирующаяся диалектико-материалистическая философия. Она выступила не просто как еще одно объяснение, истолкование действительности, а как мировоззренческая и методологическая основа программы преобразования существующей и созидания новой действительности.

Один из центральных пунктов расхождения К. Маркса с прежней философией, пункт, послуживший основанием для вывода о необходимости философии критичной, также и для разработки конкретных характеристик последней, заключен в приведенной выше ироничной фразе о «жареных рябчиках абсолютной науки». Как правило, прежняя философия: а) постулировала существование скрытой неизменной сущности науки, искусства, природы, общества, вообще человеческого бытия; б) ставила задачу *познания* этой сущности; в) рассматривала сформулированные универсальные философские принципы как безусловно истинные основания для конкретной теоретической и практической деятельности.

Эти универсальные принципы, абсолютные основы человеческого бытия, усматривались то в «природе как абсолюте» (Ф. Энгельс), то в боге или мировом духе, то в «чистом разуме», то в антропологической «природе человека» и т. п. Наряду с поиском и описанием неизменных сущностных характеристик бытия прежняя философия обычно разрабатывала метод познания описываемых ею сущностей и фундаментальную структуру человеческого отношения к миру представляла в виде дуальной схемы: сущность — познание ее человеком.

Эта схема развивалась созерцательным материализмом, включая фейербаховский, и даже Гегелем, который одним из первых увидел творческую природу человека, создающего самого себя своей деятельностью, но в то же время представил это самосозидание как процесс самопознания человеком своей абсолютной родовой сущности. Если верящий в абсолютные сущности философ полагал, что он такую сущность выявил, то, естественно, делал вывод, что конкретная практическая или теоретическая деятельность получала готовую истину, которую оставалось конкретизировать и реализовать. Так, немецкие «истинные социалисты», решив, что Фейербаху удалось раскрыть «истинную сущность Человека», ту истину, что люди «по своей природе» являются «коммунистами», рассматривали фейербаховские открытия как достоверное научное обоснование коммунизма, выводили из них принципы организации будущего общества как нечто уже совершенно ясное и бесспорное.

Согласно последовательно диалектическому и развивающему концепцию практической природы человека подходу К. Маркса, неизменной сущности человеческого бытия вообще не существует, природа человека как существа общественного и творческого нигде, так сказать, раз и навсегда не закодирована. Соответственно и философия не должна пониматься как «созерцание, усматриваю-

щее «истинную сущность» вещей»⁴¹, как поиск скрытой «программы» человеческого бытия и человеческой истории.

В отличие от животных, жизнедеятельность которых определена ограниченной природной меркой, человек есть существо практически-деятельное, творящее условия своего существования, творящее мир культуры, духовной и материальной, тем самым творящее и самого себя. Человек, пишет К. Маркс, есть «результат его *собственного труда*», и «*вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом»⁴². Философия может, а по К. Марксу и должна, включиться в этот непрекращающийся, не имеющий завершения процесс созидания человеческой культуры, выступить критичным, творческим его фактором. В афористически емкой форме суть дела выражена в известном тезисе К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»⁴³.

Критичность произведений К. Маркса не есть та «лестница», которая необходима для поднятия на новую теоретическую высоту и которую можно, обретя твердую почву собственных взглядов, просто отбросить, но выражает принципиальную, сознательно проводимую установку нового философского учения. Почти повсеместно у К. Маркса понятия «критика» и «исследование» используются как синонимы. Он разделяет «критику как самоцель» и «критику как средство»⁴⁴. В первом случае речь идет об исследовании того или иного вопроса, разумеется, всегда исследовании критическом, т. е. направленном прежде всего на поиск объективных противоречий, анализ их причин, выявление недостатков существующих форм теоретического и практического сознания, выведение и обоснование в ходе и посредством критики собственного позитивного решения и т. д. Критика как средство — это деятельность более философско-пропагандистского плана, имеющая главной целью не столько сугубо аналитическое, рационально-логическое рассмотрение вопроса, сколько убеждение, воздействие на эмоционально-чувственную сферу.

Будучи движущим и порождающим принципом, конструктивная критика обращается к новому, неизвестному, она должна быть одновременно и творческим процессом, «конструированием» будущего, и в то же время, чтобы теоретическое творчество не превратилось в субъективный произвол, она должна опираться на определенные объективные основания. Эта проблема — проблема обоснованности творческого поиска и объективности выдвигаемых решений — является достаточно сложной, ибо творчество всегда включает в себе элементы неопределенности, чревато ошибками и заблуждениями. Как решает эту проблему К. Маркс?

⁴¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 627, 598.

⁴³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

⁴⁴ Там же.

Прежде всего нужно отметить, что, отказавшись от «конструирования будущего и провозглашения раз навсегда готовых решений для всех грядущих времен»⁴⁵, К. Маркс вовсе не отказывается от предвосхищения будущего, выведения целей, должного. Без такого предвосхищения будущего теоретическая критика потеряла бы конструктивный, иницирующий и направляющий характер, без выдвижения определенных ценностей и норм, должного, противостоящего сущему, практическая деятельность столкнулась бы с известной ситуацией: иди туда — не знаю куда, найди то — не знаю что. Критичность требует предвосхищения будущего, и этот момент присутствует в деятельности К. Маркса. Напомним, что вопрос, который более всего волновал его в 1843 году, был вопрос «куда?» А уже в следующем году, когда коммунистическое движение еще оставалось слабым и продолжала царить «всеобщая анархия в воззрениях различных реформаторов», К. Маркс уже анализирует и формулирует некоторые принципиальные черты общества будущего. «История, — пишет он, — принесет с собою это коммунистическое действие, и то движение, которое мы в **мыслях** уже познали как само себя снимающее, будет проделывать в действительности весьма трудный и длительный процесс. Но мы должны считать действительным шагом вперед уже то, что мы с самого начала осознали как ограниченность, так и цель этого исторического движения и превзошли его в своем сознании»⁴⁶.

Методологические принципы, на основе которых строится К. Марксом предвосхищение будущего, — это конкретно-исторический подход, эмпирический анализ реальной социальной ситуации, выведение нового как разрешение противоречий, проблем существующего. «Критик, — пишет К. Маркс, — может... взять за исходную точку всякую форму теоретического и практического сознания и из **собственных** форм существующей действительности развить истинную действительность как ее должностное и конечную цель»⁴⁷.

Вместе с тем, как уже отмечалось, теоретическое предвосхищение будущего всегда содержит в себе элемент неопределенности, то, что выведено теоретически, может в той или иной степени не оправдаться на практике. Обобщая задним числом результаты практической и теоретической деятельности, можно претендовать на «мудрость», познание «истинной сущности вещей», но обращение к будущему, новому показывает иллюзорность «жареных рябчиков абсолютной науки». Критика поэтому должна быть не только методом выведения принципов, целей, но и необходимым компонентом творческого процесса, реализующего выдвинутые принципы и цели. «Коммунизм для нас, — пишут К. Маркс и Ф. Энгельс, — не *состояние*, которое должно быть установлено, не

⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 379.

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. С. 606.

⁴⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 380.

идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние»⁴⁸. Это действительное движение есть постоянный переход из настоящего в будущее, созидание нового с одновременным отрицанием старого, отжившего, мешающего дальнейшему продвижению вперед. Творческое исследование, связанное с этим движением, не может быть произвольным конструированием будущего, раз и навсегда готовых решений, равно как не может быть и простым обобщением и запоздалым объяснением уже сложившегося, наличного бытия; его принцип — диалектико-материалистическая критичность: анализ и выявление реальных, объективных противоречий, закономерно возникающих в ходе поступательного развития, выявление путей разрешения противоречий, критика существующей практики с позиции коммунистической перспективы и самокритика, проверяющая действенность имеющихся теоретических положений на основе объективного изучения реально сложившейся практики и ее проблем.

А. В. ГАЙДА, В. В. КИТАЕВ
Уральский университет

МАРКСОВО ПОНИМАНИЕ КРИТИКИ И ЕГО «НЕОМАРКСИСТСКИЕ» ФАЛЬСИФИКАЦИИ

Одним из ведущих направлений современной буржуазной и ревизионистской фальсификации марксизма стала его интерпретация в духе абстрактного критицизма, попытка исказить революционно-преобразующую сущность Марксова понимания критики, представить его свособразным философско-методологическим «тотальным» критицизмом нигилистического толка. Свою лепту в создание мифа о Марксе — абстрактном критике внесли такие представители «неомарксизма», как К. Корш, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Шмидт, О. Негт, А. Вельмер. Активно используется в «критическом марксизме» ранняя работа Г. Лукача «История и классовое сознание», различные «праксистские» ревизионистские концепции. К настоящему времени эта «критическая» версия «неомарксизма» вошла в состав методологических оснований «диалектической», «понимающей социологии», оказала и продолжает оказывать значительное влияние на антисциентистскую социокультурную ориентацию буржуазного общественнознания, приобрела под названием «критического марксизма» права «гражданства» в буржуазной и ревизионистской философии.

Марксистский критический анализ этого новейшего, утонченного варианта фальсификации марксизма актуален как в плане идеологической борьбы (в «психологической войне» эта фальси-

⁴⁸ Там же. Т. 3. С. 34.

фикация используется для доказательства «агрессивной, разрушительной» природы мирового коммунистического движения, реального социализма), так и в аспекте изучения проблем, выдвигаемых перед марксистско-ленинской философией практикой коммунистического строительства. На современном этапе развития нашего общества значительно возрастает роль критической функции философии, что обусловлено возросшими требованиями партии к общественной критике в целом, необходимостью более объективного, реалистичного осмысления противоречивых социальных процессов, четкого осознания перспектив и конкретных форм, методов ускорения социально-экономического развития, преодоления отжившего, косного и утверждения нового, прогрессивного. Исследование проблематики критической функции должно опираться на методологические положения классиков марксизма-ленинизма о сущности философии в ее критической направленности, которые фальсифицированы «критическим марксизмом» под видом творческого, «аутентичного» развития марксизма применительно к реалиям современной эпохи.

«Критический марксизм» представляет собой довольно причудливый конгломерат концепций, что отчасти объясняется личностными особенностями представителей этого направления, разнородностью их интересов, расстановкой акцентов в силу конкретно-исторической обстановки, социального заказа. Но в большей степени это зависит от того, что «критический марксизм» представляет собой по своей сути продукт эклектического синтеза буржуазно-ревизионистских теорий с элементами марксистской теории, причем при всей «оригинальности» этого синтеза его комбинации задаются доминирующими в тот или иной момент течениями буржуазной философско-социологической мысли. Так, несомненное влияние на «критический марксизм» в период его формирования (20—30-е гг.) оказали «философия жизни», неокантианство, философско-социологические теории Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, М. Вебера, К. Мангейма, В. Бенямина. В 60—70-е гг. «критический марксизм» заметно модифицировался под воздействием философской антропологии, постпозитивизма, герменевтических теорий. Следует учесть и то обстоятельство, что «неомарксистская» интерпретация марксизма в духе абстрактного критицизма получила широкое распространение из-за своего радикализма, содержащего подчас острую критику «позднекапиталистического» общества, которая имеет не всегда явно выраженную реакционно-романтическую подоплеку, в ходе своей эволюции эта критика все зримее тяготеет к сползанию на позиции заурядного буржуазного либерализма с фрондистским оттенком.

В марксистской литературе (в работах Б. Н. Бессонова, Ю. Н. Давыдова, И. С. Нарского, М. Б. Савича, М. А. Хевеши, Дж. Хофмана, Р. Штайгервальда) подвергнуты убедительному критическому анализу многие аспекты истории и теории «неомарксизма», подчеркивается важность его дальнейшего марксистского

критического анализа. Необходимым компонентом в развернутом, последовательном доказательстве коренной противоположности «неомарксизма» и диалектико-материалистической философии должно быть, на наш взгляд, исследование «критического марксизма» как интегративной характеристики методологического аспекта «неомарксизма». Ведущей задачей при исследовании «критического марксизма» является анализ его исходных принципов, вычленение того концептуального «ядра», которое при всех метаморфозах и конъюнктурных шараханиях, при определенных разночтениях отдельных представителей «неомарксизма» остается неизменным, задавая единый, «специфически неомарксистский» угол зрения на наследие классиков марксизма-ленинизма, определяя «неомарксистский» инвариант, скрытую логику «аутентичной» интерпретации взглядов К. Маркса на критическую функцию философии в виде «тотально-отрицающего» методологического гиперкритицизма.

Основные положения «критического марксизма» были выдвинуты в работах К. Корша, ранней работе Г. Лукача «История и классовое сознание» в ходе полемики с оппортунистическим наследием лидеров II Интернационала, которые отрицали существование философской стороны марксистского учения. «Классическое» выражение взгляда, господствовавшего среди теоретиков II Интернационала, дал К. Каутский. «Материалистическое понимание истории, — писал он, — не связано с материалистической философией. Оно соединимо с любым мировоззрением, которое обслуживается методом диалектического материализма или по крайней мере не стоит с ним в непримиримом противоречии. Не имеет значения, называется ли это мировоззрение материалистическим или борется с механическим материализмом, предпочитает реализм или эмпириокритицизм»¹. Забвение неразрывной связи теоретико-мировоззренческого и методологического аспектов философии марксизма, позитивистская редукция философского материализма К. Маркса к материалистическому пониманию истории, которое трактовалось с точки зрения «экономического детерминизма», приводило к принижению роли философии в учении марксизма, отрицанию философско-всеобщего статуса диалектического материализма, философско-социологического характера категорий исторического материализма, на практике же означало фаталистически-сциентистское преклонение перед фактичностью, некритические оппортунистические установки. Критическое преодоление предшествующей философии в марксизме изображалось лидерами II Интернационала упрощенно, прямолинейно, как борьба с «гегельянщиной», как механическое заимствование отдельных элементов философских учений прошлого. В противоположность такому пониманию К. Корш и ранний Г. Лукач формулируют свою

¹ *Kautsky K. Die materialistische Geschichtsauffassung. B., 1927. Bd 1. S. 28.*

«диалектико-критическую» концепцию «подлинного» отношения марксизма к философии.

В восстановлении «подлинного» отношения марксизма к философии Корш видел возможность вновь понять марксизм как «тотальную» критику буржуазного общества. «Тотальным» сознанием общественного процесса ему представлялась немецкая классическая философия — духовное оружие, с помощью которого буржуазия осуществляла свою программу. Марксистская теория, являясь теоретическим выражением интересов пролетариата, должна быть в таком же отношении к нему, как система немецкой классической философии к революционному движению буржуазии. Корш, однако, пытается доказать, что марксизм в качестве «тотальной» критики общества не имеет ничего общего с философией. К. Маркс, полагает Корш, в своем развитии прошел путь от философской критики к более зрелой критике буржуазного общества, которая не только по содержанию, но и по форме носит нефилософский характер. На передний план в марксистской теории выступает критика политической экономии, служащая основой тотальной критики буржуазного общества. «Социализм, развивающийся от утопии к науке, формально *происходит* из немецкой идеалистической философии, — пишет Корш, — но этим (формальным) философским происхождением, конечно, вовсе не предугадываемо, что этот социализм должен и в своем *самостоятельном виде* и в дальнейшем развитии остаться философией. Маркс и Энгельс самое позднее после 1845 г. уже перестали свою новую материалистически-диалектическую точку зрения считать философией. А если при этом принять во внимание, что для них как раз философия была синонимом буржуазной идеалистической философии, то нельзя упускать из виду также значение этого отождествления всякой философии с буржуазной философией, ибо здесь перед нами точно такое же положение, как и в вопросе об отношении марксизма к государству. Подобно тому, как Маркс и Энгельс боролись не только против определенной исторической формы государства, но вообще историко-материалистически отождествляли государство с буржуазным государством и на этом основании объявляли политически конечной целью коммунизма уничтожение всякого государства, точно так же они не только выступали против определенной философской системы, но и хотели в конце концов преодолеть и уничтожить при посредстве своего социализма философию вообще»².

Правильное решение вопроса об отношении марксизма к философии, подчеркивает Корш, позволит определить и особенности «теоретического уровня» классового сознания пролетариата. Непонимание специфики «теоретического уровня», согласно Коршу, является причиной поражения революции 1918—1919 гг. в Германии, поскольку уровень сознания рабочего класса существенно от-

² Korsch K. Marxismus und Philosophie. Frankfurt a/M., 1975. S. 89—90.

ставал от конкретной исторической ситуации. Вина в этом, по его мнению, полностью ложится на плечи теоретиков II Интернационала, которые игнорировали диалектику Маркса, не сумели поднять сознание рабочего класса до соответствующего уровня.

Для Корша неадекватность «теоретического уровня» пролетариата требованиям времени находится в прямой причинно-следственной связи со сложностями развития научного социализма, с кризисным состоянием марксизма, выразившемся в опошлении учения К. Маркса теоретиками II Интернационала, в разрыве теории и практики. Преодолеть это кризисное состояние Корш предлагает путем разработки «полностью недогматической» теории классовой борьбы. Создание такой теории невозможно «возвращением к основам марксизма». Корш не приемлет это ленинское указание, поскольку это означало бы возврат к первоначальному состоянию марксистской теории «как живой тотальности», целостность которой определялась тем, что она представляла собой «теорию **общественного развития**, рассматриваемого и понимаемого как живая тотальность»; впоследствии Маркс и Энгельс «создали другое, научно более строго выдержанное и всюду основывающееся как на фундаменте на критике политической экономии объединение отдельных составных частей системы»³. Ныне же, по Коршу, требуется «дальнейшее развитие», для чего необходимо «применить материалистическое понимание истории к самому материалистическому пониманию истории»⁴. «Научная теория марксизма снова должна стать тем, чем она была для авторов «Коммунистического манифеста», и притом не путем возврата к исходной точке, а путем **их дальнейшего диалектического развития**; должна стать теорией социалистической революции, охватывающей все области жизни как тотальность»⁵. Фальсифицируя историю марксистского учения, Корш дает свое произвольное толкование философии как составной части марксизма, ее сущности и функций. По его мысли, философия в марксизме получает функционально-прагматическое определение как проявление «тотальной» революционно-преобразующей, «универсально-отрицающей» деятельности пролетариата. Отсюда понятна имманентная характеристика философии как антифилософии; жизненное пространство философии в марксизме, в конечном итоге, Корш ограничивает критикой буржуазного теоретического сознания с позиций материалистического понимания истории, которое интерпретируется им не как позитивная, а как «критическая теория». Точнее, по Коршу, это эмпирический анализ буржуазной общественно-экономической формации: «исторический материализм в своей основной тенденции является более не философским, но эмпирическим научным методом»⁶. К. Маркс

³ Korsch K. Marxismus und Philosophie. S. 99—100.

⁴ Ibid. S. 34—35.

⁵ Ibid. S. 110.

⁶ Korsch K. Karl Marx. Frankfurt a/M., 1975. S. 203.

как революционный критик религии, философии, политики, права сконцентрировал свои усилия более всего на экономике, в результате «материалистическая общественная наука Маркса является не социологией, но экономией»⁷. Поскольку в материалистическом понимании истории, достигшем в «Капитале» конкретной политической экономической определенности, буржуазное общество познается как тотальность, в которой общественное бытие и общественное сознание, теория и практика образуют неразрывные стороны конкретной тотальности исторического процесса, то материалистическое понимание истории, марксизм как метод становятся критикой. «Марксизм не является ни «экономией», ни «философией», ни «историей», ни какой-либо «гуманитарной наукой» или комбинацией таковых... Скорее содержит основная экономическая работа... от начала до конца «критику» политической экономии»⁸. Определение методологического статуса марксизма как критики следует у Корша из его произвольной трактовки материалистического понимания истории. В современной буржуазной философской литературе отмечается, что доказательство Коршем необходимости уничтожения философии как «идеальной части действительности» посредством «духовных акций» критической практики в форме «революционной научной критики» основано на его субъективистской интерпретации истории марксизма⁹.

Таким образом, претензии Корша на «дальнейшее развитие» марксизма оборачиваются ревизией марксизма. Тезис «марксизм есть критика» Корш превращает в тезис «марксизм есть только критика». Смысл этой ревизии состоит в абсолютизации критической стороны учения К. Маркса на основе искаженного материалистического понимания истории, фальсифицированной истории марксистской теории. Весь пафос «критического марксизма» Корша в том, что тотальность должна отрицать самое себя как тотальность. История марксистского учения, революционная борьба рабочего класса укладываются Коршем в абстрактную схему «духовной» и «практической» форм самоотрицания тотальности буржуазного общества. Тем самым Корш объективно приходит к отказу от позитивных идеалов марксизма; в свете этого вполне закономерны его анархо-синдикалистские прожекты, левацкие загибы, пролеткультовские тенденции и последующий открытый переход на антиленинские позиции, неприятие реального социализма. Эта же схема, по существу, лежит в обосновании Коршем «плюралистичности», «специфичности» марксизма, который, по его мнению, выступает подчиненным моментом развертывания логики тотальности, отрицающей себя всякий раз специфично в той или иной определенной конкретно-исторической, национально-

⁷ Korsch K. Karl Marx. S. 207.

⁸ Korsch K. Marxismus und Philosophie. S. 138.

⁹ Hartmann K. Die Marxschetheorie. Eine philosophische Untersuchung zu den Hauptschriften. B., 1970. S. 77.

культурной обстановке. Такое ревизионистское понимание сущности марксистского учения Коршем, итоги его «творческих» изысканий отчетливо выражены им самим в работе «Почему я марксист», где Корш выделяет четыре «сильные стороны» марксизма: 1. «Марксизм не всеобщ, но специфичен»; 2. «Он не является позитивным, но критическим»; 3. «Его предмет не есть нечто *«существующее»* и в его постоянстве подтверждающееся, но *«преходящее»* и как переходящее доказываемое капиталистическое общество»; 4. «Его цель не созерцание и удовлетворение существующего мира, но его *практическое преобразование»*¹⁰.

Наряду с Коршем заметная роль в становлении «неомарксистской» версии «критического марксизма» принадлежит Г. Лукачу, его книге «История и классовое сознание», в которой развиваются взгляды, во многом служащие для абсолютизации критической функции философии марксизма. Как справедливо указывает М. А. Хевеши, «с самого начала обнаруживается, что Лукач не делает различия в таких понятиях, как марксизм, марксистская философия, исторический материализм, — все это для него марксистская диалектика, революционный метод. Сам марксизм определяется Лукачем как метод»¹¹. Этот метод, по Лукачу, должен быть направлен на формирование классового самосознания пролетариата, на постижение и революционное преобразование буржуазного общества посредством разоблачения фетишистских иллюзий «овеществленного» буржуазного сознания, которое рассматривает социальную действительность созерцательно и метафизически, застревая на поверхностном, рассудочном анализе отдельных кусочков иррациональных, превращенных форм «овеществленного» мира. Лукачу импонирует, что марксизм вскрывает механизм возникновения и функционирования этих иллюзий, разгадав тайну товарного фетишизма, который порождает соответствующие фетишистские формы теории в виде идеалистической философии. Понять сущность идеологических, иллюзорных форм фетишистского «овеществленного» сознания, противопоставить им подлинно научную, материалистическую философию можно, считает Лукач, обратившись к «диалектико-динамическому» рассмотрению исторического процесса, понимая философию (пролетарскую науку, по обозначению Лукача) как часть революционной практики рабочего класса — становящегося субъекта-объекта истории, который в своей деятельности снимает противоположность «между субъектом и объектом, мышлением и бытием, свободой и необходимостью»¹². Настаивая на сугубо методологической трактовке марксистской философии и ее однозначной критической направ-

¹⁰ Korsch K. Warum ich Marxist bin // Gegen Dogmatismus in der Arbeiterbewegung. B., 1970. S. 8.

¹¹ Хевеши М. А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М., 1977. С. 86.

¹² Вестн. Соц. Академии. 1923. № 6. С. 113.

ленности, Лукач придает ей черты абстрактного критицизма, который лишен надежных ориентиров отрицания, диалектико-материалистического критерия критичности, поскольку для Лукача объективная диалектика существует только в «тотальности» общественно-исторической практики. Лукач отрицает всеобщность диалектических законов и ограничивает сферу их действия социально-преобразующей деятельностью, отказывается от принципа отражения во имя «диалектико-динамического», целостного понимания марксизма как метода изменения действительности, но его постановка проблемы чревата тем, что общественно-историческая практика, в тотальности которой движется (познавая и отрицая) марксистская теория, утрачивает материальное начало. Классики марксизма-ленинизма обращали внимание на неразрывность «обработки природы людьми» и «обработки людей людьми» как сторон человеческой деятельности¹³. Элиминация первой стороны приводит Лукача к субъективизации второй стороны человеческой деятельности. Впоследствии Лукач, оценивая идеи книги «История и классовое сознание», сам признавал, что «ленинская характеристика «идеализма снизу» в «Материализме и эмпириокритицизме» попадает как раз в центральные ошибки моей книги, хотя я никогда не был в соприкосновении с махизмом. Моя борьба против теории отражения, против марксовско-энгельсовского понимания диалектики в природе является типичной формой проявления такого «идеализма снизу». И само собой разумеется, что в соответствии с этим «материализм сверху» мог быть лишь идеалистически искаженным обезжизненным марксизмом»¹⁴. Такое «идеалистически искаженное и обезжизненное» материалистическое понимание истории ставило целью марксистской философии критику «овеществленных» теоретических образований буржуазного общества, критичность *материалистической* диалектики неизбежно приобретала характер абстрактного критицизма. В. И. Ленин подчеркивал, что «не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике»¹⁵. Но именно этот момент не учитывается в «Истории и классовом сознании», поскольку Лукач деформирует структуру субъектно-объектного взаимодействия, выводя за ее пределы те уровни, которые определяют ее целостность.

Мера критичности при оценке тех или иных общественных процессов и явлений, степень конструктивности самой критики определяются их соответствием основным тенденциям социального прогресса, который должен пониматься диалектически — конкретно, на основе диалектико-материалистической категории практики; содержательность критики определяется принципом историзма. Философия марксизма у Лукача в ее критическом измерении

¹³ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 35.

¹⁴ Под знаменем марксизма. 1934. № 4. С. 143.

¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

замкнута на непосредственную действительность в специфической идеальной данности (в форме «овеществленного сознания»); в этой постановке, по существу, воспроизводится противопоставление всеобщности и непосредственной действительности практики, которое снимается в марксизме на основе материалистического понимания истории. Но для идеализма, обоснованно отмечает В. Г. Табачковский, «всеобщность и непосредственная действительность практики является антиномией, разрешить которую без ущерба для какой-либо из ее сторон он не в состоянии. Эта антиномия вообще возникает в результате идеалистического игнорирования предметного характера практики»¹⁶.

Абстрактное гипертрофированное понимание марксизма как критики у К. Корша и раннего Г. Лукача было воспринято впоследствии теоретиками Франкфуртской школы и их сторонниками, видевшими свою задачу в критике с позиций абстрактного индивида несправедливости социальных отношений, в критике всей прежней методологии «традиционных теорий», «легитимного» характера современного «официально-партийного» марксизма и т. д., не предлагая реальных альтернатив взамен отвергаемой действительности. По мнению буржуазных исследователей «критической теории», Франкфуртская школа смогла оказать существенное воздействие на философскую ситуацию западногерманского общества тем, что в «критической теории» учитывается то обстоятельство, что «динамика общественной действительности требует диалектических понятий, которые должны понимать данное только через аспект его преодоления»¹⁷. «При этом, — справедливо отмечает Ю. Н. Давыдов, — **критичность** теории — ее способность разрушать любую «позитивность» — трактуется как тождественная ее диалектичности»¹⁸.

Принцип «критичности» у франкфуртцев предстает как абстрактный социальный критицизм, ограничивающийся направленностью на разрушение, деструкцию действительности, представляющий собой нечто вроде «критики ради критики», нигилистическим отрицанием всего сущего. При этом франкфуртцы основывают свое понимание «критичности» и саму «тотальную критичность» якобы на Марксовом «принципе беспощадной критики всего существующего». На самом же деле философско-методологический критицизм «критической теории» выступает как прямое логическое следствие исходных метафизических и идеалистических посылок «негативной диалектики», специфически-«критически» концептуализированной Т. Адорно¹⁹.

¹⁶ Табачковский В. Г. Критика идеалистических интерпретаций практики. Киев, 1976. С. 19.

¹⁷ Fellman F. Gelebte Philosophie in Deutschland; Denkformen der Lebensweltphänomenologie und der Kritischen Theorie. Freiburg; München, 1983. S. 160.

¹⁸ Новейшие течения и проблемы философии в ФРГ. М., 1978. С. 224.

¹⁹ См.: Гайда А. В., Китаев В. В. Негативизм как принцип социологии Франкфуртской школы // Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития. Свердловск, 1984.

Истоки «критичности» франкфуртские теоретики ищут у Канта, многие работы которого начинались словами «критика», указывают на то, что и у Маркса большая экономическая работа носит название «К критике политической экономии», что подзаголовок «Капитала» тоже звучит «Критика политической экономии». В 30-е гг. М. Хоркхаймер предложил назвать свою теорию, пытаясь подчеркнуть ее близость к марксистской, «критической», которая была бы ни историей, ни историографией, ни философией, но просто «критической теорией». Ю. Хабермас тоже со своих «неомарксистских» позиций определяет марксизм как критику. «Маркс, — пишет он, — дал своей теории название критики — не случайное название, если понимают критику политической экономии как завершение того начинания, которое началось с филологической критики гуманистов, продолжилось в эстетике литераторов и, наконец, в теоретической и практической критике философов научилось понимать себя как критику»²⁰. Решая вопрос об отношении марксизма к философии, Хабермас в духе Корша утверждает, что «Маркс понимает свою критику более не как философию, а, скорее, пожалуй, как ее преодоление»²¹. Марксистская теория, по его мнению, выступает как «научно фальсифицируемая философия истории в практическом смысле», ибо научно-теоретическая структура марксизма соответствует политически понятой философии истории. Марксизм как критика, полагает Хабермас, а именно как социальная критика теории общества и философии истории, находится «между наукой и философией»²².

Марксистская теоретическая критика не имеет ничего общего с нигилистическим критицизмом «франкфуртцев». К. Маркс, давший подзаголовок «Капиталу» «Критика политической экономии», понимал в данном случае под критикой вид научного исследования. Так, в письме к Лассалю от 22 февраля 1858 г. он пишет: «Работа, о которой идет речь в первую очередь, — это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее в процессе изложения»²³. Несколько ниже К. Маркс поясняет свою позицию относительно критики: «Я, конечно, не могу обойтись без того, чтобы время от времени не делать критических замечаний относительно других экономистов, в особенности не могу избежать полемики с Рикардо, ибо даже он, как буржуа, вынужден совершать ляпсусы *даже со строго экономической точки зрения*»²⁴. Таким образом, понятие критики используется К. Марксом, с одной стороны, для установления логических противоречий, «ляпсусов» буржуазных теорий, а с дру-

²⁰ Habermas J. Theorie und Praxis. Frankfurt a/M., 1974. S. 244.

²¹ Ibid. S. 244.

²² Ibidem.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 449.

²⁴ Там же.

гой — для выражения противоположного характера своей теории относительно критикуемой. Задача марксистской критики — постановка, анализ и решение проблемы с позиций диалектико-материалистической методологии, опирающейся на действительность с сохранением положительного содержания предшествующей теории.

Марксистская философия дает научное понимание, теоретико-методологическое обоснование критического отношения человека к миру, когда «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»²⁵. Рациональное объяснение феномена критики как атрибута культуры возможно только на основе диалектико-материалистической концепции практики, поскольку критика — специфическая, избирательно-элиминирующая форма ценностного отношения, которое выявляет «механизм связи практического и познавательного взаимодействия субъекта и объекта»²⁶, подчиняясь закономерностям практики — материальной, целеполагающей деятельности.

Негативистское истолкование критической функции марксистской философии, деструктивно-нигилистическое понимание феномена критики как такового основываются в «критическом марксизме» на идеалистическом решении основного вопроса философии, субстанциализации функциональных характеристик практики. Суть нового этапа «критического марксизма» состоит в редукции диалектико-материалистического мировоззрения к «критической теории», понимаемой как «модификация» исторического материализма, соответствующая «новой стадии капиталистической эры», в очищении марксистской теории от «чуждого» ей онтологического содержания, в превращении практики в субстанциональную основу мира. История и теория «критического марксизма» убедительно показывают его коренную противоположность диалектико-материалистическому воззрению.

Е. Г. ТРУБИНА
Уральский университет

КРИТИКА К. МАРКСОМ ЯЗЫКА ФИЛОСОФИИ: ОСОБЕННОСТИ И СМЫСЛ

Великое право и обязанность ученого-философа осуществлять подлинно научное критическое исследование истины — не самоцель. Оно тесно связано с необходимостью борьбы за революционное преобразование мира. Эту связь впервые реализовал К. Маркс, и в этом проявилась его высшая научная принципиальность. Демонстрируя несостоятельность претензии старой философии на то,

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 195.

²⁶ Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981. С. 167.

чтобы быть «критической критикой», К. Маркс подчеркивал, что сознание пролетариата может быть более критичным, чем идеология, находящаяся подчас в плену устоявшихся норм. Выдвижение К. Марксом в качестве приоритетной задачи философии критической перестройки и обоснования норм, идеалов и программ социального действия привело к усложнению социальных интенций, заложенных в текстах его работ, к усложнению коммуникативной стратегии его философствования.

Решая проблему внесения теории в сознание рабочих, К. Маркс находился под влиянием парадигмы просвещения, отчетливо сформулированной Кантом в «Ежегоднике 1784 года»: «Истинное Просвещение признает за просвещаемым его гражданское интеллектуальное совершеннолетие»¹, то есть установка истинного Просвещения — пробуждение в реципиенте его собственного самостоятельного мышления. Соответственно и у К. Маркса речь идет не о простом «вкладывании» теории, не о внесении «света» в пред-рассудочное сознание, не о доступности текста в смысле его «разжеванности», а о реализации более сложной задачи: текст произведения должен быть построен так, чтобы наводить читателя на размышление, стимулировать активный личностный поиск истины на почве критического осмысления текста.

Как известно, критике подвергается прежде всего содержание теорий. Обсуждается также глубина аргументации и степень доказательности выдвигаемых объектом критики положений. Однако критический анализ был бы неполным без обращения к способу, каким оформлены соответствующие положения, к языку, в котором они зафиксированы.

К тому же подчас весьма сложно найти грань, отделяющую критику языка, технический, чисто терминологический анализ от критики собственно философской системы, от рассмотрения того, почему именно эти, а не другие языковые средства выбраны для фиксации данного теоретического содержания.

Становление философии марксизма сопровождалось усвоением и критическим пересмотром всего философского наследия. Составной частью этого процесса была рефлексия по поводу используемого мыслителем языка. Для К. Маркса было ясно, что теоретизировать нужно на языке, термины которого имеют основу в реальности, так чтобы они были понятны всем, а не только материально и интеллектуально привилегированному меньшинству. Формируя свое мировоззрение, К. Маркс не мог не задумываться о путях его распространения, внедрения, один из которых — доступное изложение сути его идей.

Если еще Г. Лейбниц надеялся, что совершенным языком философии мог бы быть искусственно созданный или математический язык, то уже Гегелю, а тем более К. Марксу было ясно, что

¹Кант И. Письма и трактаты. М., 1980. С. 152.

необходимый язык может быть создан только на основе народных, естественных языков.

Осознав недостаточность фейербаховской критики религии, К. Маркс подчеркивает, что критическое отношение к божественному миру необходимо дополнить критикой мира земного. Критикуя современный ему общественный порядок, он приходит к выводу, что в силу природы буржуазного общества от человека отчуждается не только продукт его собственного труда, но и его духовная сущность, в том числе и язык, на котором он говорит. Для того чтобы развить и совершенствовать сознание в целях собственного освобождения, народу необходим свой собственный язык. Естественно, что для К. Маркса народ, требующий освобождения, не только немцы, но и весь пролетариат. Главный путь развития сознания народа — демистификация идеологически господствующего языка философии, политики, религии. Стремление сделать язык философии приемлемым и понятным для всех можно считать существенным элементом философской программы К. Маркса.

Рассмотрим подробнее, как складывалось отношение К. Маркса к языку гегелевской философии. В своем критическом отношении к языку предшественника К. Маркс следовал традиции, сложившейся до него: переосмысливать лучшие теоретические достижения прошлого, в том числе и в плане терминологического оформления. Не первый раз в истории философии оказалось, что непосредственным теоретическим предшественником оказался человек с противоположными взглядами: Юм—Кант, Кант—Гегель. Показательно, что кантовская терминология была подвергнута Гегелем резкой критике, который полагал, что очень трудно правильно использовать выражения типа «априори», «синтетическое суждение», «синтетическое единство апперцепции» и т. п. Г. Тевзадзе замечает на этот счет: «Даже после того, как незнание трудов Канта в немецкой и вообще европейской философии стало считаться позорным, его сторонники не отрицали наличия у него варварской терминологии. Речь идет не о второстепенных терминах, а о таких, как априорное и апостериорное, трансцендентальное и т. д.»²

К. Маркс критиковал гегелевскую терминологию уже в работе «К критике гегелевской философии права», которая пестрит придирками к ее стилю. Стилистическая особенность Гегеля: «при помощи двух словечек «таким образом» создается видимость последовательности, дедукции и развития»³. По мере того как для К. Маркса становилось очевидным то обстоятельство, что не в гегелевской спекулятивной форме изложения дело, что задачу соединения передовой философии с жизнью невозможно решить в

² Тевзадзе Г. Иммануил Кант: Проблемы теоретической философии. Тбилиси, 1979. С. 194.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 230.

рамках идеализма, он становится гораздо более терпимым к гегелевскому языку. Полемизируя с Гегелем по существу дела, он не вступает с ним в споры из-за слов, напротив, пользуется строго разработанным языком Гегеля даже там (и что еще важнее, именно там), где формулирует свои диаметрально противоположные, по существу, воззрения⁴. Последнее обстоятельство тем более нуждается в объяснении, что еще при жизни К. Маркса это приводило многих, а некоторых «критиков» на Западе и сейчас приводит, к выводу об идентичности терминологий, а следовательно, взглядов Маркса и Гегеля.

«...Читатель, незнакомый с тонкостями гегелевского языка, то и дело сталкивается у Маркса с неожиданными для себя оборотами речи, вдруг выворачивающими наизнанку привычный смысл «обычайших» слов. Иногда такой читатель просто отмахивается от подобных случаев словоупотребления, относя их за счет стилистических излишеств, за счет кокетничанья с гегелевским способом выражения (благо сам Маркс признавался в этом грехе) и не подозревая, что в этом «выворачивании» значения ходячих словечек у Гегеля — а потому и у Маркса — находили свое выражение вовсе не терминологические карпризы и произвол, а гораздо более серьезные вещи: реальная диалектика, то есть превращение в свою собственную противоположность... явлений»⁵.

Сущность Марксовой критики гегелевского языка заключается именно в выделении реальной философской проблематики, фиксируемой тем или иным термином. Как известно, ни один «чужой» термин не может быть эксплицирован в философском языке, если нет определенной степени общности содержания, обозначаемого данным термином, с данной философской системой⁶. Гегелевская терминология есть терминология языка диалектики, указывающая и обозначающая закономерности реальной диалектики вещей. Это, вероятно, тоже является причиной сохранения К. Марксом гегелевских терминов.

К. Маркс продолжает свою критику философского языка в «Немецкой идеологии», основываясь теперь на материалистической концепции общества. Наиболее часто человеческая история дематериализовалась философами и теологами так, что вместо разговора об индивиде в конкретном историческом контексте фигурируют термины типа «самосознание» или «дух», выворачивающие наизнанку весь ход событий. К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против замещения этими абстракциями реального индивида еще в «Святом семействе»: «У *реального гуманизма* нет в Германии

⁴ См.: Ильенков Э. В. Проблема абстрактного и конкретного // Анализ научного знания. М., 1970. Вып. 2. С. 88.

⁵ Там же. С. 88.

⁶ См.: Маркарян Э. С. К проблеме экспликации «чужезычных» философских терминов в «своем» языке философии // Вестн. Ерев. ун-та. Сер. Обществ. науки. 1979. № 3. С. 149.

более опасного врага, чем *спиритуализм* или *спекулятивный идеализм*, который на место *действительного индивидуального человека* ставит «самосознание», или «дух»⁷. «Немецкая идеология» наполнена переводами, демистификациями этого спекулятивного языка. Короткие фразы типа «это следует читать», «это слово значит» сопровождают каждый пассаж М. Штирнера. Тот же прием использовался в «Святом семействе», где фраза «выражаясь точно и прозаически» часто применялась, чтобы «выкачать воздух претензий» из «критического» языка» Б. Бауэра. К. Маркс здесь продолжает использовать фейербаховскую стратегию «перевода и демистификации», но здесь она подкрепляет его материалистический взгляд на историю общества. Демистификация того, что К. Маркс считал дискредитированным способом дискурса, перевод на такой язык, который более точно отражает материальный мир, требовали раскрытия различных способов, используемых для оправдания частной собственности и классовой дифференциации. Последние К. Маркс называл «логическими трюками».

В длинном пассаже из третьей части «Немецкой идеологии» К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают обоснование неустранимости частной собственности Штирнером, который превратил ее в понятие собственности, эксплуатируя этимологическую связь между словами *Eigentum* (собственность) и *eigen* (особый, свойственный) и объявляя слово «свойственный» вечной истиной. По словам К. Маркса и Ф. Энгельса, этот тип языковой игры — «теоретический вздор», имеющий под собой то основание; что «действительная частная собственность, которую стремятся уничтожить коммунисты... была превращена в абстрактное понятие «собственности вообще»⁸. Данный «способ аргументации» позволяет с легкостью открыть в коммунизме противоречие, поскольку *после* уничтожения (*действительной*) собственности при коммунизме, конечно, нетрудно открыть в нем еще целый ряд вещей, которые можно подвести под понятие «собственность вообще»⁹.

Эффективность такой языковой игры до поры очень велика, так как ключевые слова языка отражают материальные условия общества: буржуазия экспроприировала не только средства производства, но и средства выражения: «Буржуа может без труда доказать, исходя из своего языка, тождество меркантильных и индивидуальных, или даже общечеловеческих, отношений, ибо самый этот язык есть продукт буржуазии, и потому как в действительности, так и в языке отношения купли-продажи сделались основой всех других отношений»¹⁰.

Итак, отбор особых или, по крайней мере, первичных значений ключевых слов философских, политических и экономических текстов — блестящий способ идеологизировать повседневный язык

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 7.

⁸ Там же. Т. 3. С. 217.

⁹ Там же. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 219.

так, чтобы отражать интересы господствующего класса. Как раз неопределенность, широта значений подобных терминов и позволяла использующим их авторам подводить под них самое различное содержание, и на это К. Маркс обратил внимание в самых первых своих работах. В «К критике гегелевской философии права» он подчеркивает, к примеру: «Нечистая совесть заставляет Гегеля выбрать это неопределенное выражение»¹¹. Но для нас сейчас важна следующая идея: слова типа «собственность», «индивидуальность», «свобода», «справедливость» используются во всех сферах жизни — во всех «языках», поэтому можно согласиться с мнением, что суть идеологического дискурса — не в использовании философских терминов, но в «языке реальной жизни», ибо это язык, который может быть тайно и легко модифицирован для того, чтобы отражать специфическую идеологию¹².

Другим вариантом может быть использование «синонимов», образующее неоправданные связи между радикально отличающимися значениями сходно звучащих слов¹³: «Синонимика служит... для превращения эмпирических отношений в спекулятивные: слово, употребляемое как в практической жизни, так и в философской спекуляции, он (Штирнер — *Е. Т.*) применяет в его спекулятивном значении и потом делает вид, что тем самым он подверг критике и те реальные отношения, которые тоже обозначаются этим словом. Так он поступает со словом «спекуляция»... Он ополчается против философской спекуляции и думает, что разделался тем самым и с коммерческой спекуляцией»¹⁴.

Как видим, К. Маркс использует самые разнообразные приемы, позволяющие вскрыть истинное содержание и намерения авторов, воплощенные в их творениях. Приведенный выше пассаж характерен еще и в следующем отношении. Сколь бы актуальной ни казалась К. Марксу задача философии «свести свой язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира»¹⁵, он понимал, что преодоление философских иллюзий возможно не столько на основе критики языка старой философии, сколько на основе «критики реальных отношений». Прежде чем убеждать философов изменить свой язык, необходимо было изменить материальные условия человеческой жизни, и — как результат — изменить сознание человека, и только тогда можно было устранить причину растущей абсурдности теоретического языка философии и социальных наук. В самом крайнем случае последняя могла привести к «концу философии» и к «концу всякой речи», когда философы начинают

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 309

¹² См.: Cook D. Marx's critique of philosophical language // Philosophy and Phenomenological Research. Buffalo, 1982. Vol. 42, N 4. P. 548.

¹³ В современной лингвистике этот феномен называется омонимией.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 265—266.

¹⁵ Там же. С. 449.

прибегать к «несказанному» или приписывать мистическую власть некоторым словам¹⁶.

Некоторые исследователи полагают, что ранние работы К. Маркса были эзотерическими, понятными только посвященным в гегелевскую философию, в то время как его поздние работы стали экзотерическими, понятными всякому, кто их читает. Как пишет один из них, «когда Маркс пришел к убеждению, что задача философии не в интерпретации мира, но в его изменении — не путем теоретических дискуссий, но скорее политических действий, из этого следовало, что язык обсуждений должен был выйти из философского языка, который по самой своей природе — язык избранных, и прийти к языку, равно приемлемому для всех. Это был перевод философии на пропаганду, с языка теоретических дискуссий на язык воинственных действий...»¹⁷. Во-первых, ранний период творчества К. Маркса также был пронизан социальными интенциями; больше того, решая проблемы внесения теории в сознание рабочих, решая проблемы социал-демократической печати, К. Маркс отдавал себе отчет в необходимости популяризации своего учения и задавался проблемой роли языка в этом процессе. Во-вторых, отношения философии и пропаганды, философии и популярного ее изложения в марксизме неизмеримо сложнее.

Философия не может быть популярной, как и популярное не может быть выражено философски, говорил Гегель, не исключая однако, того, что народ может подняться до истинной философии.

И. М. Кантор верно подчеркивает в этой связи, что дело не только в социальной позиции философа, не только в том, изолируется ли он от непосвященных или стремится к тому, чтобы философия оделась в «легкую одежду газет». Дело в том, что философские идеи, схемы мышления, как и элементы научного знания и профессиональной художественной культуры, со временем проникают в «почву», но происходит это в каждом случае специфически¹⁸.

Смысл Марксовой критики языка нельзя, конечно, свести лишь к реализации коммуникативной стратегии его философствования. Д. Кук прав, подчеркивая, что в анализе современных ему языковых ресурсов К. Маркс концентрирует свою энергию на семантических проблемах: как и, что более важно, почему значения ключевых слов языка изменяются, особенно те, которые выражают отношения между индивидами и классами: «Эти слова были полем сражения в борьбе за демистификацию языка и вскрытие

¹⁶ Там же. С. 451—452.

¹⁷ См.: Karl Marx: Early Writings / Hebrew Transl., Introd. and Notes by Sh. Avineri, red. ed. Tel. Aviv, 1976. P. 29.

¹⁸ См.: Кантор И. М. Философия и культура в историческом развитии человечества // Вопр. философии. 1983. № 7. С. 94.

истинного смысла, который должен иметь место»¹⁹. Характерно, что «опасность» таких слов К. Маркс видел не в их концептуальной, абстрактной природе, а в том, что эти термины и идеи, которые они выражают, ведут к специфическим злоупотреблениям, поскольку такие «универсалии» легко оторвать от их основы — производственных отношений. Построенный на основе абстрактных терминов теоретический философский язык, язык той теории, которая становится материальной силой, предполагает, конечно, элиминацию некоторых социальных и философских терминов, но его абстрактная, концептуальная природа сохранится. К. Маркс был убежден, разоблачая эзотерические качества старого языка, что «массы» смогут теоретизировать, понимая свое положение и действуя сообразно этому пониманию. Для этого необходимо критиковать и очищать наличный язык, а не отказываться от него во имя другого, каким бы «конкретным» тот ни казался.

Обращение к критике К. Марксом языка философии представляется поучительным в следующих отношениях.

Анализ функционирования философии в системе культуры сопровождается рассмотрением того, каким образом мировоззренческие универсалии концептуализируются в философском языке и в какой мере последний пригоден для воплощения первых. В истории философии очень велика преемственность, и бывшие идеи возрождаются вновь, но с иными социальными интенциями, иным культурным значением и... в иных терминах. Критическое отношение к последним позволяет улавливать оттенки смысла, «мобилизованные» автором для решения насущных проблем, актуализированные в контексте современности, как это удалось К. Марксу в анализе гегелевской системы.

Стремление «просветить массы», как это не раз случалось в духовной жизни Европы, сопровождается «опошлением», «вульгаризацией», «принижением» — высокого смысла пронизывающих тот или иной исторический период философских идей. Б. Бауэр и М. Штирнер, к деятельности которых столь резко критически отнеслись К. Маркс и Ф. Энгельс, попытались реализовать в отношении к «массе» авторитарные установки, демонстрируя неверие в ее практические и духовные возможности, прибегая в своих творениях к самым различным словесным и логическим ухищрениям, защищая буржуазные устои. Анализ их работ сосредоточен в ранних творениях классиков марксизма, и критика, контраргументация носит по существу логический, и, как мы попытались показать, лингвистический характер вследствие недостаточной проработанности собственной позиции и, как результат этого, стремления отмежеваться от теоретических противников прежде всего по форме.

По мере того как К. Маркс все основательнее становился на позиции рабочего класса, все более отчетливой становилась его

¹⁹ См.: Cook D. Marx's critique of philosophical language. P. 552.

оценка философских, экономических концепций не только с точки зрения полноты и точности отражения процесса общественного развития, но и с точки зрения их соответствия интересам конкретного класса, их значимости для классовой борьбы. Так, даже принимая язык буржуазных политэкономов, К. Маркс смог вложить в него адекватное освещение капиталистического производства именно потому, что уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» встал на точку зрения рабочего, о чем прямо и пишет в главе «Отчужденный труд».

Рабочий, «действительный человек» как исходный пункт теоретической позиции и рабочий как «реципиент», человек, которому в конечном счете предназначались все теоретические построения — тексты Марксовых работ не могли не отличаться в зависимости от того, какая конкретная коммуникативная задача перед ним стояла.

Проследить прямую связь с этим обстоятельством критики К. Марксом языка сложнее, но ясно, по крайней мере, что чем более упрочивался К. Маркс в своих взглядах, чем более он был в состоянии «классически» сформулировать свои теоретические положения, тем свободнее он обращался с ресурсами современного ему философского языка. В основе критического отношения к последнему теперь лежало уже не «теоретическое долженствование», а способность его характеризовать реальные исторические процессы.

В контраргументации К. Маркса на место теоретического долженствования приходит фактическая достоверность, «в результате те же самые термины, которые у Гегеля, Фейербаха, а нередко и у Маркса были не вполне определенными, допускающими различное толкование, теперь связываются с вполне определенными историческими явлениями и тем самым приобретают большую точность»²⁰.

Таким образом, вполне осознавая известную «внешность» критики языка по отношению к собственно критике той или иной системы воззрений, подчеркнем, однако, что первая занимает вполне определенное место в критическом процессе. Продиктованная озабоченностью, связанной с максимально доступным изложением новой системы взглядов, критика наличного языка выходит на первый план как первоначальный этап критики. Она, как правило, сопровождается углублением в содержание проблемы, а на выходе приводит не только к углублению и развитию позиций автора (это — прерогатива подлинной критики как таковой), но и к созданию адекватных языковых средств.

²⁰ Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., 1986, С. 224.

ФИЛОСОФСКАЯ КРИТИКА КАК ФОРМА ОБЩЕНИЯ: КРИТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ЛЕНИНСКОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

Философская критика вырастает на почве живого социально-практического общения, постоянно питается им и в конечном счете обращена к нему, а точнее, к тем или иным его социальным сторонам-участникам. А в социальном общении идет постоянный спор, отражающий реальную диалектику общественного бытия, его объективные противоречия и различия между людьми. Настоящий «диалог свободных людей — это непременно спор: встреча речей, сшибка характеров и мировоззрений»¹. В отличие от общенаучной формы полемики, критики философская критика представляет не только личную позицию критика или какой-то группы ученых, а позицию широких социальных сил. Критическая функция марксистско-ленинской философии — важнейший аспект ее пролетарской партийности, и значение ее в идеологической борьбе растет.

Характеризуя философскую критику, К. Маркс в свое время писал: «Подлинно философская критика современного государственного строя не только вскрывает его противоречия как реально существующие, но и *объясняет* их; она постигает их генезис, их необходимость. Она их постигает в их *специфическом* значении. Это *понимание* состоит, однако, не в том, чтобы, как это представляет себе Гегель, везде находить определения логического понятия, а в том, чтобы постигать специфическую логику специфического предмета»². Таким образом, согласно К. Марксу, философская критика есть не только способ познания и объяснения мира, социальной действительности, но и мощное орудие борьбы против господствующего строя, орудие изменения действительности посредством преодоления различных заблуждений относительно нее.

В связи с критическим анализом взглядов Е. Дюринга Ф. Энгельс указывал, что философская критика и отрицательна, и в то же время положительна, то есть она призвана не только отбрасывать, отрицать те или иные ненаучные, метафизические идеи, но и развивать, обосновывать диалектико-материалистические взгляды³. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин творчески развил и применил к анализу определенных историко-философских явлений идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о сущности и задачах философской критики. В заключительном

¹ Боровой Л. Диалог, или «размена чувств и мыслей». М., 1969. С. 264.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 325.

³ См.: Там же. Т. 20. С. 8—9.

разделе своего главного философского труда В. И. Ленин формулирует те «четыре точки зрения», с которых должен подходить марксист к оценке эмпириокритицизма. По существу, в этих выводах по поводу оценки конкретной философской школы нашли свое отражение общие принципы ленинской критики идеалистической философии вообще и те направления, по которым эта критика должна разворачиваться. В первом из этих направлений, которое условно можно назвать гносеологическим, критика, согласно В. И. Ленину, должна идти по линии сравнения теоретических основ той или иной философской доктрины с философией диалектического материализма. Второе направление, по которому должна следовать философская критика, состоит в определении места данной философской школы среди остальных философских школ определенной исторической эпохи, а также в выявлении ее идейной преемственности с философскими системами прошлого. Это направление можно, столь же условно, обозначить как историческое. Третье направление критики — установление связи между данной философской доктриной и определенными явлениями в области естественнонаучного познания. Наконец, четвертое направление, по которому должна разворачиваться философская критика, — выявление социально-классовых корней и общественного значения анализируемой философской доктрины⁴.

Резюмируя взгляды классиков марксизма-ленинизма на сущность и задачи философской критики, можно выделить ряд ее черт, осознание которых необходимо для выяснения роли критики в философской аргументации. Во-первых, философская критика представляет собой один из важных способов познания социальной действительности и отображающих ее философско-теоретических конструкций. Во-вторых, она есть способ отрицания, опровержения неприемлемых философских идей и, одновременно, средство обоснования собственных позитивных взглядов. В-третьих, условиями научности и эффективности философской критики является реализация в ней четырех вышеуказанных направлений анализа философских учений и доктрин. Все эти черты позволяют характеризовать марксистско-ленинскую философскую критику как способ теоретического осознания и решения средствами философии определенных противоречий и проблем, существующих как в объективной социальной действительности, так и в развитии философского познания. Вместе с тем, как верно замечает М. А. Шалин, марксистско-ленинская философская критика «есть оценка мировоззрения в целом, отдельных его сторон, проблем, проявлений точки зрения рабочего класса и его коммунистической партии»⁵.

Если философская критика хочет быть настоящим научным диа-

⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 379—380.

⁵ См.: Шалин М. А. О методе ленинской критики идеализма и философского ревизионизма. Казань, 1963. С. 50.

логом, она должна прежде всего отвечать общим требованиям культуры общения — объективно и адекватно передавать точку зрения собеседника-оппонента, то есть основной смысл его слов, высказываний и аргументов, не оглушая, а уважая противника; не бранить идейного противника, но идейно преодолевать его позицию; критиковать не личность автора, а защищаемое им воззрение; учитывать прошлые взгляды, высказывания автора, их контекст и тенденции изменения; учитывать интересы и уровень понимания читателей, свидетелей полемики. Кроме этих общекультурных требований научная традиция и современность предъявляют к философской критике свои требования, уровень которых возрастает.

Это прежде всего общенаучные требования ко всякой научной полемике, поскольку критика представляет собой ее разновидность или, по другим представлениям, ее необходимый элемент⁶.

Главное в научной полемике — процесс логического обоснования (аргументации) определенной идеи, тезиса.

Для того чтобы выяснить соотношение между философской критикой и философской аргументацией, определить место критики в структуре последней, необходимо обратиться к общему определению философской аргументации, которое было дано Г. А. Брутяном. Это определение является общепринятым в советской философской литературе. В нем выделяется ряд функций философской аргументации: выдвижение доводов в пользу истинности доказываемого тезиса и рассмотрение возможных противоположных доводов, оценка оснований и тезиса — как доказываемого, так и опровергаемого; опровержение тезиса оппонента; создание убеждения в истинности тезиса и ложности антитезиса у определенной аудитории; обоснование определенных программ деятельности, вытекающих из аргументируемого положения⁷.

Уже этот простой перечень функций аргументации позволяет утверждать, что критика является неотъемлемым ее структурным компонентом, реализует ряд функций аргументационного процесса в целом. Разумеется, совпадение некоторых функций критики и аргументации не означает полного их тождества. Всякая аргументация включает в себя элементы критики, но не сводится к ней. Основным назначением критики идейного противника является опровержение его взглядов, тогда как аргументационный процесс в целом преследует позитивную задачу обоснования истинности взглядов аргументатора. Любая критика не есть самоцель, а представляет собой средство реализации конечной цели аргументационного процесса — формирования у определенной аудитории убеждений в истинности тех или иных представлений и вытекаю-

⁶ См., напр.: Соколов А. Н. Проблемы научной дискуссии. Л., 1980. С. 115.

⁷ См.: Брутян Г. А. Аргументация. Ереван, 1984. С. 7.

шего из них способа действий⁸. В качестве орудия аргументации критика служит внедрению знаний в структуру мотиваций человеческой деятельности, а тем самым утверждению действенной связи между теоретическим знанием и социальной практикой.

Необходимы исследования преломлений партийности всякой, в том числе философской, критики в различных аспектах ее языка и зависимости эффективности критики от характера этих преломлений. Здесь прежде всего надо отметить различие двух видов критики: а) критика идеологических противников (спор между «чужими»); б) критика идеологических союзников, или спор «между своими» (В. И. Ленин). Языки этих двух видов критики обычно различаются в той или иной мере по всем основным своим аспектам, и это различие — одно из условий эффективности каждого из них.

Проявления партийности в языке философской критики — прежде всего в порядке отбора имеющейся в изобилии информации вообще. Как пишет немецкий исследователь Г. Клаус в известной книге «Сила слова», «партийность при передаче и хранении информации находит свое выражение как в способе языкового и мыслительного изображения реальной действительности... так и прежде всего в порядке отбора имеющейся в изобилии информации»⁹. Г. Клаус характеризует партийность информации как субъективный аспект мысли и ее языковой формы, который выражается «в способе соединения мыслей, в совокупности чувств, волеизъявлений, мотивов и т. д.». В то же время, как справедливо замечает он, «через эти эмоции оказывается влияние на осознанную или неосознанную партийность мышления и языка»¹⁰.

Семантический (как отчасти и прагматический) аспект философской критики связан с осмыслением и отбором для использования накопившихся философских и научных знаний, выбором терминов и борьбой за определенный смысл или переосмысление важнейших терминов и выражений. Особое значение эти моменты приобретают в процессе философской аргументации и контраргументации. Для идеалистической критики в целом характерны субъективистская избирательность, односторонность в использовании опыта философии и частных наук, чрезмерно абстрактный язык; двусмысленность или номиналистская узость терминологии. Наоборот, материалистическая традиция в критике, достигшая своей логической завершенности в русле марксистской философии, отмечена ясным, достаточно конкретным, приближенным к жизни языком, широким горизонтом диалектического мышления, опирающегося на весь многообразный опыт философии и науки, терми-

⁸ О зависимости аргументационного процесса от цели завоевания аудитории, а также от характера последней см.: *Поварнин С. И.* Спор: О теории и практике спора. Пг., 1918. С. 18—19.

⁹ *Клаус Г.* Сила слова. М., 1967. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 120.

нологической культурой. Однако и сейчас для марксистских критиков актуальны слова В. И. Ленина, что надо «уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические попользования и свое настоящее «нутро»¹¹.

Синтаксический аспект языка философской критики связан (хотя и не совпадает) с его логической структурой. Эффективность критики немало зависит от четкости и относительной простоты ее языковой и логической структур, последовательности и непротиворечивости, доказательности суждений по существу вопросов, соблюдения **формально-логических законов и правил рассуждений**. В. И. Ленин считал «политической невоспитанностью» неумение вести доказательное рассуждение по идеологическим вопросам. Такая невоспитанность проявляется «в неумении искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц»¹². В. И. Ленин тщательно выявлял и высмеивал логические ошибки и бездоказательность в рассуждениях своих идейных противников Богданова, Мартова, Троцкого и др.

Но логическая культура не сводится лишь к соблюдению формальных правил рассуждения. «Здесь нужен конкретный творческий подход, позволяющий отобрать из арсенала логических правильных наиболее эффективные по убеждающей силе приемы и способы аргументации. При этом их эффективность зависит не только от внутренней структуры самих способов, но и от внешних условий применения»¹³.

Прагматический аспект философской критики включает в неявном, «снятом» виде ее семантический и синтаксический аспекты, но специфика его определяется теми многообразными выразительными средствами языка, которые выражают социальные чувства, установки, стереотипы критика, то есть его отношение к оппоненту, его позиция и аргументам, к объектам обсуждения. Такими средствами являются прямые обращения к автору и читателям, восклицания, риторические вопросы, ирония, сатира, метафоры и сравнения и другие элементы стиля критики. Этими прагматическими средствами критик воздействует прежде всего на чувственную сферу сознания читателей, способствуя более легкому и правильному пониманию и полному усвоению понятийного содержания критики и более того — привлечению читателей на сторону критика в его противоборстве с автором.

В прагматическом аспекте философской критики наиболее заметно выражается ее партийность. В этом аспекте для материалистической традиции в критике характерен живой, понятный и

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 70.

¹² Там же. Т. 23. С. 306.

¹³ Об искусстве полемики. М., 1980. С. 113—114.

боевой язык с богатой палитрой выразительных средств, образцы которого мы видим в текстах Демокрита и Эпикура, Бэкона и Гоббса, французских материалистов XVIII в. и Фейербаха, а в наибольшей мере — в сочинениях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, у которых философская критика приобрела явно демократический, публицистический характер.

Как неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма, теория становится материальной силой только тогда, когда она овладевает массами, завоевывает умы и сердца миллионов людей, претворяется в их убеждения. Коль скоро основной функцией философской аргументации является именно функция формирования мировоззренческих убеждений, можно утверждать, что революционность марксистско-ленинской теории в значительной мере реализуется именно посредством аргументационных процедур по ее обоснованию. При этом следует подчеркнуть ведущее значение критического компонента аргументации как выразителя революционно-практической направленности марксистско-ленинской философской и социальной теории.

Оценивая в этом плане философское творчество В. И. Ленина, необходимо отметить тот факт, что критика составляет важнейший элемент его философской аргументации, выдающаяся роль которого позволяет утверждать, что ленинская аргументация в целом имеет критическую природу¹⁴.

Большой знаток ленинского теоретического наследия М. С. Шагинян усматривала характерную черту ленинских произведений в их полемичности. Все в этих произведениях, писала она, «мне показалось движущимся, возражающим, отвечающим на возражения — сплошь полемическим и только полемическим»¹⁵. Сам В. И. Ленин по этому поводу замечал, что «нельзя развивать новых взглядов иначе как полемически»¹⁶. Более того, отвечая некоторым критикам марксизма, он разъяснял, что полемичность марксистской теории является следствием диалектичности ее метода, который в свою очередь есть отражение диалектически противоречивого характера самой объективной деятельности. «Полемический характер, — писал он, — носит «система Маркса» не потому, что она «тенденциозна», а потому, что она дает точное изображение в теории всех тех противоречий, которые имеют место в жизни. Поэтому, между прочим, остаются и будут оставаться неудачными все попытки усвоить «систему Маркса», не усваивая ее «полемического характера»: «полемический характер» системы есть лишь точное отражение «полемического характера»

¹⁴ О роли критики в творчестве В. И. Ленина см., напр.: *Смирнов В. П.* О методологических принципах ленинской критики мелкобуржуазной экономической теории русского народничества и их значение для современности // В. И. Ленин и вопросы общественных наук. Тула, 1969. С. 123—129.

¹⁵ См.: *Шагинян М. С.* Четыре урока у Ленина. М., 1980. С. 132.

¹⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 66.

самого капитализма»¹⁷. Эти высказанные В. И. Лениным соображения в полной мере можно приложить и к объяснению характера и оснований критической стороны его собственного теоретического творчества, в том числе его философской аргументации.

Критический характер аргументации В. И. Ленина обусловлен не только объективными условиями и особенностями его эпохи, не только противоречиями в социально-экономической, политической и духовной жизни современного ему общества, но и субъективными факторами. Как истинный революционер-марксист В. И. Ленин ясно видел и сурово осуждал язвы и пороки господствующего социального строя. Приводя высказывание английского социал-демократа Г. Гайдемана о К. Марксе, В. И. Ленин солидаризируется с его мнением, выраженным в следующих словах: «Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружающей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная»¹⁸. Философское творчество не только К. Маркса, но и самого В. И. Ленина обнаруживает органичное присутствие в структуре и способе развертывания теоретической мысли личностного, эмоционально-пристрастного отношения к обсуждаемым вопросам и связанным с ними фактам. Следует подчеркнуть при этом, что в области философского и вообще гуманитарного познания субъективное отношение к предмету исследования зачастую является необходимым для успешного теоретического овладения им, его познания. «В гуманитарных науках, — отмечает в этой связи Б. Ф. Поршнев, — для того, чтобы достигнуть объективной истины, надо относиться к объекту субъективно. Марксу надо было отрицать капитализм, бороться с ним, чтобы познать его тайны»¹⁹. В полной мере сказанное относится и к такой познавательной процедуре, как аргументация, критические компоненты которой в максимальной мере выражают это субъективное отношение мыслителя, аргументатора к объекту его рассмотрения.

Чтобы показать место и роль критики в системе ленинской философской аргументации, обратимся к конкретному примеру последней — к аргументации В. И. Ленина по поводу теории «принципиальной координации», выдвинутой основателем эмпириокритицизма Р. Авенариусом. Свою аргументацию В. И. Ленин начинает с изложения сути этой теории так, как она представлена в высказываниях самого ее автора. Выбор такого начального звена аргументации для В. И. Ленина не был случайным, ибо соответствовал его убеждению в том, что критика чего бы то ни было может быть успешной лишь в случае досконального знания критикуемого предмета. Недаром В. И. Ленин одобрительно цитирует

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 78.

¹⁸ Там же. Т. 20. С. 390.

¹⁹ Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974. С. 17.

слова Гете: «Лучшее познание своего врага требует пребывания в его стане»²⁰. После изложения сути указанной теории В. И. Ленин выделяет основные аргументы, с помощью которых Авенариус пытается обосновать свою идею о неразрывности связи («координации») между средой и «Я». Учитывая то обстоятельство, что Авенариус пытается подкрепить свою теорию указанием на ее соответствие точке зрения «наивного реализма», В. И. Ленин сначала характеризует эту точку зрения в ее авенариусовском понимании, а затем показывает, в чем на самом деле состоит этот «наивный реализм». Таким образом, В. И. Ленин идет к цели опровержения теории «принципиальной координации» через опровержение того ключевого аргумента, с помощью которого Авенариус пытается ее обосновать. Нетрудно заметить, что в данном случае В. И. Ленин использует один из принципов критики идеалистической философии — принцип сопоставления теоретических основ конкретного идеалистического учения с учением диалектического материализма. Реализация данного методологического требования предполагает четкое определение собственных философских позиций. Не случайно при изучении «Науки логики» Гегеля В. И. Ленин сразу же определяет свой подход к учению немецкого мыслителя. «Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически... т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею etc.», — писал он ²¹.

Другая характерная черта аргументации В. И. Ленина, связанная с критическим анализом теории «принципиальной координации», состоит в том, что он рассматривает данную идеалистическую теорию во взаимоотношении с другими философскими теориями и концепциями, выявляет элементы исторической преемственности в содержании данной теории Авенариуса. Таким образом, важную роль в ленинской аргументации играет метод сравнения, сопоставления различных философских учений. Такое сравнение придает аргументации необходимую конкретность, активизирует творческое мышление исследователя.

Метод исторического сравнения выступает в философской аргументации В. И. Ленина как способ выявления степени новизны рассматриваемой философской доктрины, определения того нового, что в ней содержится. Тем самым при разборе взглядов тех или иных мыслителей внимание акцентируется на том, что «они дали нового сравнительно с своими предшественниками»²². Руководствуясь указанным методом, В. И. Ленин убедительно доказывает, что, вопреки притязаниям Авенариуса на радикальную новизну его теории «принципиальной координации», она представляет собой всего лишь перелицовку субъективно-идеалистического учения И. Г. Фихте.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 466.

²¹ Там же. Т. 29. С. 93.

²² См.: Там же. Т. 2. С. 178.

Критическая аргументация В. И. Ленина²³, направленная против теории «принципиальной координации», строится и по линии показа ее несостоятельности в свете данных естествознания, естественнонаучной картины мира. В. И. Ленин показывает, что туманные рассуждения Р. Авенариуса «о потенциальном центральном члене принципиальной координации» являются не чем иным, как попыткой протащить под покровом ученой фразеологии старую религиозную идею о предшествовании духовного начала материальному миру в его исторической эволюции. В. И. Ленин сталкивает в данном случае утверждения Авенариуса с тем непреложным научным фактом, что человек с его свойством познавать окружающий мир является продуктом длительной эволюции органической жизни на нашей планете. Он показывает, сколь безнадежно беспомощной выглядит концепция «принципиальной координации» перед лицом простого вопроса: «Существовала ли планета Земля до возникновения человека?». В данном случае, как и всегда, В. И. Ленин дает критический разбор аргументов своих идейных противников, показывая, в какой мере эти аргументы и обосновываемые с их помощью взгляды согласуются с научным мировоззрением определенной эпохи, в какой мере они усиливают, обогащают это мировоззрение или отступают от него, возвращают к уже преодоленным наукой идеям и представлениям.

Одним из характерных приемов ленинской критической аргументации является обращение аргументов своих противников против них самих. Яркий пример использования этого приема мы уже рассмотрели выше, показав, как В. И. Ленин оборачивает апелляцию Авенариуса к обыденному здравому смыслу, к «наивному реализму» против той теории, которую тот пытается таким образом обосновать. С не меньшим блеском указанный прием использован В. И. Лениным в полемике против Н. Бухарина по поводу занятой последним «буферной» позиции в дискуссии о профсоюзах. Пытаясь эклектически соединить точку зрения В. И. Ленина, согласно которой профсоюзы представляют собой общественную организацию, и точку зрения Троцкого, утверждавшего, что профсоюзы — часть государственного аппарата, Н. Бухарин приводил в качестве аргумента в пользу своей позиции пример стакана как предмета, могущего иметь одновременно несколько различных определений. В. И. Ленин заимствует у Н. Бухарина этот аргумент, радикально переосмысливая его содержание. Он доказывает, что формула «и то, и другое» выражает не диалектический, а эклектический подход к рассматриваемому явлению в случае, если учет различных сторон предмета не сопровождается указанием на то, какая именно из этих сторон является наиболее существенной применительно к конкретной ситуации²⁴. Таким образом, аргумент

²³ Понятие «критическая аргументация» используется современными теоретиками аргументации. См., напр.: *Perelman Ch. Les champ de l'argumentation. Presses Univ. de Bruxelles. 1970. Т. 33. Р. 265.*

²⁴ *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 288—290.*

Н. Бухарина обретает у В. И. Ленина новое, более богатое содержание, осмысливаясь в контексте более адекватного и глубокого понимания диалектического метода познания.

В. И. Ленин неоднократно указывал, что социальная сущность всякой философской теории (а значит, ее аргументационного аппарата) определяется не заявлениями и личными намерениями ее автора, а объективной связью между ее содержанием и аргументационным строем, с одной стороны, и интересами определенного класса в обществе в данных исторических условиях — с другой²⁵.

Эту связь между определенными философскими положениями и практическими интересами определенных социальных сил В. И. Ленин прослеживал не только в ходе критического анализа чуждых марксизму философских концепций, но и при аргументировании марксистского, диалектико-материалистического понимания того или иного вопроса. Подчеркивая неразрывную связь между философской теорией марксизма и задачами революционной практики пролетариата, В. И. Ленин указывал, что основную задачу тактики пролетариата К. Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылами своего философского мирозерцания²⁶.

Выявление в ходе аргументации социального смысла философских идей рассматривалось В. И. Лениным как средство «материализации» философской теории марксизма, ее претворения в мировоззренческие ориентиры социально-экономической и политической деятельности масс. Всякую теоретическую и идеологическую деятельность В. И. Ленин оценивал под углом зрения характера и способов ее воздействия на сознание массовой аудитории. В частности, говоря о задачах исторической науки, он указывал, что историю современности нужно «стараться писать... так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»²⁷.

Сочетание в ленинской философской аргументации, развертываемой в связи с критикой тех или иных философских и социально-политических доктрин, четырех вышеуказанных ракурсов их рассмотрения является главным гарантом научности марксистской философской критики, отвечает основному требованию диалектического метода мышления и познания — требованию всесторонности при рассмотрении любого предмета, учета всех его связей и опосредований.

²⁵ Там же. Т. 18. С. 228.

²⁶ См.: Там же. Т. 26. С. 77.

²⁷ Там же. Т. 9. С. 208.

РОЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

«Развитие общественного сознания — всегда сложный процесс, но своеобразие нынешнего этапа придало особую остроту многим назревшим проблемам, — говорил М. С. Горбачев в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. — Во-первых, сама масштабность задачи ускорения определяет общественную атмосферу, ее характер и особенности. Еще не все оказались готовы понять и принять происходящее. Во-вторых, и это важно подчеркнуть: замедление социально-экономического развития явилось следствием серьезных промахов не только в области хозяйственного руководства, но и идеологической работы»¹.

Центральным содержанием развития социалистического общества является переход человеческой цивилизации от этапа своей предыстории к этапу коммунистической истории, когда человек впервые овладевает условиями своей собственной жизни и становится на путь сознательного исторического творчества. Отсюда следует, что критерием эффективности общественного развития в условиях социализма должно являться то, насколько интенсивно ведется практический поиск путей неформального обобществления производства и, в этой связи, насколько эффективно происходит преобразование всего образа жизни социалистического человека, связанное с отказом от псевдоценностей частнособственнического существования и превращением этого человека в сознательную силу истории. Иначе говоря, если мы подразумеваем под коммунизмом такое общественное состояние, в котором происходит полное раскрепощение творческого потенциала общества и начинается его подлинное развитие «безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*»², то лишь режим постоянного ускорения может являться достаточным свидетельством того, что социализм действительно выполняет свою задачу промежуточного этапа в формационной истории человечества. В этом и заключается суть концепции ускорения, выдвинутой КПСС на XXVII съезде. Инерционное движение принципиально не позволяет достичь коммунистического состояния, и отсутствие ускорения в условиях социалистического общества уже само по себе свидетельствует о том, что данное общество не выполняет своего социалистического предназначения. Лишь состояние непрерывного ускорения на базе всемерной активизации творческого потенциала может быть признано нормальным состоянием социалистиче-

¹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 86—87.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 476.

ского общества по отношению к задачам коммунистического преобразования.

Имея в виду далее, что определяющей чертой коммунистического образа жизни является участие каждого без исключения человека в процессе сознательного исторического творчества (через которое только и может реализовать себя принцип исторической свободы), следует признать, что мерой развития самого социалистического образа жизни должен являться масштаб включенности каждого человека в процесс социального поиска и преобразования, масштаб сознательного участия всех членов социалистического общества в социальном развитии. Причем все более глубокое включение каждого человека в процесс исторического творчества является одновременно и главным результатом социалистического преобразования, и средством достижения все более высоких ступеней этого преобразования. Это значит, что определяющий вектор развития человека в условиях социализма можно было бы назвать принципом тождества социалистического образа жизни и коммунистического мировоззрения. Разумеется, речь идет о конкретно-историческом тождестве, которое претерпевает с развитием социализма сложный процесс своего становления. Несомненно, однако, что лишь тот образ жизни, который пронизан сознательной борьбой за коммунистический идеал, может быть признан подлинно социалистическим.

Что же является условием включения каждого человека, члена социалистического общества, в процесс сознательного социального поиска и преобразования? Это прежде всего всемерное развитие института политической демократии, преодоление бюрократически-авторитарных методов управления социалистическим обществом. «Коммунисты стали бюрократами. Если что нас погубит, то это»³, — неустанно предупреждал В. И. Ленин. Прагматистская фетишизация бюрократически-авторитарных методов управления на известных этапах социализма закономерно приводит к росту социальной апатии, а вместе с тем — к подрыву коренных устоев этого общества, предназначенного стать своеобразной стартовой площадкой для собственно коммунистической истории.

Однако другим важнейшим условием активного включения человека в процесс исторического творчества в рамках социалистической общественной организации можно было бы назвать развитие степени «внутренней свободы» каждого человека, которая ни в коей мере не сводится к системе внешних демократических свобод, а является мерой развития самого человека, выражая потенциал его оригинального творческого мышления. «Никто не может подарить мне свободу, — замечал поэт Б. Пастернак, — если я не обладаю ею в зародыше сам в себе. Ничего нет более ложного, чем внешняя свобода при отсутствии свободы внутрен-

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 180.

ней. Житель какого-нибудь Чикаго, переживающий то, что дает ему его ежедневная газета или радиоприемник, менее свободен по существу, чем философ в одиночной тюремной камере...»⁴. Иначе говоря, свобода мышления — это отнюдь не только и не столько свобода, предоставляемая человеку «извне», через систему внешней демократии, сколько «свобода философа» — та свобода, которая нарабатывается каждым человеком «изнутри», в процессе освоения культурных богатств человечества. Формирование такого рода внутренней свободы, или, другими словами, способности оригинального, нетрафаретного, творческого мышления в каждом без исключения человеке — важнейшая задача социализма и одновременно важнейшее условие осуществления им своей исторической миссии.

Что же представляет собой такого рода внутренняя свобода человека по отношению к задачам социалистического преобразования? Во всяком случае, это отнюдь не свобода от ответственности за судьбы социализма и не свобода от необходимости размышлять над этими судьбами, а, напротив, сама способность творчески-критического размышления над этими вопросами. Иначе говоря, она представляет собой сложное единство понимания необходимости социалистического и коммунистического преобразования и представления о тех реальных трудностях и парадоксах, которые непрерывно возникают на этом пути. Умение сочетать концепцию коммунистического идеала с трезвым научным анализом реального положения дел является своеобразным организующим центром этой свободы. Образец такого сознания всегда представлял В. И. Ленин.

Если же в социалистическом сознании отсутствует такого рода единство, то сознание оказывается не свободным, а догматически закрепощенным. Возможны два рода этой закрепощенности. В одном случае она связана с розово-парадным представлением о сущности и характере социалистического преобразования. В этом случае мы имеем дело с некритическим сознанием, которое отказывается видеть реальные трудности движения, а потому совершенно неспособно к их преодолению. Такое сознание находится в рабском подчинении у догматически усвоенных «коммунистических лозунгов», о чем неоднократно и резко писал В. И. Ленин⁵, и потому оно оказывается социально инфантильным, то есть совершенно неспособным на столь необходимую социализму действительную творческую инициативу.

Другой случай догматической закрепощенности сознания в условиях социализма связан, как ни странно, с лежащим на поверхности критicismом по отношению к самой сути социалистического преобразования. Являясь своеобразной критической реакцией на розово-парадный стиль мышления о социализме, такое сознание

⁴ Цит. по: *Гладков А.* Театр: Воспоминания и размышления. М., 1980. С. 403.

⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 302—303.

полностью отвергает ценности социалистического образа жизни как несостоятельные по своей сути. Однако при ближайшем рассмотрении становится ясно, что, протестуя против «коммунистического догматизма», такое сознание само оказывается рабом каких-то иных идеологических догм. Негативистская позиция по отношению к реальному социализму при всей своей внешней антидогматичности оказывается на самом деле столь же догматичной, как и «ура-восприятие» этого социализма. И в том, и в другом случае позиции совпадают в принципиальном: они обе отказываются от необходимости решать реальные проблемы реального социализма и потому не являются работающими по отношению к социалистическому преобразованию. Если одно сознание слепо верит в фатальную предопределенность коммунизма, а потому и в автоматический характер его осуществления, то другое — точно так же слепо верит в несостоятельность и фатальную невозможность коммунистического преобразования; однако то и другое одинаково неспособны выйти за пределы догматической веры.

Творчески-критическое сознание, представляющее собой постоянное и напряженное размышление над реальными трудностями социалистического преобразования под углом зрения коммунистического идеала и являющееся единственной свободной формой общественного сознания в условиях социализма, можно было бы с высокой степенью точности охарактеризовать как «практически-философское» сознание социалистического общества. Это такое сознание, которое, функционируя на обыденном уровне, составляет сегодня реальный базис теоретической философии марксизма. Пренебрежение этим уровнем, его недостаточное развитие, отрыв профессиональной марксистской философии от этой «массовидной» философии социализма с неизбежностью ведет к схоластизации собственно теоретических исследований, превращает их в бесплодную игру категориями, не имеющую отношения к реальной практике социализма. Функционирование профессиональной марксистско-ленинской философии в условиях социалистического преобразования должно быть по сути своей практично, а это значит, что оно должно быть непосредственно замкнуто в том, что мы называем практически-философским сознанием. Лишь через сферу этой философской эмпирии профессиональная философия поддерживает связь с социальной практикой, с одной стороны, направляя эту практику, а с другой — подпитываясь ею.

Надо сказать, что такое положение марксистско-ленинской философии отнюдь не является исключительным, а соответствует общей роли философского знания в человеческой культуре. Своеобразной сверхзадачей функционирования философии в культуре всегда являлось критическое осмысление и выражение предельных ценностных ориентаций человека в мире, его смысложизненных установок, идеалов, представлений о своем предназначении в истории. При этом те мировоззренческие ориентации, которые обычно заданы в культуре как непосредственное и стихийное мировоспри-

ятие не утруждающего себя философскими размышлениями индивида, философия как бы «вытаскивает» на яркий свет своей рефлексии, делает предметом напряженного размышления, и, в конечном счете, развивает их как систему сознательного мировоззрения. Поэтому любая теоретическая философия обязательно имеет в качестве своего эмпирического базиса (если только она не желает превратиться в философскую схоластику) смысложизненное философствование, осуществляемое на уровне личности. А коль скоро в различные исторические эпохи меняется общий рисунок человеческого мировосприятия (в соответствии с изменившимся содержанием социальной практики), то неудивительно, что вместе с тем меняется и характер философствования в эти эпохи (как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне, хотя последний, конечно же, имеет и относительно независимую логику своего развития в истории).

Рассмотрим в этой связи специфику мировосприятия в условиях социализма и вопрос о сущности практического функционирования марксистско-ленинской философии.

Специфика мировосприятия в условиях социализма определяется одновременным взаимодействием двух факторов. С одной стороны, мы имеем единый вектор социального развития, каковым служит коммунистический идеал всесторонне развитого человечества. Именно этот вектор предопределяет категориальную структуру мировосприятия человека социалистической эпохи вне зависимости от того, насколько данная категориальная структура оказывается у того или иного конкретного индивида рационально осмыслена. Это тот «генеральный вектор» человеческого предназначения и смысложизненных ориентаций, который предопределяет мировоспринимающий масштаб общества в целом и характеризует в той или иной степени позицию всех без исключения людей в этом обществе. Несомненно, что наличие такого масштаба человеческого предназначения, сознательно формируемой и единой для всех представителей данного общества системы жизненных смыслов существенно отличает социалистическое общество от всех предшествовавших.

Однако, с другой стороны, точно так же, как и во всех предшествовавших формациях, мировосприятие в условиях социализма обязано отражать наличный уровень социальной практики. А коль скоро практика эта имеет переходный характер и отнюдь не является совершенной, то, несомненно, это должно сказываться и на общем характере мировосприятия в этом обществе.

Таким образом, мировосприятие в условиях социализма вынуждено существовать на двух принципиально различных уровнях. С одной стороны, это уровень коммунистического идеала, который постоянно «превышает» уровень наличной социальной практики, являясь ее направляющим вектором, а с другой — уровень самой социальной практики, которая постоянно «не дотягивает» до уровня коммунистического идеала. В зазоре между этими двумя по-

люсами и происходит реальное движение социалистического сознания со всеми его внутренними и внешними коллизиями.

Невыводимость идеальных коммунистических структур «напрямую» из наличного развития социальной практики, необходимость **творческого** развития последней и предопределяет необходимость массового функционирования практически-философского сознания в условиях социализма. Каждый без исключения человек социалистического общества вынужден совершать некоторую работу по преодолению существующего разрыва между социалистической практикой и коммунистическим идеалом, а это и значит, что он обязан обладать практически-философским сознанием: в противном случае такой человек в конечном итоге обречен на глубокий мировоззренческий кризис, связанный с отрицанием собственно коммунистического мировоззрения и поиском иллюзорных ценностей своего существования (обращение к религии, наркомании, ценностям общества массового потребления и т. п.). Поэтому неразвитость практически-философского сознания в условиях социалистического общества приводит к своеобразной девальвации ценностей коммунистического мировоззрения, и это оказывается в конечном счете преградой на пути развития самой социальной практики.

Несомненно, что эффективность становления и функционирования практически-философского сознания в условиях социализма находится в прямой зависимости от функционирования профессиональной марксистско-ленинской философии как важнейшего теоретического инструмента по исследованию и преодолению существующего разрыва между идеалом и практикой. Это преодоление может быть осуществлено методом «двойной критики».

С одной стороны, марксистско-ленинская философская критика обязана иметь выраженную антипозитивистскую направленность и быть критикой самой социальной практики под углом зрения коммунистического мировоззренческого идеала. Несомненно, что утрата коммунистического вектора, этой генеральной перспективы социалистического движения, его «позитивизация», приспособление к сиюминутным нуждам практики разрушает сам смысл существования социалистического общества и заводит его в тупик. *«Всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной»*⁶, — неоднократно подчеркивал В. И. Ленин. Несомненно, что «критика вообще», то есть критика социальной практики с неясных мировоззренческих позиций, закономерно ведет к критиканству и беспринципности. Как справедливо указывал В. И. Ленин, «пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность»⁷. Специфика марк-

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 40.

⁷ Там же. С. 23.

систско-ленинской философской критики социальной практики заключается в том, что при всей своей теоретической решительности она осуществляется с последовательных мировоззренческих позиций, то есть с позиций коммунистического идеала.

Однако другим своим острием критическая деятельность марксистско-ленинской философии в условиях реального социализма должна быть направлена на сам коммунистический идеал. Ведь все дело в том, что коммунистический идеал — это отнюдь не абстракция, существующая в чьей-либо голове в априорно-чистом виде и предназначенная к воплощению в действительность. В своих исходных характеристиках коммунистический идеал — это не более чем **вектор** социального преобразования; однако по мере развития социальной практики он сам претерпевает сложный процесс своего становления и обнаруживает свое реальное богатство. Иначе говоря, степень проработанности этого идеала находится в прямой зависимости от уровня развития практики, и потому он в буквальном смысле слова должен «выделяться» самим процессом практического движения. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние», — указывали К. Маркс и Ф. Энгельс еще в «Немецкой идеологии»⁸. Блестяще развернул именно такую концепцию коммунизма как действительного движения в своей практической деятельности В. И. Ленин. Развивая эти идеи, А. Грамши писал в «Тюремных тетрадах»: «...философия практики... является философией, освобожденной (или старающейся освободиться) от каких бы то ни было элементов идеологической односторонности и фанатизма, полным осознанием противоречий, при котором сам философ, понимаемый как индивидуум или как целая социальная группа, не только постигает противоречия, но и берет самого себя как элемент противоречия и поднимает этот элемент до принципа познания, а следовательно, действия»⁹.

Замороженный, безжизненный характер коммунистического идеала с неизбежностью приводит к его отрыву от социальной практики с ее реальными противоречиями, и это с неизбежностью заводит саму эту практику в тупик — точно так же, как это происходит в случае пренебрежения коммунистическим идеалом. Поэтому марксистско-ленинская теоретическая философия обязана осуществлять постоянную критическую проработку и непрерывное углубление самого коммунистического идеала на основе углубления социальной практики.

Таким образом, содержанием марксистско-ленинской философии

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34.

⁹ Грамши А. Избр. произв.: В 3. т. М., 1959. Т. 3. С. 95.

ской социальной критики должен являться двуединый процесс, имеющий одним своим полюсом критику социальной практики с точки зрения коммунистического идеала, а другим — критическую проработку самого коммунистического идеала под углом зрения реальной практики. И только в том случае, если марксистско-ленинская теория будет действительно осуществлять эту критику идеала и практики, станет возможным эффективное функционирование творчески-критического сознания как массовидного практически-философского сознания эпохи социализма, в результате чего только и разрушается мифологический подход к социализму, а научное коммунистическое мировоззрение превращается в «составной элемент социалистического быта»¹⁰. Таковы условия превращения коммунистического мировоззрения в доминирующую черту социалистического образа жизни.

И. С. НАРСКИЙ

Академия общественных наук при ЦК КПСС

ДИАЛЕКТИКА СУБЪЕКТИВНОГО И ОБЪЕКТИВНОГО, СОЗНАТЕЛЬНОГО И СТИХИЙНОГО В РАЗВИТИИ СОЦИАЛИЗМА

С самого начала отметим, что понятие «стихийное» мы рассматриваем здесь как противоположность «сознательному», «организованному», «плановому» развитию. Соотношение стихийного и сознательного особенно сложно; по мере совершенствования социализма противоположность между ними стирается.

Некоторые авторы считают, что происходящие в обществе собственно объективные процессы все носят стихийный характер и, наоборот, если данный процесс стихийен, то он безусловно является вполне объективным, причем эту точку зрения переносят и на социалистическое общество. Отсюда, между прочим, вытекает, что и разрешение объективных противоречий социализма должно тоже носить стихийный характер. Но есть и противоположный взгляд, согласно которому все стихийные явления и процессы в условиях социалистического общества должны трактоваться только как субъективные отклонения от объективных закономерностей его развития. Значит, все противоречия при социализме, без исключений, разрешаются строго сознательно и планомерно.

Проведение данной резкой дихотомии (объективное тождественно стихийному, а субъективное — сознательному; или же наоборот: субъективное стихийно, а все объективное, по крайней мере в условиях социализма, совпадает с сознательным) огрубляет действительное положение дел, оно метафизично и неверно.

¹⁰Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 391.

Напомним, что деятели Франкфуртской школы считали все сознательное субъективным, а все объективное стихийным, и это означало не только метафизичность, но и идеализм, поскольку «франкфуртцы» выводили значительную часть процессов и событий XX в. за пределы действия материалистического понимания истории под тем предлогом, что XX в. — это век субъективной деятельности, хотя, по мнению франкфуртцев, преимущественно трагической.

Затронутые вопросы нуждаются в рассмотрении. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что коммунизм «впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих поколений, лишает эти предпосылки стихийности и подчиняет их власти объединившихся индивидов»¹. Соответственно и переход стихийных процессов в процессы, сознательно контролируемые и направляемые, требует «сознательного», то есть научно-теоретического, рассмотрения. Следует при этом учитывать, что и «сознательность», и «стихийность» бывают различными, а неодинаковым бывает уже значение самого термина «объективное». Прежде всего имеет место объективность материи в соответствии с материалистическим решением основного философского вопроса, и эта объективность присуща также процессам материального труда, производству, основному содержанию производительных сил и «второй природе», то есть материальным результатам производства. Своей мерой объективности обладают потребности (и не только экономические) людей². (Иные виды объективности присущи событиям прошлого в соотношении их с настоящим, объективной истине, общественным институтам и т. д.).

Если представители Франкфуртской школы, превращавшие задачи философии в тотальную критику, клеймили всякое сознательное планирование в общественной жизни как-де субъективистски-волевое действие, то у некоторых философов-марксистов в их рассуждениях о противоречиях при социализме происходило смешение стихийно-объективного со стихийно-субъективным. Это имело место тогда, когда ошибочно стиралась граница между противоречиями, свойственными переходному периоду от капитализма к социализму, и движущими противоречиями построенного и далее совершенствующегося социализма. Возникал крен к тотализации критики недостатков, которая столь же ошибочна, как и их затушевывание.

В условиях переходного периода действуют еще отдельные эксплуататорские классы, затем их остатки, а позднее представители бывших эксплуататорских классов, уже лишенные средств производства, но еще сохранившие антисоциалистическую идеологию и установки поведения, связи, умение и опыт антисоциа-

¹Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 70—71.

²Ср.: Там же. Т. 46, ч. 1. С. 192.

листической деятельности. В. И. Ленин обращал, кроме того, внимание на то, что «часть эксплуатируемых из наименее развитых среднекрестьянских, ремесленных и т. п. масс идет и способна идти за эксплуататорами, это показывали до сих пор *все* революции»³. У представителей бывших эксплуататорских классов в условиях переходного периода к социализму в середине XX в. в Венгрии, Чехословакии и Польше, например, имелись возможности для развития их контрреволюционной деятельности, в которой они опирались также на помощь со стороны зарубежных империалистических сил. Но во многом эти возможности были обусловлены живучестью остатков старой идеологической надстройки, рудименты которой оказывали воздействие на неустойчивые и незрелые элементы формирующегося нового общества.

В частности это молодежь, в которой В. И. Ленин видел в условиях классовой борьбы не только застрельщиков революционных действий, как это было, скажем, в 1905 г., но до некоторой степени и ту группу населения, которая в силу своей незрелости и неопытности может стихийно подпасть под влияние враждебных социализму сил. Разумеется, не существует «молодежи вообще», есть молодежь различных классов; но именно вследствие своих возрастных особенностей она зачастую еще не имеет ясного чувства классовой принадлежности, может поддаваться иллюзиям «внеклассовости» и в условиях плохо поставленного воспитания, активности реакционной пропаганды, экономических трудностей и т. д. может в некоторой своей части оказаться резервом реакции и подпадать, например, под влияние ультралевого критиканства. Воздействие империалистических сил здесь играет значительную роль, и даже последствия противоречий между социалистическим обществом и различными немногочисленными антиобщественными элементами в данной стране (преступники, хулиганы, спекулянты и т. д.) нельзя вполне верно оценивать без учета того, как стихийные действия этих элементов планомерно используют в своих интересах силы реакции из-за рубежа.

В условиях построенного социализма, когда в обществе уже нет межклассовых антагонизмов, социальные противоречия не носят, соответственно, классово-антагонистического характера, так что неправильно видеть в антагонизмах общества с антиобщественными элементами зародыши стихийно возрождающихся будущих классовых противоречий. Несомненно, однако, что значительная задержка со своевременным разрешением тех или иных неантагонистических противоречий в условиях социализма может привести к тяжелым ситуациям и серьезным коллизиям. Об этом говорилось, например, на XXVII съезде КПСС. Но эти коллизии, если даже они расшатывают отношения между рабочим классом и крестьянством, еще не означают возникновения при социализме

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 263.

антагонистических противоречий, ибо при социализме нет классов, способных войти в устойчивый антагонизм друг с другом.

Безусловно, что неантагонистические противоречия, как отмечал академик П. Н. Федосеев, следует разрешать в условиях социализма еще на стадии «различий», иначе они будут замедлять процесс совершенствования социалистических отношений, хотя сами по себе они не в состоянии разрушить социалистическую природу нового общества (рассуждать иначе означало бы, вопреки фактам истории, рассматривать социализм как весьма «неустойчивое» общество). Те стороны противоречий, которые при социализме «работают» против социализма, из самой его природы не вытекают, а развиться стихийно до опасных пределов они могут только через организованное и целенаправленное их стимулирование силами реакции извне. Реакция использует, кроме того, эти противоречия для пропагандистского очернения социализма, а эти действия вписываются в общую программу организованной подготовки контрреволюционной интервенции.

Перенесение противоречий, характерных для всех или для некоторых стран в условиях переходного периода, на общество построенного социализма приводит к тому, что по сути дела отрицается само существование реального социализма⁴. Так поступает, например, А. Шафф в статье «Являются ли социалистические страны социалистическими?»⁵ и в своих последних книгах. Методологически важно, что известные утверждения А. Шаффа о наличии глубокого противоречия между базисом и надстройкой в странах реального социализма связаны с противопоставлением сознательно построенной объективности (в базисе).

Что происходит в действительности с соотношением сознательного и стихийного, субъективного и объективного в условиях социалистического общества? Как это связано с противоречиями социализма и путями их разрешения? На деле объективные процессы в сфере социалистических отношений носят и сознательный, и стихийный характер, причем «сознательное» означает здесь «субъективное», но отнюдь не «произвольное». Поскольку «сознательное» теперь опирается на знание объективных тенденций развития, оно и само уже становится «объективным». Что касается стихийного, то оно имеет в себе и объективное, и субъективное, причем последнее во многих случаях, пусть не вполне осознанно, опирается в своем развитии на общие объективные законы развития социалистического общества. Этими характеристиками не охватыва-

⁴ Такая позиция характерна, например, для Мануэля Аскарате в его книге «Кризис еврокоммунизма» (*Ascarate M. Crisis del Eurocomunismo. Barcelona, 1982*) и в его предисловии к книге А. Шаффа «Коммунистическое движение на распутье» (*Schaff A. Die kommunistische Bewegung am Scheideweg. Wien, 1982*).

⁵ См.: *Schaff A. Sind die sozialistischen Länder sozialistisch? // Europ. Rundschau. Wien, 1983. N 2.*

ются, разумеется, те стихийные и сознательные явления, которые чужеродны социализму.

Каков конкретно характер стихийных процессов при социализме и их соотношения с процессами осознанно-предвидимыми, а значит, и с управлением ими в условиях социалистического общества? Говоря при этом о **сознательных** процессах в отличие от таких чисто стихийных процессов, где результат представляет собой интегральное суммирование комплексов разнородных и разнонаправленных действий отдельных индивидов, следует иметь в виду, что, во-первых, в условиях социализма существует ряд стихийных процессов, лишенных хаотичности, разнонаправленности, а во-вторых, следует различать сознательные массовые процессы и сознательное творчество истории через управление. Далеко не все результаты сознательных, а тем более стихийных процессов можно предвидеть, однако они существенно разнятся между собой в том отношении, что первые из них обладают чертами стихийности.

Однако есть мнения, будто стихийные процессы в условиях социализма, если они и бывают, носят только **отрицательный** для социализма характер и во всяком случае усложняют процесс совершенствования социалистического общества, причем в основном это плод субъективных противоречий или их источник. В качестве примеров таких субъективных противоречий указывают на противоречия общества с бюрократами и теми, кто использует свое служебное положение в системе социалистического общества в целях личного обогащения и т. д. В качестве хаотичных стихийных процессов указывают на миграции населения, движение цен на рынках и др. Управление социалистическим обществом, очевидно, должно в одних случаях такие явления исключить, а в других сузить область их действия. Однако считать на этом основании, что при социализме стихийность скорее нежелательна, чем приемлема, а потому с развитием социализма **всякая** стихийность должна все более снижаться, значит рассуждать по очень упрощенным схемам⁶.

Попутно заметим, что собственно отрицательные процессы не содержат каких-то особых «отрицательных» противоречий, как иногда думают, но суть определенные (отрицательно действующие) *стороны* «обычных» противоречий, общая отрицательность или положительность которых выявляется через те последствия, которые они с собой несут, тогда как правильное разрешение этих противоречий само по себе благотворно для прогресса, а значит, никак не отрицательно. Все противоречия, которые несут с собой диспропорции и сбои в работе хозяйственного механизма социалистического общества, пока они еще не разрешены, являются негативными. Они могут быть по своему происхождению и объек-

⁶ См.: Бугреев А. Н. Диалектика стихийности и сознательности в общественном развитии. М., 1982.

тивными, проистекая из данного уровня развития экономики в целом, и субъективными, будучи следствиями ошибок и просчетов, а значит, нередко случайными и привходящими, внешними (хотя они могут быть и внешними, но не случайными). Здесь нет жесткой границы: случайные противоречия влияют на течение имманентно-объективных и наоборот. Это взаимовлияние стихийно, но одна из задач планирования состоит в том, чтобы их предусмотреть и им противодействовать.

Однако в условиях социализма существует немало здоровых и полезных для нашего развития стихийных процессов, причем возрастают и их сознательность, и их роль в обществе. Это инициативы производственных коллективов, трудовые почины, активная конструктивная критика недостатков, широкие самостоятельные мероприятия и т. д. Это все те процессы, на необходимость стимулирования которых М. С. Горбачев обратил большое внимание в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии. Таким образом, возникает новая категория социальной жизни — **сознательная стихийность**. Совершенно «бессознательных» стихийных движений людей в истории не бывало никогда, но речь идет здесь о качественно новом явлении, которое принес с собой социализм. Это осознание далеких, перспективных целей и результатов, целеполагания, которые все более приближаются к рекомендациям науки, общее приближение в тенденции к такому воздействию на нашу жизнь, которое оказывает на нее объективно организованное управление. На этом пути происходит постепенное сращивание субъективного с объективным, поскольку субъективное превращается в осознанное объективное, тогда как само объективное становится все более осознанным.

Иногда встречающиеся у нас рассуждения, что при социализме будто бы вообще не должно быть никаких стихийных процессов, утопичны и недемократичны. Эти рассуждения, которые опираются на предпосылку, что все сознательное должно приобрести непременно плановый характер, а план охватит все стороны жизни без изъятия, перечеркивают инициативу масс и отдельных людей, в том числе руководителей, означают неправомерную идеализацию планов и отождествление их с абсолютно истинным предвидением, способным якобы исключить из общественного развития всякие несоответствия. Напомним слова В. И. Ленина о том, что «соответствия» не будет никогда, что его не может быть в развитии природы, как и в развитии общества⁷. Ускоренному совершенствованию социалистического общества способствует сочетание планомерного управления основными планомерными процессами со стихийными, но все более осознанными инициативами трудящихся, и к этому в полной мере относятся слова

⁷ См.: Ленин В. И. Полн. Собр. соч. Т. 26. С. 152—153.

В. И. Ленина о необходимости сочетать противоположности в социалистическом строительстве⁸.

М. С. Горбачев на XXVII съезде КПСС как на одну из черт такого сочетания указал на дальнейшую демократизацию общества, углубление социалистического самоуправления народа. Необходимо развертывание социалистической инициативы масс, и **«ускорение развития общества немислимо и невозможно без дальнейшего развития социалистической демократии, всех ее сторон и проявлений»**⁹.

Речь идет ныне о сознательном, научно регулируемом и с учетом меры управляемом соединении противоположностей, в том числе противоположностей стихийного и планомерного. Это соединение означает не неподвижное равновесие, но прогрессивное движение **в сторону оптимальной меры, которая с изменением условий сама изменяется**. Разрешение противоречия между стихийным и планомерным в этом соединении — это бесконечный процесс, ибо на каждом новом этапе совершенствования социализма мера оптимального соединения становится другой. Возникающие между стихийностью и планомерностью противоречия тоже подлежат своевременному разрешению, не допускающему накопления диссонансов. По мере дальнейшего возрастания роли Коммунистической партии как организующей и направляющей силы нашего общества, повышения роли социалистического общественного сознания и роста чувства индивидуальной ответственности и самокритичности у граждан нашего общества складывается и механизм саморегуляции между стихийностью и планомерностью, поскольку усиливается **сознательность** стихийности и **научность** планомерности. Всенародные обсуждения проектов Конституции СССР, «Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года» и других принципиальных советских законоположений — яркий тому пример. И для развития самодеятельности масс в советских условиях характерно, что она развивается не в противоположности ее к государству (такие рецепты самоуправления мы слышали), но в тесной взаимосвязи с социалистической государственностью и внутри ее самой.

В условиях ускорения социалистического развития управление должно строиться таким образом, чтобы оно стимулировало развитие положительной, то есть способствующей укреплению и совершенствованию социалистических отношений, стихийности (в состав **этой** стихийности входят также начала **конструктивной критики**), но было направлено против стихийности отрицательного качества. Таким образом, задача управления при социализме состоит, в частности, и в разумном направлении самой стихийности,

⁸ Там же. Т. 42. С. 211.

⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 55.

а отнюдь не в абсолютном «изгнании», независимо от ее характера. В социалистическом обществе существуют такие процессы, которые, в случае отсутствия управления ими, могут превратиться в разрушительно действующую стихийность. Таково, например, действие материальной заинтересованности индивидов в результатах их труда, которое при ее бесконтрольности может превратиться в корыстолюбие, тогда как механизм морального поощрения творческой инициативы, также при его бесконтрольности, приводит к развитию жажды престижа как такового¹⁰. Вообще действие положительных факторов развивается не по простой восходящей линии, но, как и во многих других случаях, по очень сложной кривой, оно «пошло зигзагами»¹¹.

О «зигзагах» восходящего революционного развития В. И. Ленин говорил на X съезде РКП(б). Эти слова вождя относились к кульминационному периоду революции и к началу переходного периода от капитализма к социализму. В условиях социализма понятие «зигзагов» приобретает, естественно, иной смысл: имеет место неравномерность развития разных сторон социалистического общества, не до конца устраняемая средствами планового начала. Движение социализма по пути его совершенствования уменьшает эту неравномерность, но не упраздняет ее полностью, так как возникают новые, ранее не существовавшие проблемы социально-экономического, научно-технического, демографического, экологического и иного характера, которые все предусмотреть заранее невозможно. В этих проблемах таятся новые противоречия, и они накладываются на ранее имевшиеся противоречия развития, которые разрешались до этого, но не всегда могли быть разрешены окончательно.

Затронем в связи с нашей темой вопрос о соотношении противоречий и движущих сил развития социалистического общества. При анализе этого вопроса следует учитывать, что в большинстве случаев общественной жизни только одна из сторон того или иного противоречия является в полном смысле слова прогрессивной; место же и роль всякого противоречия в историческом процессе могут быть верно оценены только при том условии, что это противоречие рассматривается с учетом тенденций его развития и созревания, а также характера и последствий его разрешения: это условие имеет силу для любых диалектических противоречий, включая и главное глобальное противоречие нашей эпохи — между социалистической и капиталистической мировыми системами.

В нашей философской литературе уже давно дискутируются вопросы о том, существует ли, и если да, то какое, «главное» объективное противоречие социализма, имеются ли особые противоречия для разных стадий развития и совершенствования социалистического общества и как это главное противоречие соотносится

¹⁰ См.: Михайлов С. Социологические проблемы развитого социализма. М., 1985. Ч. 3. С. VI.

¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 65.

с **основным** диалектическим противоречием всей коммунистической общественно-экономической формации в целом. Эта дискуссия, особенно за последние годы, была связана с критикой недостатков нашей жизни, с выявлением всего того, что мешает нашему ускоренному развитию, но была в этой дискуссии и надуманность некоторых дистинкций.

В ходе дискуссии проводилось нередко различие между противоречиями, присущими низшей фазе коммунизма, и противоречиями, свойственными вообще коммунизму как единой формации, но имеющей низшую и высшую фазы. Различение это резонно. В. И. Ленин указывал, что «политически различие между первой или низшей и высшей фазой коммунизма со временем будет, вероятно, громадно»¹², велико это различие и применительно к противоречиям этих двух разных фаз.

Основное противоречие коммунистической формации было указано основоположниками марксизма, и оно рассматривалось ими как объективное противоречие, разрешаемое постепенно и в этой связи являющееся движущей силой развития коммунизма. Ф. Энгельс охарактеризовал его как противоречие между уровнем коммунистического производства на том или ином этапе его роста и опережающим его ростом потребностей общества. Диалектичен при этом сам процесс формирования указанного опережения: избыток производства «будет вызывать новые потребности и одновременно создавать средства для их удовлетворения. Он явится условием и стимулом для дальнейшего прогресса...»¹³. Эта характеристика вполне соответствует тому сопоставлению низшей и высшей фаз коммунизма, которое К. Маркс позднее, исходя из характера взаимодействия между качеством производства и типом распределения, провел в «Критике Готской программы» и которое подлежит «выведению» из движущего противоречия самого коммунистического способа производства, а точнее: указанная характеристика должна быть **раскрыта** как определенный характер способа производства и движущее в нем противоречие¹⁴. Ф. Энгельс в одном из писем разъяснил, что способ распределения зависит и от количества распределяемого¹⁵.

Что касается основного противоречия социализма, то при его исследовании следует, думается, исходить из следующих методологических соображений:

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98.

¹³ Маркс К, Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 334. Внешне может показаться, что перед нами характеристика противоречия, свойственного *всем* формациям. Однако в условиях коммунистической формации это противоречие, в конечном счете действующее как противоречие между производительными силами и производственными отношениями (которое, вообще говоря, свойственно всем формациям), имеет качественно иной характер в отличие от того, как оно развивалось и разрешалось в классово-антагонистических формациях.

¹⁴ См.: Там же. Т. 19. С. 20.

¹⁵ См.: Там же. Т. 37. С. 370.

1) поскольку социалистическое общество является целостным социально-экономическим образованием, то нет оснований ставить наличие такого объективного противоречия под сомнение, ссылаясь на то, что вместо него действует будто бы группа разных противоречий, не образующих единой системы;

2) основное объективное противоречие социализма коренится в способе производства и вытекает из основного противоречия всей коммунистической формации в целом; поэтому оно не может быть более «глубинным», сущностным, чем основное противоречие всей коммунистической формации в целом;

3) подобно тому, как Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» реализовал принцип «выведения наружу»¹⁶ глубинных противоречий капитализма, то есть прослеживал их развитие от сущности к явлениям, следует проследить аналогичным образом, то есть от сущности к явлениям, и развитие противоречий социализма. Разумеется, в качественном отношении противоречия капитализма и социализма имеют разный характер, но категории «сущность» и «явление» действуют во всех общественно-экономических формациях, и это следует учитывать. Из данного методологического соображения вытекает, что термин «главный» в применении его к движущим противоречиям социализма излишен;

4) основное противоречие социалистической фазы коммунизма таково, что последовательные этапы его разрешения ведут к совершенствованию социалистического общества и постепенно приближают его к переходу в высшую фазу коммунизма. Этому тезису соответствует тот факт, что проводимое К. Марксом в «Критике Готской программы» различие между низшей и высшей фазами коммунизма раскрывается в конечном счете как развитие и разрешение противоречия в способе производства. Конкретные приемы разрешения этого противоречия предполагают неприменимый учет диалектики объективного и субъективного, стихийного и сознательного как в способе производства, так и в обществе в целом.

Если исходить из сказанного, то ранней формой указанного выше основного движущего противоречия коммунистической формации является специфическое для социализма противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Оно состоит в том, что возникла необходимость качественно поднять достигнутый ныне уровень развития производительных

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 282. Глубинное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистическим характером присвоения — в своем развитии действует как противоречие между производственными отношениями капитализма и его производительными силами. Оно «выступает наружу» как противоположность между организацией производства в рамках капиталистического предприятия (компании, концерна и т. д.) и экономической и социальной анархией в рамках общества, как ведущее к кризисам противоречие между капиталистическим способом производства и формой обмена и, наконец, как главное классовое противоречие капитализма — между пролетариатом и буржуазией (См.: Там же. Т. 20. С. 282, 675; Т. 4. С. 424—436).

сил (особенно в сфере транспорта, электроники и вычислительной техники, автоматики и микропроцессорной техники, связи, химических производств и др.), а также поднять и ранее достигнутый уровень развития социалистических производственных отношений, отдельные звенья которых (в планировании, управлении, организации и стимулировании труда, обмене и распределении) нуждаются ныне в значительном совершенствовании. Критика и самокритика, которым XXVII съезд КПСС дал мощный стимул развития, уже выявили много таких моментов. В ряде социалистических стран некоторые звенья производительных сил отстают от возможностей, тающихся в уже наличных производственных отношениях, а в механизме последних есть узкие места, не позволяющие пока достаточно полно использовать большие возможности, предоставляемые уже наличными производительными силами (с другой стороны, «забегание вперед» в перестройке производственных отношений бывало вредным). Это кольцо противоречивых взаимозависимостей ныне разрешается у нас через перестройку прежде всего производственных отношений. Но выправление отстающих звеньев производительных сил не менее важно, ибо оно создает тот «материал», без которого в своем функционировании социалистические производственные отношения не могут развернуться широко.

Но в производительных силах имеются **свои**, а в производственных отношениях — **свои внутренние** противоречия роста. Например, существуют противоречия между промышленностью и транспортом, между сельскохозяйственным производством и наличными возможностями складирования и хранения и т. д., а в области производственных отношений — между уровнем организации основных и подсобных производств и т. д. Вообще в структуру социализма входят различные виды противоречий с неодинаковой их судьбой, и не все они поддаются сведению в единую систему. Поскольку при социализме продолжают существовать наполняемые новым содержанием некоторые прежние социальные формы и институты (товарно-денежные отношения, личное хозяйство и т. д.), которые играют в одних отношениях положительную, а в других — отрицательную роль, то они являются как средствами разрешения противоречий в условиях социализма, так и стимулами возникновения некоторых новых (а иногда временной консервации отдельных старых) противоречий. Это усложняет общую картину противоречий при социализме, при неизбежности того общего принципиального положения, что действительное разрешение всякого социального противоречия способствует дальнейшему прогрессу.

Основное движущее противоречие социализма проявляется в различных конкретных стихийных формах, таких, например, как противоречия между индивидуальным характером присвоения через оплату по труду и общественной организацией производства, а также между товарно-денежным обращением и ростками ком-

мунистической организации и деятельности. Эти и иные противоречия «выступают наружу» как широкое субъективное противоречие между консервативно и новаторски настроенными членами нашего общества. В собственно экономической и социально-психологической сферах это противоречие, если взять его консервативную сторону, порождает «возможность для развития иждивенческих настроений и самоуспокоенности, элементов застоя»¹⁷. Отсюда понижение трудовой активности, которое паразитирует на справедливой уверенности в том, что социализм никогда не оставляет своих граждан в беде. Если же взять новаторскую (прогрессивную) сторону указанного противоречия между новым и старым среди членов общества, то именно в действии этой стороны огромную роль играет **критика** в адрес консервативно, пассивно, безынициативно настроенных членов общества. Эта критика есть могучее средство движения вперед, но при следующих условиях: гласность, широкая информативность, гарантии охраны от зажима критики и от мести за критику и действенная проверка как самого содержания критики, так и ее результатов. XXVII съезд КПСС указывал на все эти условия как на необходимую предпосылку правильного использования и наибольшей эффективности критики.

Общее морально-политическое единство советского народа есть условие могущества и непрерывного роста возможностей социалистического общества. Заметим, что данное «единство» не есть категория, входящая непосредственно в состав закона единства и борьбы противоположностей как объективно (и стихийно, и сознательно) действующего и применяемого закона. Перед нами здесь не философская, а **социологическая** категория. Это «единство» есть **условие разрешения** указанных выше и других противоречий в зрелом социалистическом обществе, а дальнейшее укрепление этого единства есть результат данного разрешения. Идеологическое единство нашего общества оказывается одним из слагаемых субъективных движущих сил его развития, оказывающих значительное воздействие на процесс совершенствования базиса и всего нашего социалистического бытия.

Перед нами стоит задача обеспечить наиболее полное раскрытие и действие преимуществ и потенций социализма. Задача заключается в том, чтобы устранить из жизни нашего общества все то, что несовместимо с принципами социальной справедливости и дальнейшей демократизации общества, с трудовой моралью. Устранить все то, что несовместимо с объективными и субъективными движущими силами социализма, резко противоречит им и потому подлежит решительному преодолению.

Каков же путь их преодоления? Одновременно объективный и субъективный, стихийный и сознательный.

¹⁷ Куликов В. Характер противоречий социалистической экономики и формы их разрешения // Коммунист. 1984. № 9. С. 52.

Собственно объективный путь заключается в создании таких условий организации труда, учета его результатов и контроля над распределением, системой поощрений и наказаний (в сочетании с правоохранительными мерами), которые значительно затрудняют возникновение отрицательных поступков отдельных людей.

Субъективный путь заключается в одновременном развитии как стихийной, так и планомерной критики в сочетании с самокритикой. Само наше мировоззрение, марксистско-ленинская философия носят **одновременно критический и конструктивный** характер. Очищающая, исправляющая и воспитывающая роль критики и самокритики огромна. В Программе КПСС указано, что для обеспечения ускоренного развития социалистических отношений и искоренения всего того, что этому мешает, необходимо сполна использовать авторитет общественного мнения и силу закона¹⁸. Авторитет общественного мнения с огромной силой проявляется именно в ходе пелицеприятной, открытой и массовой критики. М. С. Горбачев на встрече с рабочими в Софии осенью 1985 г. отмечал, что критика должна носить конструктивный характер. Ведь «смысл нашей работы» — «в перестройке общественных отношений на самых гуманистических принципах, на высоких ценностях, присущих социализму. Именно они должны побуждать людей к добросовестному труду, формировать чувство хозяина своего государства, открывать простор для развития талантов и способностей личности в интересах общего дела»¹⁹. Материалы XXVII съезда КПСС указывают на значительную функцию критики в разрешении противоречий ускоренного развития нашего социалистического общества, на живое творчество масс как основу ускоренного социального развития. При этом объективное и субъективное, сознательное и стихийное действуют вместе, в диалектическом единстве.

Р. Л. ЛИВШИЦ, Н. И. ЧЕРМОШЕНЦЕВ
Комсомольский-на-Амуре политехнический институт

МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА НЕГАТИВНЫХ ЯВЛЕНИЙ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Переживаемая советским обществом историческая полоса предъявляет повышенные требования ко всем, в том числе и к тем, кто профессионально занимается философскими исследова-

¹⁸ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 165.

¹⁹ Речь М. С. Горбачева на встрече с коллективом Софийского научно-производственного комбината металлорежущих станков, 24 окт. 1985 г. // Коммунист. 1985. № 16. С. 74.

ниями. Для философов и обществоведов в целом важнейший урок прошедших лет заключается в том, что социальная действительность должна изучаться в ее целостности, динамике, во всем богатстве конкретных проявлений. Нельзя составить верной картины общественных процессов, если видеть только то, что приятно и радостно видеть, и не замечать вещей, созерцание которых не доставит удовольствия. Отступление от этого требования означает по существу измену диалектике, которая, как писал К. Маркс, «в позитивное понимание существующего... включает в то же время понимание его отрицания... ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹. Констатируя, к примеру, стремительный рост благосостояния советских людей в 60—70-е гг., нельзя было проходить мимо таких явлений, как возникновение, а затем и увеличение разрыва между платежеспособным спросом населения и количеством товаров, в особенности продовольственных. Нельзя было также игнорировать и то обстоятельство, что этот рост сопровождался заметным увеличением социальных групп, живущих на нетрудовые доходы. Поскольку диалектика — это «живая душа марксизма» (В. И. Ленин), постольку революционность и критичность — атрибутивные черты марксистско-ленинского учения. Они должны пониматься не только в смысле служения передовым революционным силам современной эпохи, а также в смысле неприятия косности, догматизма и т. п., но и как требование гражданской обеспокоенности, ответственности, требование изобличать и осуждать явления и процессы, чуждые природе социализма.

Вполне очевидно, что философия не может и не должна подходить к анализу негативных явлений тем же способом и с теми же теоретическими средствами, что и другие общественные дисциплины, например, политэкономия или гражданская история. Тем более она не в состоянии сформулировать конкретные рекомендации относительно принятия управленческих решений по тем или иным частным вопросам. Роль марксистско-ленинской философии в критике негативных явлений социалистического общества определяется ее статусом теоретического ядра мировоззрения. Это означает, на наш взгляд, что специфическая функция философии заключается в разработке методологии и критики негативных явлений, что открывает возможность создания эффективной стратегии преодоления указанных явлений.

Понятие методологии, пожалуй, — одно из наиболее богатых оттенками научных понятий. Не вдаваясь в эти оттенки, не углубляясь в семантические тонкости, определим тот смысл, который мы намерены в данное понятие вкладывать. Под методологией в настоящей статье подразумевается система общих принципов, регулирующих познавательную деятельность субъекта. Такая трак-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 22.

товка обязывает нас сформулировать и охарактеризовать те общие принципы, которыми надлежит руководствоваться в процессе анализа негативных явлений социалистического общества. Необходимая предпосылка такого анализа — рассмотрение генезиса и природы указанных явлений.

Практический опыт безошибочно подсказывает нам, что такое хорошо и что такое плохо в социалистическом обществе. Однако для научного исследования интуиция должна быть прояснена размышлением, чтобы судить о предмете обоснованно. Выработка рационального критерия выделения негативных явлений — функция философии, ее долг, от которого она не вправе уклониться.

Первый ответ, который приходит на ум, когда задаешься вопросом о том, что такое негативные явления в условиях социализма, таков: к ним следует отнести все, что не соответствует идеалу социалистического общества. Под социалистическим идеалом понимается обычно конечная цель социализма — коммунизм². Вряд ли, однако, имеет смысл в данном случае брать полный, завершённый коммунизм, предстающий сейчас лишь в своих основных чертах, за точку отсчета. Попробуем сравнить социализм, каков он есть, с тем, каким он должен быть «в понятии», когда его черты и тенденции уже вполне проявились, но еще не приобрели собственно коммунистического качества. Коротко говоря, возьмем в качестве идеала всесторонне развитое социалистическое общество. К примеру, в этом обществе бюрократизм должен отсутствовать, поэтому мы можем с полным основанием отнести бюрократизм к ряду отрицательных явлений. Простота ответа, его наглядность и легкость его верификации порождают искушение считать его правильным, однако его нельзя принять. Дело прежде всего в том, что указанный критерий не дает возможности учесть историческую координату и влияние внешних условий. В каждый данный исторический момент существуют такие явления, которые не соответствуют идеалу социализма, но тем не менее не могут быть расценены как негативные в собственном смысле слова. Если взять область надстройки, то примером здесь может служить религия. Во всесторонне развитом социалистическом обществе марксистско-ленинская идеология должна быть не только господствующей, но и единственной. Мы не достигли сейчас такой степени зрелости. Но религия не зачисляется в негативные явления на том основании, что социализм просто не имел достаточно времени, чтобы оставить ее в архиве истории. Еще один пример. Если взять область социальных отношений, то тут самая острая проблема в советском обществе — жилищная. В социалистическом обществе,

² Такое понимание проведено, например, болгарским исследователем В. Ивановым (См.: *Иванов В.* Реальный социализм. Социализм: опыт, проблемы, перспективы. М., 1985). В. А. Печенев в своей монографии, употребляя понятие «социалистический идеал», часто добавляет в скобках «коммунистический» (См.: *Печенев В. А.* Социалистический идеал и реальный социализм. М., 1984).

вполне реализовавшем свои внутренние резервы, не должно быть людей, испытывающих жилищные трудности. Сейчас, однако, таких людей еще очень много.

Приведенные примеры относятся к тому, что К. Маркс назвал «родимыми пятнами» прошлого. Это те общественные структуры, институты, явления, которые остались от предшествующих формаций и выступают как тормоз прогресса при социализме. Социализм не может развиваться, не преодолевая их. Заметим, что товарно-денежные отношения и ряд других явлений, привычно зачисляемых многими обществоведами в разряд «родимых пятен» капитализма, не только не мешают развитию социализма, но и являются необходимым условием его функционирования и прогресса. Товарно-денежные отношения имманентны социализму, и нет никакого резона считать их «родимым пятном» капитализма. Имеет, вероятно, резон выделить еще один класс явлений, которые не соответствуют идеалу социализма и в то же время не могут быть названы в строгом смысле негативными. К нему относятся те отступления от природы социализма, что обусловлены необходимостью противостоять внешней угрозе. К примеру, социалистическое общество не нуждается в войнах, но ему необходимо иметь армию, производить оборонную продукцию, отводить землю под военные цели и т. п. Ему нет также нужды скрывать свои дела и проблемы, однако соображения военной и экономической безопасности требуют засекречивания части информации.

Итак, критерий выделения негативных явлений, основанный на сопоставлении идеала (даже в том ограниченном смысле, который очерчен выше) и действительности, не годится. Что же можно предложить взамен? Для ответа на этот вопрос обратимся к материалам XXVII съезда партии и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС.

В качестве негативных явлений, свойственных советскому обществу на рубеже 70-х и 80-х гг., на съезде указаны следующие. В сфере базиса: преобладание экстенсивного типа развития экономики, ориентация на вовлечение в производство дополнительных трудовых и материальных ресурсов, снижение в результате этого темпов роста производительности труда, разрыв между имеющимися ресурсами и потребностью в них, между общественными потребностями и достигнутым уровнем производства, между платежеспособным спросом и его материальным покрытием, отставание производства ряда важнейших видов продукции промышленности и сельского хозяйства от плановых показателей³, отставание хозяйственного механизма от потребностей современной экономики⁴, несовершенство распределительных отношений⁵ и ряд других. В

³ См.: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 23.

⁴ См.: Там же. С. 33.

⁵ См.: Там же. С. 46—47.

сфере надстройки: устарелость форм деятельности Советов, недостаточная вовлеченность трудящихся в дела трудовых коллективов, отсутствие настоящей гласности, отступление в ряде парторганизаций от ленинских норм партийной жизни, выразившееся в затухании критики и самокритики и возникновении вследствие этого обстановки благодушия, вседозволенности и безнаказанности, что привело даже к социальному перерождению части кадров⁶. Как отмечалось на съезде, были существенные недостатки и в идеологической работе: «Целеустремленная воспитательная работа нередко подменялась надуманными кампаниями, уводящими пропаганду от жизни, что отрицательно сказывалось на общественной атмосфере. Острота жизненных противоречий нередко игнорировалась, отсутствовал реализм в оценке действительного положения дел в экономике, социальной области, да и в других сферах»⁷.

Развернутый анализ негативных явлений в советском обществе, возникших в указанный период, содержится в докладе М. С. Горбачева на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. В экономической сфере произошла консервация устаревших методов хозяйствования и управления, ослабление контроля за тем, кто и как распоряжается социалистической собственностью, сложилось неверное отношение к кооперативной собственности, появились деформации в планировании, выразившиеся в субъективистских подходах, несбалансированности и нестабильности планов, их недостаточной научной обоснованности, отсутствии направленности на формирование эффективных народнохозяйственных пропорций и должного внимания к развитию социальной сферы; разрослись безответственность, бюрократизм, волюнтаризм; недооценивался хозрасчет, в оплате труда утвердилась «уровниловка», оказался нарушенным баланс спроса и предложения, были подорваны основы материального стимулирования, снизилась трудовая и социальная активность людей, произошло падение дисциплины и порядка⁸. «По сути дела, — отмечено на Пленуме, — возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма»⁹. Вскрытые на Пленуме неблагоприятные тенденции в социальной области заключаются в недостаточных темпах решения жилищной и продовольственной проблем, существенных изъянах в организации транспорта, медицинского обслуживания, в образовании¹⁰. Были отмечены тревожные симптомы в духов-

⁶ См.: Там же. С. 80—81.

⁷ Там же. С. 87.

⁸ См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 27 янв. 1987 г. // Коммунист. 1987. № 3. С. 8—9.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ См.: Там же.

ной жизни общества: элементы эрозии высоких нравственных ценностей советского народа, падение интереса к общественным делам, возникновение цинизма и потребительства, увеличение масштабов пьянства, распространение наркомании, повышение уровня преступности¹¹. Произошло снижение критериев в оценке художественного творчества, усилилось проникновение в советское общество стереотипов буржуазной массовой культуры¹². Негативные процессы затронули и сферу политической организации советского общества: появились очковтирательство и взяточничество, стали поощряться угодничество и славословие, практиковалось политическое заигрывание, выражающееся в массовых раздачах наград, званий, премий; снизились требовательность, дисциплина, ответственность; возникли и стали нормой парадность и юбилейный раж; нарушался принцип коллегиальности руководства, не-которая часть партийных кадров оказалась коррумпированной¹³.

При соблюдении ленинских норм партийной жизни удалось бы избежать подобных явлений в партии, о которых говорилось на XXVII съезде КПСС и на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС. Перевод экономики на рельсы интенсивного развития также мог бы быть уже завершен, если бы руководство экономикой было более компетентным и энергичным. Не существует, далее, никаких уважительных причин для того, чтобы сводить воспитательную работу к утомительной череде идеологических кампаний и приукрашивать при этом истинное положение дел. Ни в коем случае нельзя считать закономерным для социализма возникновение настроений социальной апатии и тем более элементов коррупции.

Из всего изложенного следует, с нашей точки зрения, тот вывод, что критерий выделения негативных явлений в социалистическом обществе необходимо искать в сопоставлении **фактически достигнутого с реально достижимым**.

Среди следствий, которые вытекают из обрисованного выше подхода к природе негативных явлений, обратим внимание на одно. Предложенный критерий выделения негативных явлений в социалистическом обществе обладает конкретно-историческим содержанием. Так, экстенсивный тип развития советской экономики был единственно возможным в 50-е гг. и сохранял свою приемлемость еще и в 60-е гг. В те времена он соответствовал достигнутому уровню экономического, технического и социального развития и потому не может быть расценен со знаком минус. В 70-е и тем более 80-е гг. положение в корне изменилось, и экстенсивное развитие экономики стало явлением негативным. Уже к концу 60-х гг. созрели, по существу, предпосылки для перехода на интенсивный тип развития, однако, как сказано на XXVII съезде КПСС, «мы своевременно не дали политической оценки изме-

¹¹ См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии. С. 10.

¹² См.: Там же.

¹³ См.: Там же. С. 10—11.

нению экономической ситуации, не осознали всей остроты и неотложности перевода экономики на интенсивные методы развития, активное использование в народном хозяйстве достижений научно-технического прогресса»¹⁴.

В исследовании негативных явлений социалистического общества теоретическая мысль в долгу перед практикой. Пока здесь явно преобладает эмпирия над теорией, эмоции над мыслью. В литературе, прежде всего публицистической, изображаются с большей или меньшей степенью живописности отдельные факты, перечисляются некоторые недостатки; их набор обязательно включает в себя пьянство, тунеядство, хищения, взяточничество, бюрократизм, нарушение принципа распределения по труду. Иногда называют еще бескультурье, безынициативность, некоторые авторы — даже доносительство¹⁵. Разумеется, все перечисленные явления отвратительны, они абсолютно чужды природе социализма. Однако сводить к ним негативные явления, с нашей точки зрения, не следует. По существу, указанные социальные пороки — симптомы, внешнее выражение некоторых глубинных процессов как базисного, так и надстроечного плана. Мы не думаем, что сведение негативных явлений к тем недостаткам, которые более всего бьют в глаза, — сознательно реализуемый принцип. Скорее всего, оно есть побочный эффект, возникающий вследствие сосредоточения критической энергии на том или ином наиболее нетерпимом социальном зле. Тем не менее мы хотели бы подчеркнуть отличие своей позиции от той, в которой выражено узкое понимание негативных явлений, существующих в социалистическом обществе.

Итак, недостатки, отступления от природы социализма могут быть разделены по своему происхождению на 3 группы:

- 1) «родимые пятна» прошлого;
- 2) явления, обусловленные влиянием извне, со стороны противоположной социальной системы;
- 3) черты и процессы, связанные с недостатками практической работы в различных областях общественной жизни, с запаздыванием в решении назревших проблем, с игнорированием на практике законов социализма или, как минимум, их недостаточным учетом; именно эти последние и составляют негативные явления в собственном смысле слова.

Приведенное различие, как мы полагаем, не надуманно, оно позволяет увидеть различие путей преодоления указанных недостатков. Так, что касается явлений первого рода, то их изживание происходит по мере реализации задач социалистического строительства, и чем более продвинуто общество в своем развитии, тем меньше размеры «родимых пятен». Если взять, к примеру, рели-

¹⁴ Там же. С. 23.

¹⁵ См.: *Фролов И. Т.* Время решающих перемен: (Коренной поворот в ускорении научно-технического прогресса: социальные, философские и гуманистические аспекты) // *Вопр. философии.* 1985. № 8. С. 16.

гию, то она в советском обществе в значительной мере преодолена. Согласно официальным оценкам, лишь 9—10% взрослого населения нашей страны — это люди, которые являются носителями религиозного сознания¹⁶. Значительные успехи достигнуты в решении жилищной проблемы. Конечно, и темпы отхода от религии, и тем более темпы решения жилищной проблемы могли бы быть быстрее, однако это не меняет сути дела: обе проблемы достались, как уже было отмечено, в наследство от прошлого¹⁷.

Последнее замечание приводит нас к выводу о необходимости различать негативные явления первого и второго порядка. Под негативными явлениями первого порядка следует понимать то, что обозначено в пункте 3. Негативные явления второго порядка — недостатки, упущения в решении тех проблем, которые социалистическое общество наследует от прошлого.

Неразличение указанных групп явлений, с нашей точки зрения, — одна из причин того, что общественная наука рассматривала «родимые пятна» прошлого как источник всех и всяческих недостатков в социалистическом обществе. Дольше, чем это позволяли факты. Продолжая наш пример с религией, можно отметить, что в социалистическом обществе имеется — хотя и резко суженная в сравнении с капитализмом — социальная среда для ее воспроизводства. Если все дело свести к «пережиткам прошлого», то в этом случае преодоление недостатков должно мыслиться как автоматический процесс, не требующий каких-либо специальных усилий. Если при этом — в противоречии, кстати, с исходными посылами — и провозглашается задача борьбы с пережитками, то задачи этой борьбы трактуются упрощенно, в духе, так сказать, чистого просветительства. Если говорить о тех чертах реального социализма, которые навязаны ему извне, то их преодоление — процесс, который менее всего находится в нашей власти. Здесь продвижение вперед определяется изменением общей ситуации, а мера этого продвижения прямым образом зависит от способности социалистического общества влиять на указанную ситуацию.

Наибольший теоретический и практический интерес представляет собой вопрос о недостатках, составляющих третью группу, то есть о негативных явлениях в собственном смысле слова. Они обнаруживаются, как было уже отмечено, при сопоставлении фактически достигнутого с реально достижимым. В этой связи встает вопрос: как определить те рубежи, которых общество может достичь? В состоянии ли мы судить о них заранее или же только ретроспективно? Общий ответ на этот вопрос хрестоматийно ясен: на то и существует марксистско-ленинское учение, чтобы предвидеть течение общественных процессов, служить факелом, освеща-

¹⁶ См.: Куроедов А. П. Религия и церковь в советском обществе. М., 1984. С. 145.

¹⁷ Набор этих проблем в каждом социальном организме, рождающемся из недр старого общества, варьирует, однако некоторые проблемы возникают перед любым обществом, вставшим на путь социалистических преобразований.

ющим путь вперед. Однако, как показывает опыт недавнего прошлого, реализовать эвристический потенциал марксистского общественнознания не так просто. И дело не только в том, что советское общество идет непроторенным путем. И не в том также дело, что развитие международной обстановки вносит элемент неопределенности в прогноз. Самое главное, на наш взгляд, — теоретическая позиция исследователя, которая для обществоведа во многом тождественна с гражданской позицией. Встающие перед ним теоретические и методические трудности, когда он берется ответить на вопрос о том, каких результатов общество может добиться, если будет действовать правильным образом, весьма значительны, но они преодолимы. Для этого не надо впадать в поверхностный сверхоптимизм, при котором становление коммунизма мыслится как стремительное продвижение железнодорожного экспресса, где за станцией «отмена билетов в общественном транспорте» следует станция «бесплатное жилье» и т. п. Для этого нужно также забыть о благой удовлетворенности сегодняшним днем, о мудрой сверхбдительности, сверхосторожности и сверхосмотрительности, старательно обходящей острые углы. Совершенно справедливо заметил по этому поводу В. И. Толстых: «Ведь мы даже о социализме, т. е. о родном доме своем, научились писать так, что его трудно узнать — настолько он в наших книгах и учебных трактатах прибран, а жизнь в нем упорядочена и хорошо организована»¹⁸. Конкретный ответ на вопрос о разрешимости в те или иные сроки тех или иных проблем может быть получен, разумеется, лишь в результате конкретного исследования. Оно обязательно должно включать в себя, во-первых, анализ того, что мы имеем, то есть предпосылок и сил, на которые можно опереться, и, во-вторых, определение оптимальных способов действия. Поскольку не существует задач, изолированных от других, важно правильно установить очередность их разрешения, их взаимную связь.

Определив тот круг реалий, которые относятся к негативным явлениям социалистического общества, мы получили возможность охарактеризовать принципы их критического анализа. При этом речь идет не о новых теоретических принципах, а о применении доказавших свою эффективность принципов философско-социологического исследования к некоторой специфической области социальной действительности.

В качестве центрального принципа анализа негативных явлений в социалистическом обществе мы считаем нужным выделить принцип партийности. Партийность марксистско-ленинской теории — понятие глубокое и многогранное. Какая же его грань наиболее важна, когда предмет исследования — негативные явления социалистического общества? Думается, та грань, что связана с освещением вопроса о преимуществах социа-

¹⁸ Толстых В. И. В зеркале творчества: (Вл. Высоцкий как явление культуры) // Вопр. философии. 1986. № 7. С. 118.

лизма. В философско-социологической и политэкономической литературе 60-х, 70-х, а также начала 80-х гг. преимущества социализма более постулировались, чем рассматривались по существу. Это мешало полному и всестороннему раскрытию указанных преимуществ в практике социально-экономических преобразований. Другой — более значительный — недостаток еще в недавнем прошлом фактически единственной теоретической позиции заключается в том, что преимущества социализма изображались как нечто такое, что уже осуществлено на деле. Эта позиция отнюдь не способствовала мобилизации внутренних резервов нового социального строя, порождала настроения самоуспокоенности, которые столь дорого нам обошлись. Так, главным преимуществом социалистической экономики является плановость. Если плановость состоит в том, что в Москве составляется план «от достигнутого», доводится до предприятия, затем много раз корректируется в сторону понижения, а коллектив с грехом пополам вытягивает его с помощью штурмовщины в конце каждого месяца, квартала, года и пятилетки, то она, эта плановость, у нас есть. Вряд ли, однако, такую плановость стоит изображать в качестве величайшего нашего преимущества. Настоящая плановость имеет место тогда, когда общественные процессы динамично развиваются в соответствии с научно обоснованными целями. Общественная собственность на средства производства, отсутствие классовых антагонизмов создают лишь благоприятные предпосылки для планового ведения хозяйства и научно обоснованного управления социальными процессами, но эти предпосылки надо еще суметь реализовать. «Теперь многое, а по существу все, — сказано в Политическом докладе XXVII съезду КПСС, — будет зависеть от того, насколько эффективно мы сумеем использовать преимущества и возможности социалистического строя, его экономическую мощь и социальный потенциал...»¹⁹. Программа КПСС связывает возникновение негативных явлений в советском обществе с **неполным использованием возможностей и преимуществ социалистического строя**²⁰ (выделено нами. — Авт.). Расставленные XXVII съездом КПСС акценты требуют от обществоведов не умиляться преимуществами социализма, а выявлять пути, способы, методы, формы их максимально полного и глубокого раскрытия на практике. Таково основное требование, вытекающее в современных условиях из принципа партийности.

Принцип партийности находится в неразрывной связи с коренными принципами марксистско-ленинской философии — принципом объективности и установкой на анализ явлений действительности в их развитии.

Антиподами принципа объективности выступают (бур-

¹⁹ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 5—6.

²⁰ См.: Там же. С. 139.

жуазный) объективизм и субъективизм. В исследовании негативных явлений социалистического общества первый заключается в бесстрастном фиксировании недостатков без их критической оценки и осмысления. Объективистский подход к нашим трудностям и проблемам есть выражение их пассивного неприятия. Объективизм связан с отстраненным, «инопланетным» взглядом на наши дела и обрекает субъекта практического действия на примиренческо-оппортунистическое отношение к негативным явлениям. Теоретически такая позиция несостоятельна, а практически по меньшей мере бесполезна. Заинтересованное, равнодушное отношение к недостаткам находит свое проявление в субъективистски ориентированном исследовании. Только это такого рода заинтересованность, которая не имеет ничего общего с марксистской, партийной принципиальностью. Субъективизм в отношении к негативным явлениям социалистического общества обнаруживается в двух крайностях. Одна, к сожалению, до недавнего времени весьма распространенная, заключается в стремлении завуалировать трудности и проблемы, как-то смягчить реальную картину, приукрасить ее, побольше положить на холст розовой краски, свести все дело к досадным исключениям, нетипичным фактам, к случайностям всякого рода, к тому, что «в семье не без урода» и т. п. Нет нужды доказывать, что такое отношение к недостаткам не вооружает практику, а разоружает ее. Советское общество заплатило достаточно высокую цену за благодушные общественников. Порыв к очищению, которым пронизана общественная атмосфера после апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, создал условия для появления другой разновидности субъективизма, состоящей в раздувании недостатков, их выпячивании, драматизации. Принцип объективности требует соблюдения меры в изображении недостатков, но не в обывательском смысле слова (строго дозированной критика на общем радужном фоне), а в том смысле, какой вкладывается в понятие меры диалектикой.

Главный вопрос, который нельзя в этой связи упускать из виду, заключается в следующем: в какой степени то или иное негативное явление ставит под угрозу социализм как общественную систему. Возьмем, к примеру, такое чуждое социалистическому образу жизни явление, как нетрудовые доходы. В определенных границах они остаются лишь пеной на поверхности потока, но при некоторых условиях способны повлиять и на характер самого течения. Весьма опасной вещью, опасной для самого существования социализма, является бюрократизм, который приводит к появлению и усилению социальной напряженности, чреватой серьезными социальными потрясениями. Разумеется, вопрос о том, к каким последствиям ведет то или иное негативное явление, не следует смешивать с вопросом о том, как далеко зашел процесс. От решения первого зависит стратегия деятельности, от решения второго — лишь тактика.

Принцип анализа в развитии (или принцип историз-

ма — с нашей точки зрения это одно и то же) предполагает прежде всего выявление предпосылок упущений и недостатков. Следующий шаг — рассмотрение их современного состояния, а затем — прогноз на будущее. Накопленный к настоящему времени опыт продвижения по пути социализма разных стран Европы, Азии и Латинской Америки показывает, что в определенные исторические фазы своего развития социалистическое общество уязвимо для определенного типа негативных явлений. Так, в первые послереволюционные годы и десятилетия, когда в той или иной мере сказывается влияние мелкобуржуазной стихии, а также отсутствие у масс достаточного политического опыта, весьма реальна угроза возникновения культа личности. Эта опасность может реализоваться или не реализоваться, что зависит от линии политического руководства, однако не замечать ее нельзя. Возрастание уровня политической зрелости масс приводит к появлению иммунитета против культа личности, но зато возникают иные опасности. Так, рост масштабов народного хозяйства и усложнение в этой связи экономических отношений включают в себе неприятную возможность отставания экономического механизма от потребностей дня. Разумеется, и эта угроза не фатальна, однако избежать ее не просто. Выявлять подводные камни на пути социалистического общества, вырабатывать конкретные практические рекомендации относительно того, как уйти от столкновения с ними, — прямая задача марксистского обществоведения, прежде всего исторического материализма. Чтобы успешно справиться с этой задачей, требуется полностью отрешиться от представления о развитии социалистического общества как о чем-то таком, что заранее избавлено от внутренних трудностей, сложных проблем и драматических коллизий.

Следование принципу развития требует не только раскрытия исторической обусловленности негативных явлений, но и анализа эволюции самих этих явлений. Так, при рассмотрении проблемы пьянства существенно то, что в течение определенного периода в нашей стране происходил не только количественный рост потребления алкоголя, но и распространение алкоголизма на те категории населения, для которых он был прежде не характерен (женщины, молодежь).

В развитии негативных явлений социалистического общества преобладает, безусловно, тенденция к их преодолению, изживанию. Но, во-первых, она реализуется достаточно сложным образом, нередко встречая противодействие в виде контртенденции; во-вторых, нельзя упускать из виду возможность появления новых тенденций и явлений отрицательного порядка; и, в-третьих, осуществление указанной генеральной тенденции происходит не автоматически, а в результате планомерной и целенаправленной созидательной работы.

С принципом историзма, таким образом, тесно связан другой важнейший принцип анализа негативных явлений, а именно принцип учета диалектики объективного и субъек-

ективного. Собственно говоря, уже из самого определения негативных явлений следует, что они могут быть выделены и теоретически осмыслены только при сопоставлении объективных возможностей и того, как эти возможности реализуются на практике. Общеизвестна классическая формула основоположников марксизма о становлении коммунистической формации как скачка из царства необходимости в царство свободы. Одна из граней этой емкой формулы заключается в том, что при социализме люди превращаются в хозяев собственной судьбы, подчиняют своему контролю объективные законы природного и общественного развития. Не требует специального доказательства тот тезис, что по мере продвижения социалистического общества вперед сложность и объем созидательных задач резко возрастают, резко усложняется и задача управления общественными процессами. В одном из исследований, специально посвященном проблеме соотношения объективного и субъективного в условиях социализма, обсуждаемый здесь вопрос видится следующим образом: «В период развитого социализма формирование объективного и субъективного происходит более или менее одновременно. Тенденция отставания субъективного фактора от объективного все более преодолевается, усиливается тенденция опережения субъективного»²¹. Приведем еще одно высказывание из этой же работы, весьма характерное для выраженной в ней позиции: «В условиях развитого социализма объективные условия, которые развиваются планомерно, не ставят преград исторической тенденции возрастания субъективного фактора, наоборот, их развитие способствует этому возрастанию. В то же время эта тенденция иногда может нарушаться, замедляться, поскольку и при социализме еще сохраняются проявления субъективизма, элементы стихийности и неуправляемости отдельными явлениями и процессами»²². Итак, автор однозначно связывает с понятием «объективные условия» только благоприятные возможности, так сказать, творческий потенциал социализма. Думается, что это определенное упрощение проблемы. Объективны ведь не только общественная собственность на средства производства и высокий уровень экономики (на определенном этапе), объективна и сложность управления этой экономикой и, следовательно, опасность односторонних решений и подходов; объективен не только рост благосостояния населения, объективна и тенденция к появлению рецидивов частнособственнической психологии. Субъективный фактор призван дать максимальный простор благоприятным условиям и процессам и блокировать неблагоприятные тенденции. Эволюция субъективного фактора мыслится М. В. Романенко как постепенное преодоление отставания от объективного и даже (с течением времени) его опережение. По-видимому, это следует толковать в

²¹ Романенко М. В. Диалектика объективного и субъективного в условиях развитого социализма. М., 1981. С. 38.

²² Там же. С. 52.

том смысле, что в сознании масс в развитом социалистическом обществе вызревает такой уровень понимания общественных проблем, такой уровень сознательности, когда они готовы к практическим действиям по развертыванию коммунистических общественных начал, для которых еще не созрели условия. Конечно, определенные — и достаточно обширные — социальные группы, которые являются носителями «опережающего сознания», в социалистическом обществе были, есть и будут, однако в изображении М. В. Романенко их реальный вес в обществе, с нашей точки зрения, преувеличивается. Чтобы избежать облегченных трактовок, всегда надо иметь в виду то обстоятельство, что субъективный фактор внутренне неоднороден, обладает сложной структурой. Партия как руководящая сила нашего общества несет главную ответственность за состояние дел, но и она не застрахована от ошибок. «В течение ряда лет, — самокритично отмечено в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии, — и не только в силу объективных факторов, но и причин прежде всего субъективного порядка, практические действия партийных и государственных органов отставали от требований времени, самой жизни. Проблемы в развитии страны нарастали быстрее, чем решались. Инертность, застылость форм и методов управления, снижение динамизма в работе, нарастание бюрократизма — все это наносило немалый ущерб делу. В жизни общества начали проступать застойные явления»²³.

Возникновение механизма торможения социально-экономического развития страны на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС прямо связывалось с упущениями в деятельности политического руководства. «Корни этого торможения, — отмечал М. С. Горбачев, — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления»²⁴.

Партия опирается в своей практической деятельности на широкие массы, различающиеся по уровню сознательности и по степени социальной активности. Из картины, образуемой субъективным фактором, не выкинешь и того, что при социализме сохраняются различия интересов разных социальных групп, порой весьма существенные. У нового, прогрессивного всегда найдутся скрытые и явные противники, которым выгодно сохранение отживших порядков. Возьмем, к примеру, такую безусловно передовую форму организации труда, как бригадный подряд. Его внедрение в широкую практику столкнулось с мощным сопротивлением с разных сторон, и до сих пор бригадный подряд не стал всеобщей формой ор-

²³ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 4.

²⁴ Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии: Доклад на Пленуме ЦК КПСС, 27 янв. 1987 г. // Коммунист. 1987 № 3. С. 9.

ганизации труда. Кроме тех, кто активно сопротивляется проведению назревших преобразований, есть немало людей, занимающих пассивную, выжидательную позицию. Возвращаясь к цитированным выше высказываниям М. В. Романенко, хотелось бы отметить, что в них также недооценен масштаб противоречий, могущих возникнуть между субъективным фактором и объективными условиями в условиях социализма. Автор предполагает возможность лишь «элементов стихийности и неуправляемости отдельными явлениями и процессами». Но экономика, которая на протяжении трех пятилеток развивается не так, как намечено планом, — это отнюдь не «отдельное явление или процесс». Будет более правильно, с нашей точки зрения, признать, что стихийность может проявляться в развитии социалистического общества в целом, а не только в развитии каких-то отдельных его сторон или сфер. Такое понимание данного вопроса подчеркивает сложность управления процессами, протекающими в социалистическом обществе, сложность реализации возможностей, заложенных в новом общественном строе. Социализм — управляемое, планомерно развивающееся общество, но это вовсе не значит, что им легко управлять. Мы здесь вновь подходим к трактовке преимуществ социализма как его потенций, раскрытие которых требует субъективного искусства, воли, энергии и смелости.

Вопрос о субъективном факторе есть вместе с тем и вопрос об исторической ответственности. После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, XXVII съезда и январского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС, которые были подобны могучей духовной буре, сметающей все отжившее, устаревшее, все то, что тормозит наше движение вперед, этот вопрос возник со всей остротой. Было бы неверно, с нашей точки зрения, сводить все дело к некомпетентности, инерции мышления, «звездной болезни», склонности к парадности и шумихе, каким-то другим личным недостаткам тех или иных начальников, занимающих ответственные посты. Конечно, чем выше пост, тем больше мера ответственности, но свою долю вины за происходившие в стране негативные процессы несет каждый. Осознание этого служит необходимым условием той внутренней перестройки, без которой не будет и перестройки в делах общества.

Это не значит, что мы возражаем против того, чтобы назвать имена исторических деятелей, повинных в возникновении и нарастании негативных явлений. Напротив, мы считаем необходимым сделать это, иначе довольно трудно себе представить, каким образом удастся выработать гарантии недопущения указанных явлений в будущем. Этого же требует историческая справедливость. Но любая критика, в том числе и персональная, должна звать вперед, а не назад, должна мобилизовывать, а не демобилизовывать.

Вопрос об ответственности за негативные явления в социалистическом обществе самым непосредственным образом касается обществоведов. Советское обществоведение страдает «известной

отдаленностью от запросов жизни»²⁵. Теоретическая мысль была направлена не на отображение реальных процессов и предвидение хода событий, не на выработку эффективных практических рекомендаций, а на комментирование уже принятых решений; вместо поиска истины обществоведы занимались подгонкой теории под политические лозунги.

Неоспоримо, что само развитие социалистического общества создает объективные предпосылки для ликвидации негативных явлений. Однако было бы неверно не видеть и другой стороны вопроса: осуществление благоприятных возможностей требует выработки глубоко взвешенной, продуманной политики и настойчивой, последовательной ее реализации. Так, принятая в 1972 г. программа мер по преодолению пьянства и алкоголизма дала кратковременный и непрочный эффект не столько из-за того, что сама намеченная линия была не вполне правильной, сколько вследствие того, что она не была реализована до конца. Этот пример наглядно показывает нам следующее: ни одно негативное явление не может быть ликвидировано, если борьба с ним носит характер кампании.

И последнее замечание по проблеме объективного и субъективного в анализе негативных явлений социалистического общества. Задача философа состоит не в том, чтобы с эпическим спокойствием констатировать взаимодействие объективного и субъективного в обществе, а в том, чтобы выявлять внутренние резервы субъективного фактора, способствуя тем самым его интенсификации. Нельзя забывать о том, что цена субъективных ошибок по мере развития нашего общества возрастает: сегодняшние просчеты — это завтрашние реалии, с которыми нашим потомкам придется иметь дело как с объективной данностью²⁶.

Система принципов критического анализа негативных явлений не может считаться полной, если в ней отсутствует принцип, который мы называем принципом оптимизма. Под ним понимается требование исходить из того, что социалистическое общество в состоянии справиться с любыми возникающими проблемами и негативными явлениями, избежав при этом социальных катаклизмов и потрясений. Отсюда вовсе не следует, что всякое негативное явление может быть ликвидировано в любой момент, но по мере продвижения общества вперед возможности для преодоления этих явлений возрастают. История реального социализма наглядно демонстрирует его способность эффективно справляться с трудностями, перед которыми оказываются бессильными самые разви-

²⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 85.

²⁶ Зримое подтверждение этой мысли: многие гидротехнические сооружения в нашей стране построены без должного экономического обоснования и учета влияния на окружающую среду, что повлекло за собой серьезные экономические и экологические последствия: затопление пахотных земель, заболачивание местности, сокращение рыбных запасов и т. п. (См.: *Залыгин С.* Проект: научная обоснованность и ответственность // *Коммунист*. 1985. № 13).

тые капиталистические страны, с такими социальными язвами, как организованная преступность, проституция, безграмотность значительной части населения. На крутых поворотах истории социалистическое общество всегда находило в себе силы справиться с возникшими проблемами, преодолеть трудности. Поэтому принцип оптимизма — не априорная идеологическая установка и не проявление благонамеренности идеолога, а неизбежный вывод из опыта истории. Отсутствие антагонистических противоречий и интересов между слоями и классами социалистического общества, возможность сознательного воздействия на общественные процессы, планомерность развития, свойственный социалистическому образу жизни гуманизм — вот те факторы, которые создают прочный фундамент для оптимистической оценки возможностей социалистического общества справляться с негативными тенденциями и процессами.

Хотя при социализме преодолимы любые трудности, однако и здесь не существует простых рецептов решения сложных проблем. Думать иначе означало бы впасть в поверхностный, легковесный оптимизм — несостоятельный теоретически и затрудняющий борьбу с негативными явлениями на практике. По существу такой псевдооптимизм есть антипод истинного оптимизма, который требует оценивать явления без приукрашивания и драматизации недостатков. В этом смысле принцип оптимизма оказывается тождественным с принципом партийности.

Авторы далеки от мысли, что им удалось разрешить все теоретические проблемы, связанные с задачей критического анализа негативных явлений социалистического общества. Дальнейшая разработка принципов критического анализа негативных явлений оказалась бы весьма полезной с точки зрения осмысления возникающих трудностей и проблем и могла бы способствовать их практическому разрешению.

Д. М. НИКОЛАЕВ
Уральский университет

**КРИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
ТЕОРЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМ:
ПРЕДМЕТ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕДУРЫ**

Тезис о значении философской критики для развития научного знания представляется несомненным и не нуждающимся в дополнительном подтверждении. Речь может, скорее, идти о том, какого рода философская критика и на основе каких философских предпосылок является действительно стимулирующей движение, рост и совершенствование научного знания. Уклоняясь от дальнейшей конкретизации этого, вообще говоря, очевидного положения, мы переведем разговор в плоскость реализации прескриптивного смысла, заложенного в нем, а именно: попытаемся рассмотреть в логическом плане особенности критического исследования теоретических систем, его предмет и методологические процедуры. При этом мы хотим оговориться, что, приступая к анализу особенностей научной критики, мы прежде всего имеем в виду внутринаучную критику, то есть предикат научности, который мы приписываем понятию «критика», означает предметную соотнесенность объекта анализа. В то же время мы надеемся, что элементы специфической нормативности, присущие научной критике в отличие, допустим, от литературной или политической, обязательно обнаружатся в анализе и оправдают использование понятия научности, подразумевающего также определенную каноничность.

Уточнение предметной области научной критики неявно предполагает ссылку на определенное понимание научного знания. Примем рабочее определение науки как деятельности по решению проблем, результатом которой является знание, обладающее признаками всеобщности и необходимости. Не вступая в полемику относительно полноты и безупречности этого определения¹, отметим, что, опираясь на него, мы с точки зрения методологии критики получаем три основных направления критического исследования

¹ Анализ гносеологических определений научного знания представлен в соответствующей литературе по теории науки (См.: Лойфман И. Я. Практическая обусловленность гносеологических определений науки // Ленинская теория отражения. Свердловск, 1979. Вып. 9. С. 99—106; Ильин В. В., Калинин А. Т. Природа науки: Гносеологический анализ. М., 1985; Кезин А. В. Научность: Эталоны, идеалы, критерии. М., 1985; и др.).

теоретических систем и тем самым очерчиваем предметную сферу научной критики:

- 1) критика проблем;
- 2) критика способов решения проблем;
- 3) критика результатов решения проблем в форме наличного знания (теории, концепции, доктрины и т. п.).

Одним из ярких примеров критики проблем в истории философии и науки является критика средневековой схоластики. Довольно тонкие и эзотерические в логическом отношении споры схоластов оценивались представителями нарождавшейся опытной науки как бессмысленные и ненужные.

Другим характерным примером критики проблем в истории философии и науки является движение позитивизма. С момента появления позитивизма его сторонники заявили, что вся предшествующая философия занималась псевдопроблемами. Для различения проблем и псевдопроблем неопозитивистами был предложен критерий верификации. Если термины, в которых формулируется проблема, имеют эмпирическое содержание, то есть могут быть сведены к чувственным данным наблюдения, то проблема является научно осмысленной. В противном случае проблема является ненаучной и бессмысленной и не может быть успешно решена научными средствами.

Существуют и другие критерии различения проблем и псевдопроблем, такие, как актуальность темы, связь с реальными практическими задачами, соответствие потребностям и интересам определенных классов и социальных групп и т. п. Например, авторы сборника под редакцией Т. Парсонса — «Американская социология»² в разгар бурных выступлений против войны во Вьетнаме, острых межнациональных столкновений и широких социальных и антирасистских движений молчанием обошли эти животрепещущие проблемы американского общества, на что справедливо указали в своей критике американский социолог Э. Гоулднер и автор вступительной статьи к русскому переводу сборника Г. Осипов³.

Критерии различения проблем и псевдопроблем зависят также от совокупности онтологических и гносеологических предпосылок, лежащих в основе научного исследования. Например, представители конструктивного направления в математике отвергают проблемы, предпосылки которых заключают в себе идею актуальной бесконечности или допускают использование закона исключенного третьего, хотя с точки зрения классической математики проблемы такого рода являются вполне правомерными. «Стало быть, говоря о правомерности или неправомерности проблемы, мы сталкиваемся с необходимостью соотносить ее с определенной эпистемической

² См.: Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. М., 1972.

³ См.: Там же. С. 13—14.

системой и уточнять, в какой системе решается вопрос о ее правомерности»⁴.

Таким образом, на теоретическом уровне не существует универсального критерия для различения проблем и их оценки, и лишь общественно-историческая практика как конечный, а потому и безусловный арбитр устанавливает действительную значимость научных и философских проблем. Тем не менее в реальной критической деятельности необходимо пользоваться определенным критерием значимости проблем, и такой критерий, на наш взгляд, может быть выбран лишь в зависимости от характера теоретической ситуации. Было бы неразумно, например, в таких научных дисциплинах, как математика и логика, при оценке проблем ссылаться на аргументы идеологического характера. В то же время использование подобных аргументов при оценке проблем в сферах научного исследования, непосредственно связанных с интересами классов и социальных групп, допустим, в политэкономии или истории, является вполне оправданным.

Задача обоснования рациональных критериев для оценки проблем и классификации научных дисциплин под углом зрения их релевантности применительно к тем или иным критериям требует специального исследования. Здесь мы хотели бы высказать лишь одно замечание, имеющее отношение к нашей теме. Характер проблем в науке, как было выше отмечено, в значительной степени определяется системой концептуальных представлений онтологического и гносеологического характера, лежащих в их основе. Поэтому оценка проблем без соответствующего критического анализа концептуальных оснований является, по существу, неправомерной, если осуществляется представителями альтернативных научных направлений, придерживающимися различных научных убеждений. В подобных случаях предметом оценки должны быть не проблемы, а концептуальные основания, их порождающие. Например, отвержение проблем, стоявших перед логичистами в связи с разрешением известного парадокса Рассела в теории множеств, обосновывалось сторонниками интуиционизма в математике критикой неограниченного использования закона исключенного третьего в операциях над бесконечными множествами, и без ссылки на расхождения в концептуальных основаниях подобное отвержение было бы просто непонятным. Это показывает, что применение концептуальных критериев для оценки проблем правомерно лишь в рамках определенной парадигмы или научного сообщества, все члены которого придерживаются одинаковых убеждений относительно природы мира и методов его исследования. За пределами такого единомыслия, когда сталкиваются позиции представителей альтернативных научных воззрений, критика проблем должна быть заменена критикой концептуальных оснований.

⁴ Берков В. Ф. Научная проблема. Минск, 1979. С. 96.

Второе направление критического исследования — критика способов решения проблем — связано с анализом универсальной схемы «цель—средство—результат». С логической точки зрения этот процесс в упрощенной форме можно представить в следующем виде. Допустим, целью является решение проблемы P . Обозначим эту цель символом A . Допустим также существование некоторого конечного множества методов решения проблем типа P и обозначим его символами $M = (m_1, m_2, \dots, m_n)$. В таком случае решение проблемы P представляет собой последовательное применение к P всех элементов множества M , то есть $P/m_1, P/m_2$ и т. д. Если в одном из этих применений мы получим A , то есть $P/m_i = A$, то процесс решения проблемы будет закончен.

Однако совокупность методов решения проблем не является чем-то произвольным или заново создаваемым в каждом отдельном случае. В реальной научной и философской практике действуют определенные стандартизированные концептуальные схемы или, если воспользоваться термином Т. Куна, парадигмы как «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений научному сообществу»⁵. Следовательно, критическое исследование способов решения проблем есть прежде всего исследование и оценка парадигм. Особую важность при этом имеет анализ скрытых допущений о природе мира и возможностях человеческого познания, имеющих философский характер и выступающих фундаментальным обоснованием парадигм.

Исследование парадигм в процессе критики способов решения проблем имеет дополнительное важное значение в связи с тем, что критерием правильности решения проблем иногда выступает именно следование общепризнанной парадигме. В то же время совершенно ясно, что подлинным критерием может быть лишь истинное знание, полученное в процессе решения проблем. А поскольку действительным критерием истины является практика, то конечным основанием оценки способов решения проблем должна выступать не та или иная парадигма, а практика. «В практике должен доказать человек истинность, т. е. действительность и мощь, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто *схоластический* вопрос»⁶.

Таким образом, в марксистской философии основанием оценки адекватности используемых методов для решения проблем в конечном счете выступает практика. Это, конечно, не говорит о том, что для сугубо теоретических областей, максимально удаленных от практики, таких, как некоторые разделы математики, философии и т. д., не существует специфических критериев рациональности решения проблем. Такие критерии существуют и применяются

⁵ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С. 11.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 1.

в реальной теоретической деятельности ученых и философов. В нашу задачу не входит подробное описание этих канонов решения проблем для различных теоретических областей. Но мы обязаны отметить следующее обстоятельство, основанное на законах логики и имеющее важное значение для методологии критики: оценка способов решения проблем, независимо от того, позитивный или негативный характер она имеет, не может быть безусловным доказательством истинности или ложности самого решения проблемы, то есть результата в виде теории, доктрины или концепции. Негативная оценка методов решения проблемы дает право лишь усомниться в истинности теории как результата решения проблемы, а позитивная — лишь подтвердить, но не доказать безусловно правильность теории.

Рассмотрим третье направление критического исследования — критику результатов решения проблем в форме наличного знания (теории, концепции, доктрины и т. п.). В качестве единицы анализа примем понятие «концепция», под которой будем понимать совокупность высказываний, связанных логическими отношениями.

Согласно традиции, идущей от Аристотеля, формально-логический анализ знания должен основываться на выделении трех компонентов:

- 1) тезиса, то есть основного положения;
- 2) аргументов, то есть исходных посылок;
- 3) демонстрации, то есть правил логического вывода.

Аристотелем в «Первой аналитике» и «Второй аналитике» подробно описаны с позиций силлогистики эти компоненты знания⁷. В небольшом трактате «О софистических опровержениях» тщательно рассмотрены основные ошибки, встречающиеся в процессе доказательства и опровержения, также с позиций силлогистики⁸.

Эти результаты аккуратно воспроизводились в течение двух с половиной тысячелетий комментаторами Аристотеля вплоть до наших дней⁹. Мы не будем повторять этот труд и ограничимся ссылками на соответствующую литературу¹⁰. В нашу задачу также не входит попытка подвергнуть сомнению ценность учения Аристотеля о доказательстве и опровержении. Напротив, мы считаем, что это учение, как и формальная логика в целом, имеет классическую ясность и определенность и сохраняет свою научную значимость независимо от дальнейшего развития методологии критики.

Тем не менее мы обязаны указать границы и пределы применения формально-логического анализа для критики научных и философских концепций:

⁷ См.: Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1975. Т. I. С. 117—346.

⁸ См.: Там же. Т. I. С. 533—593.

⁹ Работа В. Ф. Асмуса «Учение логики о доказательстве и опровержении» (М., 1954) представляет, по существу, буквальное изложение текстов Аристотеля.

¹⁰ См.: Ахманов А. С. Логическое учение Аристотеля. М., 1960. С. 275—315; Горский Д. П. Логика. М., 1963. С. 217—247; Логика. Минск, 1974. С. 265—297; Формальная логика. Л., 1977. С. 156—173.

1. Не всякая научная и философская концепция (в дальнейшем просто концепция) поддается строгому разделению на тезисы и аргументы. Скорее, концепция представляет собой нечто целое, неделимое, в котором каждое утверждение может быть и тезисом, и аргументом. Учитывая то обстоятельство, что в соответствии с законами силлогистики концепция может быть признана окончательно опровергнутой или безусловно доказанной лишь при дедуктивном обосновании истинности тезисов, а опровержение аргументов или демонстрации не является доказательством ложности тезисов, мы приходим к невозможности эффективного использования формально-логических методов в критическом исследовании в силу затрудненности выделения внутри концепции тезисов и аргументов.

2. Не всякая концепция в логическом отношении представляет собой совокупность силлогизмов. Разумеется, можно осуществить перекомбинацию утверждений концепции, чтобы в итоге иметь дело исключительно с силлогизмами. Однако, нарушив оригинальные логические связи, мы получим иную концепцию и критика, следовательно, станет некорректной.

3. Не всякая концепция содержит в себе всю аргументацию в наличном виде. Многие допущения онтологического, гносеологического и методологического характера не присутствуют даже в неявном виде в критикуемой концепции, а находятся в области контекста, выражаемого понятиями «парадигма», «дух времени» (*Zeitgeist*), «культурный фон» и т. п.

Таким образом, формально-логическая модель критического анализа, представляющая собой форму силлогизма, в котором большая и меньшая посылки выступают аргументами, заключение — тезисом, а умозаключение — демонстрацией, в силу своей строгой идеальности имеет ограниченные возможности применения в критическом исследовании. В реальной теоретической деятельности ученых и философов функционируют иные методы и модели критического исследования и оценки, описание которых мы пытаемся осуществить.

На наш взгляд, существуют четыре основные методологические процедуры критического исследования. В негативной критике это процедуры опровержения и отвержения, в позитивной — согласования и принятия. Поскольку данные термины употребляются в разных значениях, мы постараемся пояснить, что имеется в виду.

Процедура опровержения означает установление противоречий внутри исследуемой концептуальной системы. Такую критику называют иногда внутренней или имманентной. Обычно противоречия выявляются между основными и частными положениями, между провозглашаемыми принципами научности и реальным отношением к ним и т. п. Критик, осуществляющий процедуру опровержения, выявляет и демонстрирует противоречивость исследуемой концепции и на этом основании объявляет ее несостоятельной. Неявным основанием для негативной критики служит положение

ние *Omne verum omni vero consonat* (все истины согласовываются друг с другом. — *Лат.*), то есть теоретическое требование формальной непротиворечивости, поскольку из противоречия следует все что угодно. Противоречивая концепция является не просто бесполезной и неспособной дать рекомендации для управления нашей деятельностью, но и опасной, так как сеет заблуждения и обманчивые иллюзии.

Основоположники марксизма-ленинизма часто использовали метод опровергающей критики для разоблачения своих политических и идеологических противников. Так, критикуя прусскую инструкцию о цензуре, К. Маркс вскрывает в ней противоречие, заключавшееся в следующем: инструкция запрещала подозревать отдельных лиц в крамольных мыслях и тут же разрешала цензорам разделять всех граждан на «неподозрительных» и «подозрительных». Ясно, что одно с другим не увязывалось. Критический анализ этой инструкции о цензуре К. Маркс заканчивает следующими словами: «Так, в результате была отброшена всякая видимость определения и инструкция не могла кончить ничем другим, как *полным противоречием самой себе*»¹¹.

Отвержение как методологическая процедура критического исследования менее разработана в отличие от опровержения, но в реальной критической практике применяется наиболее широко. Отвержение отличается от опровержения тем, что основанием оценки выступают не положения критикуемой концепции, а положения, которых придерживается критик. Отвергающую критику называют также внешней или трансцендентной. Суть отвержения заключается в том, что между утверждениями критикующей и критикуемой концепции проводится сравнительный анализ и при выявлении существенных различий критикуемая концепция объявляется ложной и неправильной. При этом подразумевается, что положения критикующей концепции являются истинными и правильными, а поскольку истина одна и ценности неравнозначны, то все, что ей противоречит, является ложным и неправильным.

В рациональном смысле отвергающая критика менее убедительна, нежели опровергающая, поскольку критерием истинности и правильности выступают положения критикующей концепции. К тому же стремление превратить собственные предпосылки в основание для оценки других концепций чревато появлением догматической установки.

Однако в критике, где на первый план выдвигаются идеологические принципы, метод отвержения является единственным, а потому и оправданным, поскольку логические методы опровержения бессильны в сфере ценностей и идеалов. Идеалы не доказываются и не опровергаются с помощью голых логических доводов, а выбираются под часто неосознаваемым давлением идеологических предпочтений, обусловленных социальным положением индивидов.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 25.

либо в результате сознательного определения нравственно-политической позиции. «Ценностная ориентация субъекта носит идеологический характер, она формируется под влиянием политического, нравственного, философского, художественного и других видов общественного сознания»¹².

Помимо процедуры прямого отвержения, являющейся не всегда эффективной, существует более гибкая процедура косвенного отвержения. Проводится она следующим образом. Из основных посылок критикуемой концепции выводятся следствия и затем устанавливается неприемлемость или абсурдность их с точки зрения критикующей концепции. Например, субъективный идеализм Беркли при последовательном проведении принятых предпосылок неопровержим логическими методами. Неэффективна и процедура прямого отвержения, поскольку основная посылка *Esse est percipi* при полном несовпадении с материалистической позицией тем не менее не кажется лишней смыслом. В этом случае приносит успех лишь процедура косвенного отвержения. Из основных посылок выводятся такие следствия, как «Природа не существовала до человека», «Изменения внешнего мира есть результат изменения моего сознания», и на основе их очевидной неприемлемости отвергается их основная посылка¹³. Логическое обоснование такового отвержения зиждется на логическом законе: из истинного утверждения не могут следовать ложные следствия.

Критические методы согласования и принятия относятся к позитивной критике. Согласованию и принятию как методам критического анализа совершенно не уделяется внимание в методологических исследованиях, впрочем, как и вообще позитивной критике. Происходит это, видимо, по причине кажущейся неproblemатичности данных процедур. Отчасти это мнение верно. Тем не менее, чтобы быть последовательными, мы постараемся описать эти методы так, как они нам представляются.

Необходимость в критическом методе согласования появляется в редких случаях. Это прежде всего периоды «ненормальной науки», когда происходит ломка старой парадигмы, а новая только появляется и еще в чем-то противоречива. Далее, наследие крупных мыслителей, как правило, не является однородным, а сами авторы не всегда успевают решить задачу согласования и приведения в систему собственных взглядов. В этих, а также аналогичных случаях комментаторы и последователи осуществляют критическую процедуру согласования. Каким образом это происходит? Выявляются основные положения исследуемой концепции, устраняются или блокируются с помощью гипотез *ad hoc* и переинтер-

¹² Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981. С. 246.

¹³ Аналогичным образом В. И. Ленин разоблачает субъективно-идеалистический характер философии Маха и Авенариуса (См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 71—96).

претации неприемлемые утверждения, и затем на основе согласования принципиальных утверждений выстраивается целостная и стройная концепция. Любая доктрина, сформулированная подобным образом, становится внутренне неопровержимой и неуязвимой для стрел имманентной критики.

В отличие от метода согласования метод принятия, как и отвержения, используется гораздо шире. Принятие фактически происходит при смене различных парадигм, когда в значительной мере сохраняется эмпирический базис науки. При смене философских концепций также происходит трансляция ценностей и принятие новой концепцией принципов, бывших достоянием прежних учений.

Но принятие происходит не только в процессе диахронической трансляции знаний, но и в процессе синхронического взаимодействия различных концептуальных систем. Не является исключением в этом отношении и марксистско-ленинская философия, что соответствует диалектическим принципам, лежащим в ее основе. Хорошим примером процедуры принятия в марксистской философии является критический анализ метода альтернатив, осуществленный Д. В. Пивоваровым¹⁴. Общая идея этого метода была выдвинута К. Поппером и более конкретно развита П. Фейерабендом. Суть его заключается в том, что в процессе решения проблем для каждой гипотезы необходимо формулировать альтернативные предположения и в ходе критики взаимоисключающих или существенно отличающихся друг от друга альтернатив более всесторонне и отчетливее прояснять их ошибки для последующего устранения. Как отмечает Д. В. Пивоваров, «метод альтернатив (если его истолковать с позиций научной материалистической философии) является одним из конкретных проявлений в научной деятельности всеобщего диалектического метода мышления. Как и в случае диалектического подхода, здесь мы имеем дело с сознательным столкновением друг с другом противоположностей (альтернатив), с их «борьбой», с их взаимоотрицанием и взаимополаганием, что формирует субъективный источник поступательного развития науки»¹⁵. Таким образом, метод альтернатив вполне соответствует диалектическому характеру марксистско-ленинской философии и задача заключается в том, чтобы определить его место в гносеологии диалектического материализма. «Очертить границы применимости метода альтернатив — значит предотвратить искажение его сути и его перерождение в очередной метафизической постулат, а тем самым поставить задачу описания его как одного из плодотворных познавательных приемов наряду с другими»¹⁶.

При преследовании одной из целей критического исследования,

¹⁴ См.: Пивоваров Д. В. Метод альтернатив в современной «философии науки» и его границы // Филос. науки. 1979. № 6 С. 106—113.

¹⁵ Там же. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 107.

а именно сохранении философской или научной концепции посредством позитивной критики, также широко используется процедура принятия. Как правило, философские концепции стремятся найти обоснование в естествознании посредством принятия новейших открытий как доказательств истинности своих утверждений. Подобная практика весьма характерна для логико-методологических исследований, ориентированных на науку, и особенно в области философских проблем естествознания.

В свою очередь естествознание и гуманитарные науки, хотя и с меньшей активностью, осуществляют процедуры принятия положений из философских концепций. Эмпирическая социология задолго до появления «Венского кружка» неопозитивистов использовала критерий верификации как единственно научный. Тем не менее философская аргументация, выдвинутая М. Шликом, Р. Карнапом, Ф. Франком и другими, была с энтузиазмом подхвачена представителями эмпирической социологии для обоснования собственных теоретических позиций.

Вообще говоря, можно выдвинуть как гипотезу утверждение, что существование и развитие философских и научных концепций благополучно длится до тех пор, пока они в состоянии осуществлять безболезненно и непротиворечиво критические процедуры принятия. Как только философская или любая теоретическая система обнаруживает неспособность интегрировать в себя и эффективно использовать научные достижения, так сразу начинается период ее кризиса. Это верно даже по отношению к теологии. С появлением научных открытий, вступивших в противоречие с ее положениями, начался кризис, блокировать который не удавалось даже с помощью теории «двойственной истины».

Основная трудность в использовании критических методов принятия и отвержения заключается в преодолении тезиса Куна-Фейерабенда о несоизмеримости (*incommensurability*) теорий. Данный тезис гласит:

1) эмпирические основания или, иначе, предметная область теории описываются на языке самой теории;

2) конкурирующие теории имеют совершенно различные, несравнимые языки¹⁷.

Отсюда следует: а) конкурирующие теории имеют несоизмеримую логику; б) конкурирующие теории имеют несравнимую семантику.

Заключение: нельзя проводить критические процедуры принятия или отвержения по отношению к несоизмеримым концепциям, так как по отношению к ним не существует общего метаязыка и, следовательно, общей логики и семантики как меры сравнения, то есть семантика и логика отвергающей или принимающей концепции, так же как и логика и семантика отвергаемых или принима-

¹⁷ См.: Чудинов Э. М. Природа научной истины. М., 1977. С. 112.

емых теорий, не могут быть основанием оценки, поскольку радикально отличаются друг от друга.

Следует заметить, однако, что сами авторы тезиса о несоизмеримости теорий утверждали, что данное обстоятельство не ведет к устранению оснований для критики. Т. Кун писал, что «несоизмеримость не означает несравнимости теорий», а П. Фейерабенд прямо заявлял, что «использование несоизмеримых теорий для целей критики возможно»¹⁸. Но признание возможности критики не устраняет необходимости теоретического обоснования ее, что и было сделано противниками концепции о несоизмеримости языковых систем и научных теорий¹⁹.

В работах Г. А. Брутяна и В. А. Смирнова было показано, что радикальных отличий между языками не существует и мы вполне можем сравнивать концепции, сформулированные на языках различной структуры. Так, Г. А. Брутян получил результаты, согласно которым между различными языками, в частности, между английским и японским, несмотря на специфические отличия, существует концептуальное тождество, которое обеспечивает возможность диалога, сравнения, в том числе и критического²⁰. Таким образом, утверждение о несоизмеримости языков является чрезмерно преувеличенным и не представляет собой непреодолимого барьера в процессе критического взаимодействия различных концептуальных систем²¹.

Тезис о несоизмеримости логических систем также был опровергнут. Погружение структурной онтологии Ст. Лесневского во второпорядковые, одноместные исчисления предикатов, выполненное В. А. Смирновым, доказало, что логические исчисления, основанные на различных системах семантических категорий, погружаемы, вложимы в друг друга, следовательно, имеют идентичное логическое содержание, а потому и сравнимы²².

В то же время следует помнить, что доказательство наличия синтаксического и семантического тождества в различных концептуальных системах не устраняет их действительного различия, иногда весьма существенного. Поэтому критик, проводящий опера-

¹⁸ Фейерабенд П. Ответ на критику // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 433.

¹⁹ В недавней полемике с Л. Лауданом по проблеме рациональности П. Фейерабенд еще раз подчеркнул, что теории «сравнимы, даже «объективно» сравнимы, но это более сложная и деликатная процедура, чем предполагают рационалисты (См.: *Feyerabend P. More clothes from the emperor's bargain basement* // Brit. J. for the philosophy of science. 1981. Vol. 32. N 1. P. 63). Однако признание сравнимости теорий, даже со ссылками на сложность этой процедуры, в принципе устраняет пафос тезиса о несоизмеримости.

²⁰ См.: Брутян Г. А. Трансформационная логика. Ереван, 1983. С. 49—51.

²¹ Аналогичные результаты были получены К. Поппером и Л. Лауданом (См.: Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. С. 558 — 592; *Laudan L. Two Dogmas of Methodology* // *Philosophy of Science*. 1976. Vol. 43. N 4. P. 593—596).

²² Смирнов В. А. О логических отношениях между теориями // Идеалы и нормы научного исследования. Минск, 1981. С. 341—360.

цию отвержения или принятия, должен предварительно доказать наличие тождества, на основе которого осуществляется критика.

Основные направления и методы критического исследования, описанные нами, отражают «стратегическую» направленность критической позиции исследователя. Более конкретный анализ критических процедур в каждом из этих направлений требует дальнейших логико-методологических исследований.

Л. М. ВОЛЫНСКАЯ
Таджикский университет

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ФОРМА САМОКРИТИКИ

Вопрос о полноте осуществления марксистско-ленинской философией ее критической функции по отношению к наличному масшу научного знания и по отношению к самой себе есть, по сути дела, вопрос о полноте философской рефлексии, о ее границах и возможностях. Этот вопрос стал чрезвычайно актуальным в последние годы в связи с наметившейся потребностью критического осмысления и перестройки накопленного опыта научной исследовательности, подходом к новым парадигмальным построениям.

В современной научной литературе уже имеются достаточно убедительные представления о причинах, вызвавших значительное повышение интереса к проблемам научной и философской рефлексии. Оно базируется на «общем возрастании роли методологической проблематики как в философии; так и в специальных науках, все более расширяющемся анализе с позиции марксистской философии роли сознания в общественной жизни, разработке в ряде наук специализированных форм рефлексии (метатеоретических исследований и т. п.) и вспомогательных методических дисциплин (метрологии, хронографии и др.)»¹.

Вместе с тем исследование рефлексивно-критической функции философии натолкнулось на наличие парадоксов, что, как известно, является признаком того, что «новые данные вступают в противоречие с принципами, ранее казавшимися надежно проверенными»², и, следовательно, необходимо либо разумное ограничение и переформулировка этих принципов, либо пересмотр интерпретации противоречащих им данных. Рассмотрим, в каком пункте рефлексивно-критического изучения научного знания возникают специфические парадоксы рефлексии.

Из существующих определений рефлексии мы используем то, где под рефлексией понимается обращение знания на самое себя, свои собственные основания, послылки, методологические процедуры. В этом смысле рефлексия выступает не знанием о действительности, но знанием «второго порядка» — знанием о знании,

¹ Проблемы рефлексии в научном познании. Куйбышев, 1983. С. 3.

² Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 478.

проясняющим для познающего механизмы его собственной мыследеятельности. Такое знание неизбежно выступает как «критико-рефлексивная установка по отношению к тому наличному концептуально-семантическому материалу, из которого строится тело... науки и философии»³.

В настоящее время существуют по меньшей мере три различные концепции рефлексии. Одна из них рассматривает рефлексию как способ рационального самопознания науки, реализующийся на ее верхних (теоретико-методологических) этажах и имеющий целью приведение неявных компонентов знания в явную форму⁴. Другая считает неправомерной сведение рефлексии только к самопознанию и, значит, к оперированию исключительно с теоретическими объектами познавательной деятельности, так как самосознание науки шире самопознания и включает в себя оценочные, императивные и эмоциональные аспекты⁵. Третья выводит рефлексию за рамки как науки, так и философии, и отводит ей специфическую область метаметодологических мыследеятельностей, организующих методологическое мышление как относительно самостоятельную область знания со своими концептуально-понятийными системами координат⁶.

Не вдаваясь в детальное обсуждение различий в подходах к рефлексии и ее функциям, отметим лишь общее, характеризующее все три концепции: рефлексивная мыследеятельность предполагает, что ее субъект занимает позицию, позволяющую рассматривать знание, подвергающееся критико-рефлексивному анализу, как свой объект, то есть позицию **вне** этого знания. Но, с другой стороны, всякое знание знает нечто о себе самом, поэтому тот же рефлексирующий субъект оказывается **внутри** некоторой, имевшей место ранее, рефлексии, то есть пользуется в качестве собственной рефлексивной деятельности результатами предшествующей рефлексии. Процедура рефлексии и отражает диалектическую «игру» внутренней и внешней позиции субъекта, разыгрывающуюся при переводе его из одной позиции в другую.

В этом пункте и складываются специфические парадоксы рефлексивно-критической установки, получившие название «парадокса Мидаса» и «парадокса двойной рефлексии».

Парадокс Мидаса был впервые обнаружен и описан М. А. Ро-

³ Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном анализе науки // Вопр. философии. 1985. № 6. С. 46.

⁴ См.: Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. М., 1980. С. 266.

⁵ См.: Огурцов А. П. Рефлексия // Филос. энциклопедия. М., 1967. Т. 4. С. 499. См. также: Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание. Ростов-н/Д., 1983. С. 9, 231 и след.

⁶ См.: Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи развития проектировочной деятельности. Прил. 8: Рефлексия и ее проблемы // Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектирование (теория и методология). М., 1975. С. 131—143; Он же: Системное движение: его смысл и возможные результаты // Системно-кибернетические аспекты познания. Рига, 1985. С. 170—183.

зовым и сейчас стал предметом оживленного обсуждения. Суть его заключается в следующем.

Наука, как показал М. А. Розов, сама представляет собою систему с рефлексией, осуществляющейся методологом (или ученым, поскольку тот выступает в функции методолога), то есть представителем определенной специальной мыследеятельности. Его методологическая рефлексия протекает внутри данной специальной области знания и осуществляется в нормах и стандартах, характерных для этой области. Так, методолог, исследующий определенную физическую теорию, должен сохранять в своей рефлексии определенные параметры самого физического знания, в частности, его определения как истинного или ложного. Однако, находясь в этой позиции, методолог не может осуществить полного критицизма: он в своей мыследеятельности как бы спаян с той мыследеятельностью, которую он исследует. «Продукты его изучения, знания, которые от строит, неожиданно оказываются необходимыми элементами, необходимыми составными частями изучаемых им процессов. Перед нами не что иное, как парадокс Мидаса»⁷.

Парадокс этот состоит в том, что наша рефлексия над предметом изучения — если этот предмет есть знание — сама является элементом изучаемого объекта. Рефлексируя таким образом, носитель рефлексии оказывается не в состоянии выйти за пределы той области, рефлексия над которой он осуществляет. Подобно тому, как легендарный Мидас все, к чему он прикасался, превращал в золото — материал ценный, но несъедобный для него самого, так и субъект рефлексии превращает продукты своей мыследеятельности в составную часть того предмета, критико-рефлексивную установку по отношению к которому он должен реализовать. В силу этого он расширяет каждым актом своей рефлексии область, конституирующие моменты которой он только еще должен выявить. Каждый акт его рефлексии, таким образом, увеличивает область «несъедобного» для целей его рефлексии, отдаляет от этих целей, вместо того чтобы приближать к ним.

Для того, чтобы осуществить целевую установку рефлексии — построение или фиксацию нормативов и стандартов, которые обеспечивают специально-научную мыследеятельность, — методолог должен встать в позицию, которую М. А. Розов назвал «надрефлексивной», то есть такую позицию, в которой продукты деятельности его не включались бы в функционирование исследуемой области. Он решает эту задачу, переходя от методологической к метаметодологической рефлексии, то есть повышающей уровень рефлексии. Здесь возникает ситуация, аналогичная той, с которой сталкивается исследователь, например, живого разговорного языка. Подвергая его языковедческой обработке, формулируя его правила и т. д., исследователь, если он при этом обращается непо-

⁷ Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977. С. 103—104.

средственно к носителям языка, меняет их речевую деятельность и вновь оказывается перед чем-то неизученным.

Предлагая физику или биологу новые, сформулированные им методологические знания, он изменяет мыследеятельность этих предметников и становится перед необходимостью исследования этой новой мыследеятельности, ассимилировавшей в себе результаты его прежней работы и тем самым возвратившей им статус неотрефлексированных. Метаметодологическая позиция может состоять в том, что результаты деятельности метаметодолога направляются на самое себя и не сообщаются предметникам, чтобы не стать ими ассимилированными: результаты исследования языка не сообщаются его носителям и, значит, не возмущают речевой деятельности последнего; методологические исследования в области естественных или технических наук обращаются к узкой аудитории историков науки или к сообществу методологов, не коммуницируя с сообществом предметников. На этом пути, возможно, достигается целевая установка метаметодологии: реализация рефлексии над собственно методологической деятельностью, перевод в явную форму ее стандартов, норм и процедур как особого, специального вида мыследеятельности⁸.

Парадокс Мидаса тогда, собственно, не возникает, но вместе с тем разрывается связь методологической и собственно предметной деятельности, и метаметодология превращается в конструирование «машин для выработки методологических процедур», как это предлагает Г. П. Щедровицкий. Иными словами, она превращается в самозамкнутую деятельность, направленную для обслуживания самой себя и имеющую лишь отдаленные и чрезвычайно косвенные выходы в реальную практику социальной деятельности. Неудивительно, что принципы метаметодологии, выделенные Г. П. Щедровицким, оказываются равно приложимыми к самым различным специальным областям — от восточных языков и их семиотики до разработки автоматических систем проектирования.

Однако обращенная на самое себя и превращенная в самостоятельную дисциплину методология сама (как и любая специальная научная организованность) нуждается в методологической рефлексии, то есть в некоторой метаметодологии, исследующей стандарты и нормативы методологической деятельности. Такую область, где может реализоваться рефлексия над методологией, Г. П. Щедровицкий находит в системном подходе, ставя себя тем самым перед вторым парадоксом критико-рефлексивной деятельности: парадоксом двойной рефлексии⁹.

Парадокс двойной рефлексии, как показал Б. С. Митрофанов,

⁸ Такая целевая установка провозглашена создателем концепции, однако реализация ее, по нашему мнению, недостаточно убедительна.

⁹ См.: Митрофанов Б. С. Взаимодействие философской и предметно-научной рефлексии в исследовании науки // Методологические проблемы науки. Новосибирск, 1981. Вып. 7.

возникает всегда, когда исследователь создает некоторую специальную, замкнутую на себя онтологию, в которую помещает науку, отделенную от него, как предмет его методологического исследования, то есть последовательно занимает позицию внешней рефлексии по отношению к науке. Тем самым он действительно избавляется от парадокса Мидаса. Но парадокс двойной рефлексии возникает всякий раз, когда исследователь начинает квалифицировать продукт предметно-научной рефлексии в качестве истинного или ложного, то есть оказывается занятым собственно критической работой.

В отличие от парадокса Мидаса, под действием которого методолог-исследователь превращается в ученого-предметника, развивающего не свою (методологическую) мыследеятельность, а мыследеятельность этого предметника, действие парадокса двойной рефлексии проявляется в том, что методолог превращает ученого-предметника в своего коллегу-методолога, неадекватно приписывая ему несвойственные функции внутринаучной рефлексии. В первом случае научная рефлексия ассимилирует методологическую, во втором — методологическая рефлексия ассимилирует предметно-научную; в обоих случаях оказывается недостижимой полнота реализации критико-рефлексивной установки.

Избежать парадокса двойной рефлексии, как и парадокса Мидаса, можно лишь постоянно занимая позицию, внешнюю по отношению к рефлексивному компоненту изучаемой и критически рассматриваемой области знания.

Парадокс двойной рефлексии — до сих пор камень преткновения для исследователей, желающих уклониться от парадокса Мидаса. Затруднение и состоит в том, что рефлексия над наукой как системой с рефлексией оказывается возможной лишь с позиции более общей системы знаний, чем та, которая подвергается рефлексии. В этом случае «надрефлексивная» позиция постоянно оказывается внутрирефлексивной. Реализуя критико-рефлексивную функцию по отношению к объект-знанию, эта позиция, в соответствии с парадоксом Мидаса, оказывается лишенной полноты критицизма по отношению к самой себе, к нормативам и организованным собственной рефлексивной деятельности, и такое «убегание» от парадокса Мидаса постоянно восстанавливает его на более высоком уровне, что ведет к регрессу рефлексии в бесконечность.

Другое следствие парадоксов рефлексии касается наиболее высокого, философского уровня критико-рефлексивной деятельности. В соответствии с парадоксом Мидаса, философская рефлексия, осуществляясь как критика нижележащих уровней познания, не может выполнить критической функции по отношению к самой себе, то есть остается несамокритичной относительно своих собственных посылок и мыслительных процедур. В этой связи раздавались голоса за построение некоторой метафилософии, что, однако, никак не может служить решением проблемы, а лишь отодвигает

ее решение на следующий «виток»: ведь тогда, в конце концов, придется ставить вопрос и о метаметафилософии и т. д.

Между тем сама природа философии как знания о наиболее общих законах познавательной деятельности исключает метафилософские конструкции: по отношению к философии не существует более общей познавательной системы, равно как невозможен метаязык, по отношению к которому язык философии выступил бы объект-языком.

В рамках этой логики возможны лишь два решения: либо последовательно-сциентистская концепция философии, отрицающая ее всеобщность и низводящая ее в ранг специальной науки по исследованию языковой реальности, то есть одной из многих однопорядковых наук (что, в принципе, делает мыслимым метаметодологическое конструирование), либо признание принципиальной неполноты философского критицизма, не распространяющегося на самое себя.

Нет нужды специально доказывать неприемлемость обоих этих следствий из парадоксов рефлексии. Естественно, что коль скоро не удастся доказать мнимость парадокса Мидаса, возникает стремление снять неотвратимость следствий из парадоксов рефлексии. Однако пока попытки избежать следствий из парадоксов рефлексии, не отвергая их самих, не привели к убедительным результатам.

Был предложен ряд путей, на которых, по мнению авторов, открываются возможности избежать регресса в бесконечность или, по крайней мере, как-то «примирить» его со всеобщностью философской рефлексии, продемонстрировав тем самым полноту критической функции философии. Один из таких путей заключается в объединении проблемы рефлексии с проблемой понимания и даже подчинения первой проблематики этой последней. На этом пути решение проблемы рефлексии выступает в виде специфической диалектики рефлексивного и нерефлексивного в познании, явных и неявных компонентов знания. Каждый новый акт рефлексии расширяет область явного знания, но всегда при этом остается некоторый остаток неявного, неотрефлексированного знания, выявленный в последующих актах рефлексии¹⁰. Бесспорно, на этом пути исследователи добиваются достаточно значимых результатов. В частности, к таким результатам может быть отнесено усмотрение самого наличия диалектики рефлекслируемого и нерефлекслируемого знания, различие в этой связи субъективной (лично-индивидуальной) и объективной рефлексии (изучение объективированных форм рефлексии в виде категориально-процедурного аппарата), различие предметно-научной и методологической рефлексии и др. Но вместе с тем сосредоточение внимания на диалектике

¹⁰ Эта установка является руководящей в работах: *Лекторский В. А. Субъект, объект, познание*. М., 1980; *Диалектика рефлексивной деятельности и научное познание*. Ростов-н/Д., 1983; и др.

явного и неявного лишь вербально отодвигает в сторону затруднения, связанные с наличием парадоксов рефлексии, не решая их. Дело в том, что сама диалектика явного и неявного компонентов знания неявным же образом основана на той же игре внешних и внутренних позиций субъекта рефлексии, что и рефлексивная деятельность в целом. Затруднения, вызванные парадоксами рефлексии, эти исследователи пытаются обойти посредством объективации субъективного, рассматривая их не в терминах субъективных позиций, а в терминах объективных свойств рефлекслируемого знания. Так, В. А. Лекторский вводит понятие «смысловой рамки» как концентрирующей в себе поле, в котором разыгрывается диалектика явного и неявного знания¹¹. И. С. Алексеев с этой же целью вводит понятие «базис понимания»¹². При этом полагается, что знание, неявное в одной смысловой рамке, проявляется в другой.

Однако при проявлении неявного знания с помощью двух или нескольких смысловых рамок возникает проблема тождества дисциплинарных норм, с помощью которых мы очерчиваем рамки и достигаем их понимания. Решение же этой проблемы вновь восстанавливает оба парадокса рефлексии: для выполнения этой задачи мы должны вновь организовать игру субъективных позиций, ставя рефлекслирующего субъекта в «систему с рефлексией», более широкой (внешней) по отношению к рамкам дисциплинарных организованностей и внутренней по отношению к самой этой системе.

Не вполне удовлетворяет нас и получаемый при таком подходе вывод об отсутствии абсолютных оснований знания, так как здесь не учитывается диалектика относительного и абсолютного как в результатах, так и в основаниях знания.

Представляет интерес и предложение, выдвинутое И. С. Алексеевым. Согласно его точке зрения, понимание выступает не как усвоение некоторых ранее имевшихся смыслов, а как наделение наблюдаемого смыслами, порождение их, и потому понимание — нерефлексивный акт, который потом должен быть подвергнут рефлексии. Само понимание, согласно этой концепции, регулируется «базисом понимания» — фундаментальными категориальными структурами, оперирование которыми образует индивидуальную логику понимания. Подведение понимания под базис нерефлексивно и, подвергаясь рефлексии «второго порядка», становится рефлексивным лишь по отношению к предшествующему пониманию, но не по отношению к самому себе. При этом рефлексия первого порядка, становясь объектом понимания, перестает быть рефлексией. Поэтому, когда методолог-философ, понимающий текст предметника-ученого посредством перевода его на язык философских категорий, не подвергает рефлексии базис своего понимания, то он:

¹¹ См.: Лекторский В. А. Диалектика рефлексивного и нерефлексивного в познании // Проблемы рефлексии в научном познании. С. 5—7.

¹² См.: Там же. С. 41—45.

просто усматривает «философский смысл» в нефилософской деятельности, квалифицируя ученого-предметника как философа, не осознающего себя таковым, и зачисляя его в материалисты, идеалисты и т. д.¹³.

Таким образом, связь рефлексии с проблемой понимания и, значит, с личной позицией исследователя не дает возможности, в силу парадоксов рефлексии, ни доказать, ни даже продемонстрировать способность философской рефлексии к полному критицизму, включающему в себя и самокритику.

В силу этого была совершена попытка оторвать рефлексия от понимания, развести их по разным дисциплинарным организованностям. Так, А. П. Огурцов на конференции «Рефлексия в науке и обучении» (Новосибирск, ноябрь 1984 г.) выдвинул концепцию, согласно которой за рефлексией сохраняется лишь область отстраненно-безличного наблюдения сознания, аналитики сознания, выявляющей безличную структуру истинного знания. Пониманию же отводится область индивидуально-ситуационного рассмотрения мышления, проходящего в актах межличностной коммуникации, почему и понимание связывается не с рефлексивными процессами, а с процедурами интерпретации мышления в коммуникационных актах¹⁴. Таким образом, действительно может возникнуть иллюзия, будто затруднения, связанные с игрой позиций рефлексиирующего субъекта, если не преодолены, то по крайней мере обойдены. Но ведь вся эта концепция в неявной форме сохраняет свою основанность на представлении о позиции субъекта: отстраненно-безличное наблюдение мышления, которое признается прерогативой рефлексии, есть, по сути дела, позиция рефлексиирующего субъекта **вне** исследуемого мышления, позиция, влекущая за собой все тот же жупел регресса в бесконечность.

Наконец, следует отметить попытку обойти парадоксы рефлексии, связав рефлексия — через понимание — с более широкой областью культурных коммуникаций. Этот подход нам представляется заслуживающим самого пристального внимания, ибо в известной мере он синтезирует достижения тех, которые были нами рассмотрены ранее. Но, к сожалению, одновременно он синтезирует и их трудности.

Наиболее полно отразили эту концепцию рефлексии Н. С. Автономова и В. С. Швырев.

Согласно Н. С. Автомоновой, «неклассическая» концепция рефлексии состоит в усмотрении того, что «рефлексия должна разворачиваться в ситуации погруженности в культуру. Следовательно, она не притязает на достижение абсолютных первоначал своего

¹³ См.: Алексеев И. С. Рефлексия и понимание в науке и философии // Проблемы рефлексии в научном познании. С. 44.

¹⁴ См.: Рефлексия в науке и обучении. Новосибирск, 1984. См. также: Огурцов А. П. Рефлексия в науке и обучении // Вопр. философии. 1986. № 2. С. 160—161.

собственного движения, не ищет непосредственных очевидностей, не требует беспредпосылочности. Поскольку ей заказана целостность, самодостаточность и самопрозрачность когито, постольку и движется она трудным, окольным, лишь косвенно соотносимым с искомыми содержаниями путем. Этот путь детерминирован извне гетерогенными ему факторами и потому не может обеспечить самопричинного развертывания сознания»¹⁵.

В. С. Швырев конкретизирует представление об этих «гетерогенных факторах», строя модель культурно-предпосылочных оснований понимания и справедливо указывая на то, что «понимание в этом смысле может рассматриваться не только как достижение гуманитарного познания, но и как универсальная культурно-логическая категория»¹⁶.

В культуре, согласно В. С. Швыреву, осуществляется та диалогичность, полифоничность сознания, которая предполагает «всегда реальные основания позиций сознания, не преодолеваемые и не снимаемые противостоящими ему позициями. Их преодоление и снятие возможно лишь в результате «переплыва» взаимодействующих позиций на новом, более высоком уровне развития сознания»¹⁷. Понимание, выступающее в качестве освоения культуры, и у Н. С. Автономовой, и у В. С. Швырева является той категорией, с помощью которой они пытаются прервать регрессивный процесс развертывания охватывающих друг друга рефлексий, мыслящего о мышлении рефлексивного мышления. И именно это является безусловно ценным достижением в интересующей нас проблематике. Действительно, выход из парадоксов «рефлексий над рефлексиями» не может быть найден в лоне такого же рефлексирования. Он чужероден рефлексии.

Вместе с тем, как было сказано, этот подход представляется нам недостаточным, так как он синтезирует и трудности неявного восстановления парадоксов рефлексии.

Н. С. Автономова обращается к языковым объективациям культуры, но отдает себе отчет в «замкнутости языка в круге на самого себя», в силу чего он не может быть действенной альтернативой самосознанию. От языковой объективации культуры исследовательница справедливо предлагает перейти к «конкретности действенно-практической жизни». Но и эту конкретность она вынуждена перевести на язык теории, предлагая поиски специфической «рефлексии практики», а это, в свою очередь, оказывается возможным, если представить «опыт» в форме «устойчивой системы понятийных координат, мыслительное движение в которых проясняет нерелективные основания рефлексии»¹⁸.

¹⁵ Автономова Н. С. Рефлексия в науке и философии // Проблемы рефлексии в научном познании. С. 23.

¹⁶ Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном синтезе науки // Вопр. философии. 1985. № 6. С. 55.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ Автономова Н. С. Рефлексия в науке и философии. С. 24—25.

В. С. Швырев апеллирует не столько к языковым и текстовым объективациям культуры, сколько к ее ассимиляционным механизмам, к тому, что явление, вызвавшее в онтогенезе или в филогенезе трудности (и, следовательно, запускавшее мышление и рефлексию), будучи ассимилировано культурой, становится само собою разумеющимся и не требует мыслительных усилий¹⁹. Но ведь всего несколькими страницами выше сам же В. С. Швырев рассуждает о наличии в познании, в том числе и в современном научном познании, многочисленных «мифов» и о необходимости рефлексии для выявления, фиксации и снятия этих мифологем. Нет никаких оснований полагать, что знания, ассимилированные культурой и превратившиеся там в нечто «само собой разумеющееся», не содержат весьма значительной мифогенной компоненты. Напротив, культурология постоянно вскрывает наличие этой компоненты в самих явлениях культуры. А это означает, что и культурные основания науки требуют как критики, так и самокритики, в том числе и рефлексивной.

Таким образом, выход за пределы рефлексии в область культурных оснований познания не снимает необходимости рефлексивной деятельности и связанных с нею парадоксов. Культура и здесь выступает в функции чересчур отдаленного критерия суверенности мышления, ибо таким критерием, сочетающим в себе достоинство всеобщности с достоинством непосредственности, по В. И. Ленину, является практика. Культура же, взятая в своей языковой объективации и в своей текстовой объективации, остается «практикой» мыслительной, практикой, переведенной в область духа, практически-духовным освоением действительности. Сколь ни своеобразные формы принимает духовная компонента культуры, культурное сознание, культура остается «системой с рефлексией», со всей присущей этим системам парадоксальностью. Для преодоления этих парадоксов требуется иное — прямой выход в практику, прямое полагание ее в качестве оснований рефлексии.

Как можно осуществить такое полагание? Здесь обращает на себя внимание одно важное обстоятельство. Исследователи, ищущие основания рефлексии на ее наиболее высоком — философском уровне в альтернативных ей базовых, фундаментальных сущностях (в том числе и в объективациях культуры), все же заняты поиском таких оснований, которые могут быть переведены в мыслительные формы, могут разворачиваться в онтологии мыслительной деятельности.

Даже тогда, когда они настаивают на прямом обращении к практике, они берут эту практику в ее мыслительном эквиваленте, в форме «рефлексии практики», в форме опыта, представленного системой категориальных координат. Иными словами, справедливо

¹⁹ Швырев В. С. Рефлексия и понимание в современном синтезе науки. С. 55.

указывая, что парадоксы рефлексии (и с ними проблема критической полноты философии) могут быть разрешены лишь посредством выхода за рамки мышления, они все-таки остаются в пределах мышления и мыслительных процессов.

Прямой выход в практику (понимаемую как непосредственная и всеобщая деятельность, описываемая через категорию «деятельности»), действительно, не может быть решением проблемы, если ее брать как проблему **знания**. От практической деятельности в ее эмпирических формах выхода к теоретическому знанию найти нельзя. Эмпирия, с которой имеет дело гносеология — это уже интерпретированная с позиций теории, гносеологизированная эмпирия, а практический эмпирически взятый индивид — гносеологизированный индивид, то есть индивид, которому способность рефлексировать приписывается, а не выводится из его эмпирического существования. Уже первый — и единственно возможный в качестве первого — акт научной рефлексии состоит во взгляде на науку глазами ее творца-ученого, что предполагает в качестве субъекта рефлексии не эмпирического, а гносеологизированного субъекта. Эмпирический же, погруженный в практику субъект возможности занять какую бы то ни было позицию с рефлексией не имеет. Основоположники марксистско-ленинской философии подчеркивали это неоднократно. Крестьянин, вывозящий на рынок хлеб, пролетарий, продающий свои рабочие руки, изобретатель, создающий новую технику, промышленник, основывающий новое предприятие, не знают, в какую сложную систему отношений они вступают; экономист, оперируя практикой исчисления процентов, ренты и т. д., ничего не знает о маскарадном, превращенном характере этих явлений. Более того, как указывал К. Маркс, знание сущности процентов, ренты несколько не увеличило бы шансов агента капиталистического производства на практический успех, скорее, уменьшило бы их: рефлексия над ними отняла бы у них функцию практического основания деятельности, возможную лишь постольку, поскольку эти идеологемы являются «объективными мыслительными формами», функционирующими без какой бы то ни было критико-рефлексивной установки. Вместе с тем нельзя не видеть, что идеализации, сложившиеся непосредственно в практической жизни («религия практической жизни», говоря словами Маркса), не могут быть положены в основание марксистско-ленинской теории познания. Делом всей жизни Маркса-теоретика было разоблачение, деобъективация этих превращенных форм и основанного на них превратного сознания.

Означает ли это, что практика не может быть основанием для реализации философией всей полноты рефлексивно-критической установки, включая и ее обращенность на самое себя? По нашему мнению, такой вывод был бы поспешным.

На том срезе практики, на котором она выступает как непосредственная деятельность осваивающего мир общественного человека (а именно этот срез понимается под практикой чаще всего),

она выступает в качестве абсолютной противоположности рефлексии. В позиции практического освоения мира субъект этого освоения не рефлексиирует: он действует. Но тем не менее существует тот объективный срез практики, в котором различие между ней и рефлексией приобретает характер относительной противоположности и, в конечном счете, противоположности сливаются без перевода практики в форму категориальной системы. Мистерии рефлексии разрешаются на этом срезе практики, и такое практическое разрешение их и определяет возможность прервать регресс в бесконечность рефлексий теоретического сознания. К сожалению, этот срез практики исследован еще очень слабо, и в работах, посвященных этому срезу, намеченная К. Марксом проблематика слабо отделена от смежной, но все же иной проблематики: функционирования «объективных мыслительных форм»²⁰. Речь идет об идее К. Маркса о «реальных абстракциях» и «практически истинных понятиях». Эти феномены реальности отличаются от объективных мыслительных форм, функционирующих в реальности как их элемент, тем, что они, во-первых, не облечены в идеальную форму и разворачиваются непосредственно в материальной среде, и, во-вторых, не являются превращенными, хотя и служат основанием для различных, в том числе и превращенных, форм рефлексивного мышления. Важно подчеркнуть, что в движении «реальных абстракций» сам К. Маркс видит основания для своего собственного расчленения предмета исследования, то есть путем обращения к ним осуществляет методологическую рефлексии над своей собственной методологией.

В знаменитом «Введении» К. Маркс ставит вопрос о независимом от познания и познавательной деятельности теоретического субъекта историческом или естественном существовании категорий, в частности простых категорий до появления конкретных. Он полагает, что — «смотря по обстоятельствам» — независимое от познания реальное, естественное или историческое существование категорий действительно имеет место²¹.

В названном произведении реальное существование категорий анализируется на примерах владения, денег, обмена, труда и других понятий права, политической экономии.

Здесь очень важен двойственный характер этого процесса, подчеркнутый К. Марксом. С одной стороны, создатель «Капитала» указывает на этот процесс как на мысленный процесс. Так, говоря о понятии «труд вообще», он отмечает, что само это понятие есть не исходный пункт, а результат длительного теоретического процесса. «Наиболее всеобщие абстракции возникают вообще только в

²⁰ Ильенков Э. В. Идеальное // Филос. энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 219; Мамардашвили М. К. Анализ сознания в работах К. Маркса // Вопр. философии. 1968. № 6; Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976; Копп В. П. К. Маркс о логике движения общественных форм // Вопр. философии. 1977. № 12.

²¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 38.

условиях наиболее богатого конкретного развития, где одно и то же является общим для многих или для всех. Тогда оно перестает быть мыслимым только в особенной форме»²².

Но помимо мысленного развития К. Маркс указывает на параллельное ему реальное развитие. «Труд вообще» есть не только результат абстрагирующей рефлексии.

«С другой стороны, — отмечает К. Маркс, — эта абстракция труда вообще есть не только мысленный результат некоторой конкретной совокупности видов труда»²³. В реальной действительности «труд вообще» существует в форме безразличия к определенности труда, который утратил свою сращенность с определенными индивидами и стал для них случайным. Такое состояние во времена К. Маркса сложилось в США. «Таким образом, — заключает он, — лишь здесь абстракция категории «труд» — «труд вообще» ... этот исходный пункт современной политической экономии, становится практически истинной»²⁴.

Еще более определенно формулирует К. Маркс свою идею о «реальных, практически истинных категориях» при анализе капитала.

В отличие от особенных капиталов «капитал вообще» является теоретической абстракцией. Пользуясь ею, К. Маркс устанавливает закон, согласно которому капитал должен полагать себя двояко и в этой двоякой форме должен двояким образом увеличивать свою стоимость. Вместе с тем «капитал вообще сам обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов», и в практике нации, вывозящей капитал, «становится чертовски реальным»²⁵.

Вывод К. Маркса гласит: «Общее, являясь, с одной стороны, всего лишь *мыслимой differentia specifica*, вместе с тем представляет собой некоторую *особенную* реальную форму наряду с формой особенного и единичного»²⁶.

Итак, суть «практически истинных абстракций», «реальных абстракций» состоит в том, что это абстрагирование, не являясь чисто природным процессом, не является и результатом мысленных операций и рефлексии: они результат, причем чувственно данный результат, определенного общественного процесса, общественной практики.

Необходимо отметить и двоякую позицию субъекта, улавливающего суть этого процесса: она представляет собою как раз искомое единство внутренней и внешней позиции. К. Маркс характеризует эту позицию посредством двоякого самополагания субъекта теоретического рассмотрения: он существует как абстрактный субъект

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 41.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 437.

²⁶ Там же.

ект — «мыслящая голова», постигающая мир в понятиях, и вместе с тем как реальный субъект, который «все время остается вне головы, существуя во всей своей самостоятельности, пока голова относится к нему лишь умозрительно, лишь теоретически»²⁷. Категории же, с помощью которых «мыслящая голова» обозначает продукты своего мышления, выражают формы наличного бытия, или условия существования, часто только отдельные стороны этого субъекта (общества)²⁸.

Представление о реальном существовании абстракций и о практически истинных абстракциях — ключ к решению проблемы парадоксов рефлексии. Оно создает такую онтологическую плоскость, в которой оказываются тождественными и продукты мыслительной рефлексии, и реальные процессы общественной практики, а позиция субъекта одновременно оказывается и внутренней, и внешней по отношению к «системам с рефлексией».

Философ, рефлексирующий над философией, остается философом — носителем особой, специализированной рефлексии. Как таковой, он погружен в философскую рефлексию, находится **внутри** философской мыследеятельности и использует ее организованности и профессиональные стандарты. Но, будучи философом, он не может оставаться внутри своей мыследеятельности — основания для его саморефлексии находятся вне его, в абстрагирующем процессе реальной практики, приводящем к реальным, практически истинным абстракциям.

Именно поэтому задача — выйти за пределы мышления, оставаясь одновременно в этих пределах — могла быть решена только в рамках специфических методологических установок марксизма, и в этом смысле может быть рационально понято его введение критерия практики непосредственно в гносеологию. Ибо речь идет не о всякой практической деятельности и не о всякой ее категоризации в мышлении: проблема истинности этой практики и этой категоризации остается открытой, их мифологемы — либо отфиксированы, либо нет. Основанием для реализации критико-рефлексивной установки философии является **развитая ивершенная** (в искомом отношении) практика, которая в реальности, в действительном бытии совершила все те движения, которые только и могут привести к появлению «практически-истинных абстракций» и категорий.

В философии марксизма-ленинизма полностью осуществляется единство самополагания и самоотрицания философом самого себя как философа и как человека практической позиции. Здесь, выражаясь словами Гегеля, он сам выступает как «первое отрицание отрицания», полагая и утверждая самого себя как «свое другое», свою собственную противоположность и тут же снимая это полагание. В его рефлексии реализуется первоначальный смысл этого

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 38.

²⁸ См.: Там же. С. 43.

термина — «высвечивание» в противоположностях рефлексии и практики — на каждом полюсе — его собственной противоположности. Здесь-то и реализуется указание К. Маркса на одну из важных особенностей отрицания отрицания: «Подлинные и в силу этого простейшие взаимосвязи нового со старым открываются всегда лишь после того, как это новое само приобретет уже завершенную форму»²⁹.

Рассматривая историческую способность науки (в том числе и философии) к самокритике, К. Маркс указывал, что эта способность не имманентна ей. «Так называемое историческое развитие, — отмечал он, — покоится вообще на том, что последняя по времени форма рассматривает предыдущие формы как ступени к самой себе и всегда понимает их односторонне, ибо лишь весьма редко и только при совершенно определенных условиях она бывает способна к самокритике»³⁰.

Учение К. Маркса о «практически истинных абстракциях» как раз и очерчивает эти условия. Философия оказывается способной к самокритике, но лишь тогда и лишь постольку, поскольку практика в своем действительном, независимом от философской рефлексии развитии **уже** реализовала соответствующие движения, породив практически истинные абстракции. Профессиональная забота философа — в своих специализированных формах мыследеятельности и их категориальном оформлении выразить этот процесс реального абстрагирования. Это и будет самосознанием и самокритикой его собственной мыследеятельности.

Образцы такой самокритики дал К. Маркс в трудах и рукописях круга «Капитала». Поэтому изучение их под рассмотренным углом зрения — чрезвычайно актуальная задача сегодняшнего развития методологии марксистско-ленинской философии и постижения ее критической функции.

Л. М. АНДРЮХИНА
Уральский университет

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ В ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУКАХ

В вопросе о соотношении научно-познавательной деятельности и философской критики имеют место различные ориентации. Одна из них характерна для натурфилософского подхода к науке. В натурфилософских конструкциях научная деятельность представ-

²⁹ Маркс К. Математические рукописи. М., 1968. С. 199. Подробно об этой зависимости см.: Бляхер Е. Д., Волинская Л. М. К характеристике процедур отрицания в историческом движении мыслительного материала: отрицание и рефлексия // Диалектическое отрицание как закономерность связи, движения и развития. Свердловск, 1984. С. 128.

³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 42—43.

ляется как чистая, отлаженная технология получения истинного знания, как некая природно-объективная форма. «Одним словом, искусство (имеются в виду все формы человеческой деятельности.—Л. А.) — это та же природа, действующая с помощью созданных ею орудий»¹. В идеале такой отлаженный механизм функционирования науки не нуждается во внутренней критической позиции. Критицизм может осуществляться только по поводу результатов научной деятельности и находиться вне самой деятельности, в этом суть натурфилософской критической позиции. Внутренний критицизм долгое время изгонялся из философского идеала научной деятельности и считался чем-то нежелательным в самой реальной практике науки. Классическая наука в своих гносеологических установках не допускала возможности наличия моментов абсолютно истинного знания одновременно в нескольких научных позициях, истинной могла быть только одна из них. Непримируемые споры в классической науке своей предельной целью имели абсолютное снятие, прекращение всяких споров. Критицизм воспринимался как всецело субъективное явление, которое затемняет и затрудняет работу научной технологии познания. Сам субъект должен оставаться чем-то «прозрачным»², не проявляющим себя, всюду инвариантным и невозмутимым, — занимать некую единственно возможную точку обзора, из которой открывается абсолютная истина. Значение философской критики и сводилось, как правило, к функции внешнего оправдания, объяснения позиции исследователя (отождествляемой с полученным знанием, онтологией объекта). Натурализм в гносеологии всегда оборачивался антиисторизмом, апологетикой наличных социальных отношений. Даже реальные противоречия действительности, попадавшие в поле зрения ученого, представляли как вечные, от природы данные, а задача гносеолога в лучшем случае сводилась к тому, чтобы представить их как противоречие субъективных максим и снять их в логике мышления.

Позитивизм, эмпиристское направление буржуазной философии науки доводит до крайности классический идеал науки, абсолютно отрицая критицизм как в форме внутренней, так и в форме внешней философской критики, и полностью уповая на абсолютную технологичность, инвариантность, бесперебойность научной методологии. «Гносеологические истоки ситуаций, связанных с сосуществованием конкурирующих теорий, выпадали из поля зрения эмпиристского подхода, в связи с чем реконструкция процесса выбора в рамках позитивизма в его классическом варианте не предпринималась»³. Позитивизм и неопозитивизм явились продолжением в рамках современной буржуазной философии тенденций натурализма классической гносеологии, возрожденных на базе идеологии технократизма. Научная деятельность и критика (в том числе критика

¹ Гольбах П. А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 60.

² См.: Философия в современном мире: Философия и наука. М., 1972. С. 44.

³ Мамчур Е. А. Проблема выбора теории. М., 1975. С. 11.

философская) оказались абсолютно разведены и противопоставлены.

С позиций марксистско-ленинской философии научная деятельность всегда понималась не только как сфера идей, не как бессубъектная (или надсубъектная) технология, но как деятельность людей, объединенных социальными отношениями по поводу производства научных знаний. Человеческое измерение научной деятельности все больше становится сегодня предметом пристального исследования философов-марксистов. Развитие науки в условиях современного социализма выявляет значимость человеческого фактора научной деятельности, что заставляет конкретизировать наши представления о структуре научной деятельности. Научное познание — это единство научной деятельности и социальных отношений, оно является формой производства и воспроизводства как знаний, так и самого человека как субъекта познания. «В форме науки (как и в других общественных формах) человек в конечном счете производит свои общественные отношения, самого себя как общественное существо»⁴. Критика и самокритика понимаются тем самым как неотъемлемая сторона общественных отношений производства научных знаний, сторона субъектного, человеческого фактора в науке, необходимое условие воспроизводства как научных знаний, так и самого субъекта познания.

В современных направлениях буржуазной философии, в частности в так называемом «критическом рационализме», также предпринимается попытка выйти в социальный контекст науки, в ее историю, раскрыть социально-психологические, личностные и коллективные формы ее организации. В противовес неопозитивизму установка на критику, критицизм как неотъемлемый компонент науки сразу же включается в гносеологическую парадигму «критического рационализма». Однако здесь мы встречаемся с крайностью другого рода. Метафизичность методологии «критического рационализма» выражается по крайней мере в трех основных позициях:

1) в абсолютизации роли критики в научном познании (гиперкритицизм), что приводит к разрушению в целом структуры научной деятельности;

2) в метафизическом понимании роли противоречий в научной деятельности (как ядра критики);

3) в смешении внутринаучной и собственно философской (а также ненаучной) критики, размывание границ между ними, смешение их функций.

Именно в этой связи необходимо с позиций марксистско-ленинской философии обратиться к конкретному анализу структуры и функций философской и внутринаучной критики в фундаменталь-

⁴ Сущность и социокультурные предпосылки революций в естественных и технических науках: (Материалы «круглого стола») // *Вопр. философии*. 1985. № 8. С. 94.

ных науках. Научная деятельность включает в свою структуру два среза или уровня: научную технологию и сферу социальных межсубъектных отношений познания. И тот и другой элемент структуры научной деятельности представляют собой динамическое единство субъектной и объектной сторон деятельности, однако если в научной технологии преобладающей является объектная сторона (действие по логике объекта), то второй уровень научной деятельности является сферой полной развернутой представленности субъектного фактора науки. Научная критика выводит деятельность субъекта из сферы технологии деятельности в сферу общения, обмена научными мнениями, в сферу социальных отношений науки, и наоборот, критика способствует выработке единых субъектных оснований научной технологии. Неразрывное единство и необходимость этих двух компонентов в структуре научной деятельности обуславливают и внутреннюю структуру научной критики, в которой можно выделить два этапа. Они были четко определены применительно к литературной критике В. Г. Белинским: «Чтобы разбирать критически писателя, прежде всего должно изучить его»⁵. На первом этапе критической деятельности «должно войти в мир его творчества не иначе, как забыв его, себя, все на свете. В этот мир не должно вносить никаких требований, никаких заранее приготовленных понятий и вопросов, никаких страстей, а тем менее пристрастий, никаких убеждений, а тем менее предубеждений. Надо совершенно отказаться от роли судьи и актера и ограничиться только ролью постороннего любопытного свидетеля и зрителя»⁶. Иначе этот этап можно назвать этапом понимания, вхождения в научную внутреннюю технологию деятельности, вскрытия ее объектных оснований. «Творческая деятельность поэта (равно как и ученого. — Л. А.) представляет собою также особый, цельный, замкнутый в самом себе мир, который держится на своих законах, имеет свои причины и свои основы, требующие, чтоб их прежде всего приняли за то, что они суть на самом деле, а потом уже судили о них»⁷. Целью такого проникновения является не только постижение тайн научной технологии, но и целостное восприятие деятельности, вскрытие ее социальной направленности, социального пафоса, как сказал бы В. Г. Белинский.

На втором этапе критической деятельности «правило Гете, что читатель должен забыть читаемого им поэта, самого себя и весь мир, вы имеете право откинуть прочь, как уже лишнее и ненужное. Ваша личность снова вступает в свои права, и вы из ученика делаетесь судьей»⁸. Иначе, это этап вскрытия субъектных оснований деятельности, оценка той или иной научной позиции, ее места в системе межсубъектных отношений науки.

⁵ Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. М., 1985. С. 224.

⁶ Там же. С. 225.

⁷ Там же. С. 226.

⁸ Там же. С. 228.

К этим двум этапам можно добавить третий — этап выработки собственной научной позиции, формирования нового мира, где приведены в единство, новую целостность научная технология и социокультурная форма.

Эти три этапа критической деятельности являются, очевидно, общими для любого ее развитого вида (научная, литературная или философская критика) и должны рассматриваться в их динамическом единстве.

Научная критика не отменяет необходимость научной технологии, собственно научного труда по поиску объективно истинного знания, но, напротив, сама становится возможной только на основе развитой научной технологии. Критика, конечно, не является только внешней оценивающей позицией, она активно воздействует на формирование научной технологии, но сам этот процесс должен быть осмыслен во всей его конкретности, исключая абсолютизацию роли критики, подмену научной методологии (технологии) научной критикой. С другой стороны, научная критика не исчерпывает собой все многообразие межсубъектных, социальных отношений научной деятельности. Отождествление социальных отношений в науке с научной критикой приводит к утрате критериев научности последней. В этом заключается суть различных форм абсолютизации критики в «критическом рационализме», суть гиперкритицизма, приводящего к разрушению научной деятельности. Первая форма гиперкритицизма наиболее последовательно выражена К. Поппером, вторая — П. Фейерабендом.

Если классический эмпиризм связан с верой в доказуемость любого элемента знания с помощью опыта, с верой в фактически непротиворечивый характер методологических, базисных оснований науки, что и привело классический эмпиризм в тупик, то К. Поппер ставит своей задачей спасение эмпиризма путем отказа от этой веры. «Опыт рассматривается им исключительно как источник опровержений, а логика — как средство для опровержения, как только орган критики, но не доказательства»⁹.

С первого взгляда представляется вполне правомерным внесение принципа противоречия в структуру метода, однако то, как это осуществляется К. Поппером, приводит фактически к разрушению научного метода.

Чтобы это показать более наглядно, проанализируем соотношение принципа непротиворечивости и принципа тождества противоположностей.

В советской философской литературе не случайна активизация дискуссии о субъектно-объектном статусе принципа тождества противоположностей и принципа непротиворечивости¹⁰. При этом если принцип тождества противоположностей наделяется онтологиче-

⁹ Панин А. В. Критицизм как направление в западной философии науки // *Вопр. философии*. 1977. № 5. С. 151.

¹⁰ См.: *Диалектическое противоречие*. М., 1979.

ским основанием, то принцип непротиворечивости понимается как чисто субъективная форма выражения объективного противоречия. Думается, что в этом вопросе не всегда в достаточной мере учитывается полная структура субъект-объектного отношения. Если в трактовке принципа тождества противоположностей не в полной мере раскрывается субъектная сторона деятельности, то в трактовке принципа непротиворечивости не берется во внимание тот факт, что в деятельности на определенных ее этапах и само субъективное предстает в объективированных формах.

С внешней отражающей позиции, предметом которой является технология деятельности, начало деятельности (субъект как объективированная в знании цель) и ее результат (овеществление знания как цели) по содержанию совпадают, тождественны. Это неперемнное требование отлаженной технологии. Совпадение цели и результата, начала и продукта технологического процесса и есть объективный аналог тавтологических форм мышления — требования непротиворечивости. Противоречие, несовпадение и даже просто различие цели и результата деятельности свидетельствовало бы о неосуществленности и неосуществимости технологического процесса, о сбое, нарушении в технологии. Принцип непротиворечивости и является отражением технологии, но с ее определенной стороны. Конечно, в реально функционирующей технологии нет абсолютного совпадения цели и результата (на это прежде всего обращают внимание исследователи), но все-таки есть совпадение в главном, существенном. Мало обращалось внимания на то, что тавтологические формы мышления (формально-логически правильные), сам принцип непротиворечивости отражают объективную внешнюю форму противоречия в его особом состоянии — в состоянии его устойчивого воспроизводства и разрешения на собственной основе. Внутреннее противоречие с внешней стороны объективно предстает как отсутствие противоречия. Поиски такой как бы самодействующей методологии, технологии деятельности, в рамках которой противоречие постоянно самовоспроизводится и разрешается на собственной основе, всегда занимали методолога, что привело к выработке норм формальной логики, а затем к их абсолютизации. С позиций диалектической логики как раз и стало впервые очевидным, что за принципом непротиворечивости скрывается особое состояние функционирования противоречия и в целом логика отражения противоречия не исчерпывается принципом непротиворечивости. Дело в том, что в любом процессе деятельности всегда наступает момент, когда противоречие не может быть разрешено на собственном основании. В данном случае внутреннее противоречие обнаруживает себя вовне (если это, например, противоречие внутри определенной научной позиции и соответствующей ей технологии) тоже как противоречие, но противоречие не с самим собой, а с иным (с иной научной позицией). Задачей диалектической логики как раз и является поиск такого нового основания (логически и реально возможного), которое бы позволило достичь тождества

(уже новых) противоположностей, а следовательно, как момент этого тождества, и их функционирования, воспроизводства и разрешения на новой единой основе.

Научный метод, поскольку он не исключает внутреннего противоречия, действительно содержит элемент критической позиции. Критический элемент метода представлен, во-первых, в форме избирательности метода: любой метод, обосновывая, доказывая истинность одного положения, уже тем самым опровергает истинность другого, противоположного исходному. Во-вторых, доказательность метода всегда содержит в себе определенную меру допустимой критики: критичность и доказательность — два сопряженных момента любого научного метода, это является основанием гибкости, пластичности метода, его устойчивости. Тем самым, делая акцент на критической функции опыта, научной технологии, К. Поппер не предлагает ничего нового по сравнению с марксистским пониманием метода. Однако, абсолютизируя элемент критики в опыте, логике, научной технологии, он фактически игнорирует факт относительно устойчивого функционирования методов науки посредством воспроизводства и разрешения противоречий на единой основе. Отрицание этого факта равносильно вообще отрицанию объективного существования научных методов и научной технологии.

Другая форма гиперкритицизма — гиперкритицизм П. Фейерабенда — основана не на внесении критики в научную методологию (опыт, логику), но на абсолютизации связи научной методологии с субъективной критической позицией субъекта. П. Фейерабенд вслед за Т. Куном обнаруживает факт большой устойчивости научной методологии, если она открыта для критики собственных оснований, сопряжена с критической позицией субъекта. Это так называемый тезис Куна—Фейерабенда о неразрывности эмпирического базиса и теоретического видения объекта. Метод, технология не существуют в свободном состоянии, но всегда выступают в форме той или иной альтернативной позиции субъекта. Однако тезис о жесткой связи метода и субъектного теоретического видения объекта приводит П. Фейерабенда к выводу о невозможности критицизма, так как различные научные позиции оказываются абсолютно замкнутыми мирами, несоизмеримыми между собой, а следовательно, совершенно недоступными для критики. Абсолютная альтернативность, противостояние позиций — это все, что остается от научной критики в рамках концепции П. Фейерабенда.

В советской литературе уже было показано, что наряду с взаимосвязью, тесной обусловленностью теории и эмпирии, технологии и субъектной стороны деятельности, необходимой является и их относительная самостоятельность. Субъектная позиция, стиль научного мышления однозначно не связаны с определенной технологией. Жесткая закрепленность стиля научного мышления, научной позиции субъекта за определенной технологией действительно ве-

дет к догматизации данного стиля мышления, превращению его в однозначный канон, к непроницаемости данной позиции для критики.

Принцип альтернатив П. Фейерабенда ставит под сомнение возможность критики уже на первом ее этапе, так как предполагает невозможность рационального понимания альтернативной позиции, а следовательно, и рациональной оценки и предпочтения одной из альтернатив. Иррациональность оснований выбора и критической оценки выводит критику за рамки собственно научной деятельности. Размывание границ научности происходит и по другому пути: по пути признания одинаковой равноправности в научном споре научных и ненаучных позиций (например, религиозных и т. д.). Кроме того, однозначная связь научной технологии и субъектного видения (куда включаются и философские принципы) превращает внутринаучную критику одновременно и в борьбу философских позиций, так что альтернативное противостояние научных позиций оборачивается противостоянием философских, мировоззренческих принципов. Внутринаучная критика смешивается с критикой философской. В сущности это подновленный вариант позитивистского понимания соотношения философии и науки — лозунга «наука сама себе философия», чреватого принижением роли философии и философской критики как относительно самостоятельного вида деятельности.

Обратимся к анализу специфики философской и внутринаучной критики более детально. Как уже говорилось, критическая деятельность имеет три общих структурных элемента: 1) понимание позиции другого (вскрытие объектных оснований деятельности); 2) оценка позиции другого (вскрытие субъектных оснований деятельности); 3) выработка (начальный этап) собственной позиции (новой позиции). Внутринаучная и философская критика различаются как содержанием субъектных и объектных оснований деятельности, так и общей направленностью, предельными целями критики.

На первом этапе главная задача внутринаучной критики — понимание объекта, то есть понимание позиции субъекта как представляющей знание об объекте; для философской критики позиция ученого должна быть представлена не только в ее онтологическом (знаниевом) измерении, задача здесь заключается в том, чтобы понять предельные философские основания позиции субъекта, взять субъекта в конкретном социально-историческом измерении. На втором этапе задача внутринаучной критики — дать оценку позиции субъекта прежде всего со стороны соответствия ее как научной технологии, так и нормам и правилам стиля научного мышления; задача философской критики — дать оценку научной позиции субъекта с точки зрения соответствия общественно-исторической практике (конкретно-историческим ее тенденциям) и соответствия той или иной идеологической позиции. Общая функция внутринаучной и философской критики здесь заключается в том,

чтобы за противоречием научных позиций вскрыть такие, которые соответствуют, с одной стороны, объективным предметным противоречиям, а с другой — объективным социально-субъектным противоречиям. На третьем этапе встает задача разрешения противоречий. Эта задача в критической деятельности осуществляется не во всем объеме, так как в конечном итоге не критика, а сама практика разрешает противоречия. Но цель критики — смоделировать возможные пути реального разрешения противоречий. При этом внутринаучная критика завершается конкретными технологическими моделями, а философская критика дает стратегические ориентиры в форме философской картины мира и технологии диалектического сопряжения противоположностей. Философская критика дополняет внутринаучную и по отношению к ней выполняет следующие функции: 1) стратегически конструктивную — дает диалектическую стратегию вскрытия и разрешения противоречий; 2) идеологическую (критика неадекватных научному познанию философско-идеологических позиций); 3) воспитательную — формирует субъекта научного познания, его мировоззрение. Все три этапа критики и ее функции должны быть сопряжены друг с другом, в противном случае критика утрачивает свою связь с реальной практикой научной работы. Это относится как к критике философской, так и к внутринаучной, а также определяет характер их взаимосвязи.

Если философская критика останавливается на этапе вскрытия, фиксации противоречия различных научных позиций, не занимается серьезным поиском философско-мировоззренческих, общеметодологических путей их разрешения, то философская критика становится формой, сдерживающей развитие научного знания. На первом Всесоюзном совещании по философским проблемам естествознания академик В. А. Амбарцумян отмечал, что «когда мы (ученые. — Л. А.) смело ставили какие-либо вопросы и когда наука подходила к чему-то еще не разгаданному, к чему-то чрезвычайно глубокому и интересному, то нас старались некоторые философы сдерживать, — как бы наши ученые не впали в идеализм»¹¹. Упрощенное, непосредственное отождествление внутринаучных позиций с философскими направлениями (идеализм — материализм), с политическими интересами приводило, как показывает история науки (к сожалению, и история советской науки), к усугублению альтернативного противостояния различных подходов, мешало адекватной оценке значения того или иного направления в развитии науки. Философия должна заниматься не «наклеиванием ярлыков», но разрешать действительные мировоззренческие коллизии, стоящие подчас за внутринаучными спорами. История науки также показывает, что плодотворное решение мировоззренческих вопросов не раз открывало новые пути и в конкретно-науч-

¹¹ Амбарцумян В. А. Материалистическая диалектика — методология и логика развития современного естествознания // *Вопр. философии*. 1971. № 3. С. 24.

ном исследовании. Так, преодоление в марксизме односторонних альтернатив натурализма и абстрактного гуманизма, научное, материалистическое объяснение общества, истории, человеческого сознания открыло новые возможности научного развития таких дисциплин, как психология, лингвистика, этнография, антропология, биология и т. д. Ленинский анализ сути кризиса физики на рубеже XIX—XX вв. способствовал формированию адекватных гносеологических, мировоззренческих установок многих крупнейших физиков и ученых других наук. Сегодня задача философской мировоззренческой разработки целого ряда вопросов встает в области социально-биологических исследований и в других сферах, касающихся глобальных проблем современности. Необходимо, «чтобы философы настолько углубились в решение больших, принципиальных вопросов в области естествознания, чтобы они могли факелом философской мысли освещать новую дорогу, открывающуюся перед современным естествознанием»¹².

Философская критика не срабатывает и в том случае, когда она монополизирует функцию разрешения противоречий, подменяя собой критику внутринаучную, а также практику самой научной работы. В этом случае она вырождается в схоластику, в критику ради критики.

Отрыв стиля мышления от метода, философско-критической позиции — от технологии самой науки чреват вырождением сферы межсубъектных отношений в науке в игру понятий и подходов, ведет к разрешению противоречий на словах, в понятии, а не на деле. Такое разрешение на словах является основой схоластической концепции примирения противоположностей. Одной из функций критики является конструирование модели возможного разрешения противоречий, проигрывание такой возможности в логике понятий. Это, собственно, и делает критику конструктивной. Но этот процесс должен осуществляться в постоянном соотношении философской логики спора с реальной действительностью, практикой, всей сферой социального и научного опыта.

К. Маркс и Ф. Энгельс убедительно показали бесплодность критики, которая фразам не противопоставляет ничего иного, кроме фраз, не замечая, что отнюдь не борется против действительности, существующего мира, если она борется только фразами этого мира.

В современных условиях схоластическая философская критика особенно опасна, так как ведет к отрыву философии не только от самой научной деятельности, но приводит к самоустранению философии от процесса формирования человеческого фактора науки. Ученый с ограниченным, деформированным философским мировоззрением столь же ограниченно и односторонне включается и в межсубъектные отношения по поводу получения научного знания.

¹² Амбарцумян В. А. Материалистическая диалектика — методология и логика современного естествознания. С. 24.

Узость мировоззренческого кругозора не позволяет осуществить адекватную оценку собственной позиции (а также иной позиции) в ситуации научного спора, научной критики, приводит либо к догматизму, либо релятивизму (научной беспринципности). Способность к взаимопониманию в сочетании с научной принципиальностью, без чего невозможна подлинная плодотворная научная дискуссия и критика, предполагает всестороннюю развитость личности и в том числе сознательное овладение ученым передовым философским мировоззрением.

Л. И. ЛОГИНОВ
Чайковский институт физической культуры
Л. Н. ЛЯХОВА, О. Н. БУШМАКИНА
Удмуртский университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ. О КРИТЕРИИ КОРРЕКТНОСТИ ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ТЕОРИЙ

Критическая функция любой системы знания, в том числе и философии, может быть обращена на «самое себя». В таком случае это будет **рефлексивная критика**. Но может быть обращена и «вовне», то есть на другие системы знания. Здесь можно выделить два момента. Во-первых, критика может быть обращена на «свое иное» — тогда это будет **идеологическая критика** (мировоззренческая), например, в случае борьбы материализма и идеализма. Во-вторых, критика может быть обращена на иные формы сознания, в том числе на науку, на научное познание (если речь вести о философии) — в этом случае критика будет **методологической критикой**.

Поскольку любая система знания — **система**, то критика (в единстве сомнения, отрицания, утверждения) может быть как **элементной** (партитивной), то есть обращенной на некоторые моменты (стороны, элементы) рассматриваемой концепции, так и **системной**, направленной против всей концепции (системы). Системная критика невозможна, если критика партитивная не станет критикой **фундаментальной**, то есть такой, которая затрагивает элементы данной концепции, составляющие ее основу, фундамент.

Принимая во внимание такое подразделение, можно отметить, что в случае рефлексивной критики развертывание идет от элементной критики к системной, тогда как в случае идеологической критики развертывание идет в обратном порядке. Интересно и то, что мировоззренческая критика ведет к нарастанию деструктивных элементов, тогда как рефлексивная критика ведет к нарастанию конструктивных элементов.

Раскрытие методологической критики как момента в раскрытии критической функции философии возможно, если только выявлен

механизм взаимодействия науки (в частности естествознания) и философии. Как известно, принципиальное решение данной проблемы дано классиками марксизма-ленинизма, однако конкретный механизм перевода обобщенных философией общественных идей на уровень конкретно-научного исследования, воздействия всего социокультурного комплекса на логику и методологию научного исследования нуждается в дополнительном анализе.

Ясно, что наука, научная деятельность, обладая относительной самостоятельностью, вплетены в социокультурный комплекс, ядром которого, безусловно, выступает философия как «живая душа эпохи», которая становится в результате взаимодействия «квинтэссенцией самой науки»¹. Но социальное не может напрямую воздействовать (подвергать непосредственной методологической критике) на то, что составляет собственно научную деятельность. Следовательно, необходимым определенным механизм перевода собственно социальных идей на эмпирический и теоретический уровни научного исследования, выделение которых в нашей литературе стало делом обычным. Между тем если данный механизм перевода вынесен за пределы научного исследования, то его воздействие (критика) должно носить фрагментарный, непоследовательный характер. Однако данные истории науки показывают, более того, убедительно свидетельствуют о постоянном воздействии социокультурного контекста на сам процесс научного исследования, предопределяя в конечном счете успешность (или безуспешность) того или иного научного исследования.

Логично предположить, что таким механизмом, связывающим конкретное научное исследование с научной философией и всем социокультурным контекстом, является мировоззренческий уровень научного исследования. Мировоззрение есть такая совокупность знаний о мире, о месте человека в нем, которая является более широкой, более абстрактной формой и уровнем систематизации научного знания (если, конечно, рассматривать диалектико-материалистическое мировоззрение), нежели те формы, в которые отливается материал конкретно-частнонаучного исследования. Элементы мировоззрения обладают **всеобщим** характером и поэтому приложимы (то есть возможна методологическая критика) к конкретно-научным исследованиям только посредством определенной интерпретации, посредством «перевода» содержания мировоззрения (следовательно, в нашем контексте — научно-философского знания) на уровень **особенного**. Однако такой **перевод и прочтение всеобщего** возможны только посредством такой системы знаний, которая обладала бы как достоинством всеобщего (свойство мировоззрения), так и характером частнонаучного материала, даже если и в опосредованной форме. Данная система знания должна осуществлять и обратный перевод результатов научных исследований в форму всеобщего, в содержание мировоззрения (и филосо-

¹ См.: Тосака Дзюн. Теория науки. М., 1983. С. 38.

фии, конечно), ибо только в этом случае научное мировоззрение может быть и основой, и предпосылкой познавательной и преобразовательной (в том числе и критической) деятельности человека. Такой синтетической формой (уровнем) систематизации научного знания, способной связать науку (конкретную) с философией, выражать мировоззренческий уровень научного исследования, является общенаучная картина мира (далее — НКМ).

Данная система знания в силу своего генезиса обладает конкретностью частнонаучного знания и всеобщностью мировоззрения. Известно, что центральными элементами эмпирического и теоретического уровней научного исследования (и с этим согласны все исследователи) являются такие элементы, как факт, закон, принцип, гипотеза, теория. Однако положение их неравноправно. Научный принцип занимает центральное место в системе научного знания, связывая как бы в единое целое и эмпирию, и теорию². Но научный принцип противоречив, и если выявление **определенности** содержания научного принципа происходит посредством формирования теоретически-конкретного знания, то раскрытие научного принципа как **всеобщей абстракции** возможно лишь путем связывания содержания научного принципа, реализованного на данной предметной области, с иными формами знания и посредством этих форм с иным содержанием. Как «всеобщая абстракция» научный принцип раскрывается в **фундаментальной идее**³, охватывающей данную предметную область, на которой уже возникла некоторая система знания, включающая научные законы (эмпирические и теоретические), научный принцип (принципы), научную теорию (если таковая существует). Фундаментальная идея синтезирует как **конкретность** эмпирического и теоретического знания, так и **абстрактность** научного принципа. Фундаментальная идея — такое **особенное**, которое на данной предметной области обладает характером **всеобщего**. В каждую данную эпоху таких предметных областей наличествует некоторое конечное множество. В результате действия тенденции интеграции научного знания происходит объединение (синтез) фундаментальных идей в некоторую систему, дающую нам единое научное представление о предмете науки в целом. Этот синтез не может быть выполнен какой-либо частной наукой, а может быть реализован лишь научной философией, поднимающей «особенное» до уровня «всеобщего» (точнее — раскрывающей «особенное» в связи с «всеобщим»), такого «всеобщего», которое соотносится со всей предметной областью науки вообще. Синтез фундаментальных идей и приводит к образованию НКМ⁴, положение которой опре-

² См. об этом: *Логинов Л. И.* Научный принцип как форма знания // *Объективное содержание научного знания.* Свердловск, 1976. С. 44—50.

³ О выделении эмпирической, теоретической и фундаментальной идей см.: *Логинов Л. И.* Научная идея как форма постижения истины // *Истина как гносеологическая категория.* Свердловск, 1983. С. 78—83.

⁴ Анализ иных подходов к НКМ, ее генезису, структуре, функционированию дан, например, в сборнике: *Научная картина мира: Общекультурное и внутринаучное функционирование.* Свердловск, 1985.

деляется двумя факторами — отношением к мировоззрению (и к научной философии как ядру мировоззрения) и отношением к частнонаучному знанию.

Отношение мировоззрения и НКМ носит сложный характер, не сводимый к отношению «шире—уже» или к отношению некоторых рядоположенных систем. НКМ постольку входит в мировоззрение, поскольку последнее придает фундаментальным идеям как структурообразующим элементам НКМ всеобщий характер; но НКМ не входит в мировоззрение, ибо несет в себе конкретность частнонаучного материала. Это и обеспечивает НКМ особое место в системе научного знания, не сводимое ни к эмпирическому, ни к теоретическому уровням научного исследования.

НКМ представляет мировоззрение в частнонаучных исследованиях через посредство наиболее значимой фундаментальной идеи, которая становится своеобразным **репрезентантом** НКМ и мировоззрения. Это происходит потому, что мировоззренческий синтез придает всеобщий характер фундаментальной идее **данной предметной области**, «поднимая» ее до уровня **всеобщности**, что ведет к возможности применения данной идеи в других предметных областях.

Содержание мировоззренческого плана, представленное через фундаментальную идею, является в то же время предпосылкой всякого подлинно научного исследования и основанием методологической критики иных исследований, не основанных на данной идее.

Так, развитие генетического почвоведения после В. В. Докучаева невозможно представить вне идей развития и всеобщей взаимосвязи. Мировоззренческое содержание НКМ раскрывается, следовательно, не только через «всеобщие» фундаментальных идей, но и через «актуальную априорность», «предпосылочность» содержания НКМ по отношению к конкретно-научному исследованию. Так как НКМ — определенная система знания, на основе которой человек практически преобразует мир, то НКМ несет в себе и ценностные, и идеологические моменты, имеющие мировоззренческое содержание. Смена НКМ в ходе научных революций приводит к изменениям и в структуре мировоззрения как через изменение содержания элементов мировоззрения, так и посредством изменения характера их отношений. В этом, представляется, заключена основа единства рефлексивной, мировоззренческой и методологической сторон, аспектов развертывания критической функции научной философии по отношению к различным системам знания. Этот вывод подкрепляется также тем, что и по отношению к конкретно-научному исследованию НКМ проявляет себя двояко — как итог, предпосылка научного познания, и как обобщенная концепция мирового процесса, как «верховный судья», критик конкретно-научных знаний.

Когда нет критики — в единстве сомнения, отрицания, утверждения, обращенной как «вовне», так и на «самое себя», тогда тео-

ретическая конструкция, система взглядов, представлений вынуждена обрести искусственными образованиями, «пристройками» и т. д., как, например, система Птолемея или система «фиксизма» в современной геологии. В философии этот процесс протекает и проще (ибо любая философия претендует на универсальное знание, отчего любой факт можно «смело» подключить к созданной системе знания), но и сложнее — ибо то же может сделать противоположная философская концепция, не меняя при этом ни одного своего фундаментального положения и не создавая искусственной структуры.

Однако все это может происходить до определенного предела, когда данная концепция может рухнуть. Тогда, пройдя все ступени критики, возникнет новая концепция, снимающая противоречия предыдущей — например, смена метафизического материализма материализмом диалектическим (рефлексивная критика). Поэтому развертывание критической функции этого типа имеет больший период кумуляции, чем в частных науках, а сам процесс преобразования (собственно критика) более краток. Иными словами, перевороты в философии редки, но быстры, а перевороты в частных науках, напротив, часты, но медленны. Достаточно вспомнить в этой связи переворот в системе идеализма, сделанный Д. Беркли в XVIII в. (хотя период кумуляции идей субъективного идеализма восходит, вероятно, к Протагору), или переворот, сделанный К. Марксом и Ф. Энгельсом в XIX в. (тогда как период кумуляции идей диалектического материализма имеет длительную историю). Напротив, если взять естествознание, например, геологию, то концепция «мобилизма», революционизировавшая систему геологического знания, раскрылась в деятельности не одного поколения ученых — от А. Вегенера до Г. Хесса, Р. Дитца и др.⁵

Анализ некоторых аспектов развертывания критической функции философии позволяет сделать вывод о том, что в особенностях этого процесса лежит одна из причин несовпадения линий развития философии и естествознания. Последствия же этого таковы, что ученые-естествоиспытатели, работающие над одной и той же проблемой, могут обращаться к разным философским системам, хотя конечные результаты могут в целом совпадать (вспомним в этой связи И. Ньютона и Г. Лейбница, А. Эйнштейна и Н. Бора, В. Гейзенберга и Э. Шредингера). Методологическая критика естественнонаучных концепций со стороны философии раскрывается противоречиво, и приращение нового знания возможно через привлечение противоположных философских концепций, через их столкновение и взаимную критику. Но то, что вчера естествоиспытатели делали неосознанно, то сегодня ученый, овладевший марксистско-ленинской философией, должен делать сознательно. Тогда критическая функция философии в единстве указанных аспектов раскры-

⁵ См., напр.: *Дуэль И. Судьба фантастической гипотезы*. М., 1985.

ется в непосредственном воздействии научной философии на развитие научного познания в целом.

Бесспорно, что философский анализ и критика естественнонаучных теорий весьма плодотворны и необходимы для понимания их мировоззренческого содержания, для развития как конкретных наук, так и передовой материалистической философии. Но история науки и философии показывает нам и весьма поучительные примеры взаимной «глухоты», когда философия (притом отнюдь не ретроградная) отказывалась понимать и принимать новаторские научные теории, а передовая наука обнаруживала невосприимчивость к наиболее передовым и глубоким философским концепциям. Достаточно вспомнить, как резко отзывался Ф. Бэкон, родоначальник материалистической традиции в философии Нового времени и страстный пропагандист новой науки, о гелиоцентрической концепции Коперника, с которой как раз и началась эта наука. Более близки и болезненны для нас ситуации, когда от имени марксистско-ленинской философии трактовались как «идеалистические» и «метафизические» наиболее важные научные достижения XX в. — теория относительности, квантовая механика, кибернетика и т. д. «Некоторые советские физики и философы, например, А. К. Тимирязев, В. Ф. Миткевич, Н. П. Кастерин, З. А. Цейтлин, А. А. Максимов, исходя из механически-метафизических представлений о мире, недооценивали и даже отрицали вовсе и физическую, и диалектико-материалистическую значимость теории относительности и квантовой механики»⁶. По сути дела это была борьба двух школ в физике, одна из которых, не довольствуясь чисто физической дискуссией, пустила в ход философскую аргументацию, претендуя на защиту материализма и обвиняя другую сторону в идеализме. Ошибка некоторых наших философов состояла прежде всего в том, что они встали безоговорочно на сторону одной из борющихся научных школ, вместо того чтобы дать марксистский анализ «драмы идей». Представляется, что эти факты весьма поучительны и позволяют наглядно продемонстрировать, как не должна марксистско-ленинская философия подходить к делу критики конкретно-научных теорий и, таким образом, как бы «методом от противного» сформулировать некоторые правила корректной философской критики.

Любая конкретно-научная теория — сложное построение, включающее различные компоненты, и не все они могут быть предметом философской критики. Прежде всего следует подчеркнуть, что истинность конкретно-научной теории, взятой как целое, определяется не средствами философской критики. Истинна или нет данная теория, определяется прежде всего соответствием ее результатов эксперименту, практике. Именно эксперимент решает, корректна ли данная теория или нет, является ли она перспективной или мертвой.

⁶ Делокаров К. Х. Философские проблемы теории относительности. М., 1973. С. 12.

рожденной, имеют ее результаты физический смысл или представляют собою математические «мнимости», лишенные какой бы то ни было содержательной интерпретации.

Поэтому можно утверждать, что предметом философской критики не могут быть конкретные результаты теории и конкретные факты и положения, лежащие в ее основе. Как правило, у философии попросту нет средств для оценки этой стороны теории, и здесь она должна доверять результатам движения конкретной науки, ее выводам и оценкам. Более того, в случае столкновения разных научных школ философ должен уметь различать, когда дискуссия идет на корректном конкретно-научном уровне, а когда она соскальзывает на наклонную плоскость и против вполне конкретных фактов выдвигаются аргументы общемировоззренческого или общеметодологического характера. Тем более недопустима ситуация (ибо она попросту методологически безграмотна), когда одни результаты теории принимаются, а другие отбрасываются: теории такого уровня, как специальная или общая теория относительности, представляют собой органически целостные системы, и они могут либо быть истинны в целом, либо в целом ошибочны.

Научная теория является целостным образованием, но это очень сложное, многоуровневое целое. Она включает в себя и определенный эмпирический базис, и исходную идеализированную модель, и систему основных понятий и постулатов, и некоторые конкретные связи и зависимости, выводимые и объясняемые в рамках данной теории. Обязательным ее компонентом является некоторое мировоззренческое содержание. Это прежде всего определенная картина мира, то есть концепция реальности, положенная в основу и определяющая систему исходных постулатов и идеализаций, содержание исходных понятий и принципов. Сюда же относятся результаты теории, претендующие на широкое мировоззренческое значение, на новый вклад в понимание природы объективного мира. И наконец, не последнее место принадлежит методологическим установкам теории относительно характера, средств и возможностей процесса познания. Без этой компоненты от теории останется только совокупность вводимых по произвольным правилам абстрактных объектов да некоторые отношения и связи, установленные между этими объектами. Интерпретация же смысла абстрактных объектов и природы установленных между ними отношений невозможна без обращения к мировоззренческим аспектам теории. И лишь она и может претендовать на предмет философского анализа и критики. Абсурдно, если философия будет оценивать технику эксперимента, подтверждающего истинность формулы $E=mc^2$, и сомневаться в его физической корректности. Но совершенно необходимо, чтобы философия занялась анализом и оценкой физического смысла и мировоззренческой интерпретации этого отношения.

Аналогично обстоит дело и с результатами, получаемыми формально-математическими средствами. Если доказано, что при определенных предпосылках между данными величинами существует

известное отношение (типа преобразований Лоренца, например), то философ, отвергающий справедливость такого отношения, выглядел бы странно. Но когда речь идет о том, как это понимать — как объективный процесс или как результат измерительных процедур, осуществляемых пресловутым наблюдателем, тогда в дело должны включаться общеполитические соображения.

Как правило, в сложившейся теории уже есть определенная концепция реальности и интерпретация ее результатов. Если оказывается, что картина мира, на которую опирается теория, противоречит диалектико-материалистическим установкам, то она должна быть подвергнута критике. При этом необходимо показать, как исходные установки влияют на общемировоззренческие результаты теории, на ее методологию. Как мы уже говорили, не может быть идеалистических физических теорий. Всякая «работающая» теория описывает какую-то сторону, «срез» объективной реальности, определенную область, за границами которой истинная теория становится ложной. Основная задача философской критики заключается в том, чтобы определить эти границы и показать, к чему приводит необоснованное расширение границ применимости конкретно-научной теории. Если философская критика выходит за рамки поставленной задачи и прибегает к конкретно-научной аргументации, то она становится некорректной, что с неизбежностью порождает ошибки в анализе и оценке естественнонаучных теорий.

О. Н. ЖЕМАНОВ
Уральское отделение АН СССР

ФИЛОСОФСКО-КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРОЦЕССОВ И ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ БУРЖУАЗНОЙ СОЦИОЛОГИИ

Специфика проявления критической функции марксистско-ленинской философии в анализе процессов и тенденций развития буржуазной социологии определяется в первую очередь своеобразием объекта исследования с ее позиций, другими словами, тем, что собой представляет буржуазная социология как явление духовной жизни капиталистического общества, каковы судьбы социологии как науки в мире капитализма. Формулируя данное положение, нам приходится сразу же столкнуться с одним существенным обстоятельством в критике буржуазной социологии со стороны философов-марксистов. На первый взгляд философы и социологи находятся в своих рассуждениях об общественных институтах и учреждениях на совершенно разных уровнях исследования. Философы рассуждают об общих основах социальной жизни, основных тенденциях и процессах в ней, обращают внимание на общий «фон» социальной действительности. Социологи же изучают с помощью

эмпирических методов положение в обществе и тенденции изменения конкретных социальных явлений, стараются учесть их своеобразие и т. д. На этом основании (особенно с учетом силы проявления в буржуазной социологии тенденции к преобладанию эмпиризма в исследованиях) возможности философского анализа концепций и результатов работ социологов кажутся в значительной мере проблематичными. Зачастую дискуссии философов-теоретиков и социологов Запада на различных международных конференциях и конгрессах похожи на споры глухих, они оказываются во многом разделенными стеной непонимания.

Однако попытаемся поставить вопрос: можно ли считать принципиально невозможным философский анализ процессов и тенденций развития социологии, учитывая особенности социологического подхода к общественной жизни? Как нам представляется, в какой бы мере в социологии не получали распространение эмпирические исследования социальных явлений и процессов, нельзя говорить об утрате влияния теории на ее развитие, о возможности обходиться социологам без нее. Трудности обоснования философского подхода в критическом анализе процессов и тенденций развития буржуазной социологии заключаются в недостаточности общего утверждения о роли теории в исследованиях социологов и неприемлемости простого выведения из данного обстоятельства путей и способов формулировки общих теоретических идей, противопоставляемых марксистами социологам в странах капитала. Дело обстоит гораздо сложнее. В любом акте философского анализа процессов и тенденций развития буржуазной социологии необходимо принимать во внимание конкретную степень проявления интереса ее представителей и к проблемам разработки теории, и к организации эмпирических исследований, отвечающих на конкретный социальный заказ правящих классов.

Утверждение о засилье эмпиризма в буржуазной социологии, об отказе социологов Запада заниматься теоретическими размышлениями над социальной действительностью было бы явным преувеличением, искажающим реальные тенденции развития социологии Запада. Разумеется, существуют серьезные основания для существования мнения о значительном влиянии эмпиризма в буржуазной социологии. Известно, что еще в 80—90-е гг. прошлого века многие буржуазные социологи оставляют в стороне как раз общие (философские) проблемы общественного развития, интенсивно идет процесс их «вхождения» в мир бизнеса¹. Исследования социологов все чаще разворачиваются в ответ на потребности рационализации различных сфер общества². Возникают направления и шко-

¹ См. об этом, например: Baritz L. The Servants of Power: A history of the Use of social science in American industry. Middletown, 1960.

² Не случайно сама тема рационализации общественной жизни столь открыто и интенсивно звучит в социологии Запада — у М. Вебера и других исследователей.

лы социологии, работы представителей которых носят прикладной характер (примером чего может служить, скажем, буржуазная индустриальная социология). С конца 20-х — начала 30-х гг. можно констатировать подъем и последующее преобладание тенденции к эмпиризму в социологии Запада. Фактом является то, что, как правило, в университетах в буржуазных странах социологи не получают философского образования. Известная недооценка значения теории в социологических исследованиях, бесспорно, присутствует в эволюции буржуазной социологии, выражая специфику ее места и назначения в общественной жизни.

Но вместе с тем с позиций марксистско-ленинской философии можно отметить, что одной из характерных общих тенденций в развитии буржуазной социологии было значительное постоянное влияние в ней теории, теоретических разработок. Это влияние могло временами слабеть или, напротив, быть сильнее; в социологии в отдельные периоды больше, в другие — меньше ощущается потребность в теории, в дальнейшем продвижении вперед в объяснении социальных явлений и процессов. Но такого характера тенденция, свойственная всем отраслям знания, является в своем роде естественной и закономерной, хотя по-своему, специфически проявляется в каждой науке. Фиксация с позиций марксистско-ленинской философии данной тенденции в развитии буржуазной социологии служит базой для ретроспективного обзора и формулирования собственных ей общих процессов и тенденций и, стало быть, для критического анализа ее школ и течений.

Уместно вспомнить, что социология в странах капитализма возникает прежде всего как ответ на теоретические потребности, запросы изучения общественной жизни, она была призвана компенсировать и преодолевать недостатки в исследовании социальных институтов.

Один из основоположников английской социологии Л. Гобхауз указывал в работе «Социология и философия», что события в обществе доказывают необходимость развития науки об общественной жизни в целом, потребность в социологическом знании — характерная черта современной социальной эволюции (написано было еще в начале нашего века)³. Интересно выглядят и представления ряда ведущих социологов Запада о соотношении социологической теории и эмпирических исследований, в которых отнюдь не видно какого-то одностороннего перекаса в ту или другую сторону. Известный американский социолог Э. Ч. Хьюдж подчеркивал в своей статье «Отношение индустриальной и общей социологии», что авторы теоретических концепций в социологической науке должны быть близки к фактам и событиям в обществе, говорить о новом в развитии социальных институтов, которые они исследуют, общие принципы их деятельности должны «работать» в специфиче-

³ *Hobhouse L. T. Sociology and Philosophy. L., 1966. P. 3.*

ских обстоятельствах⁴. Но Э. Хьюдж и предупреждает против чрезмерной профессионализации социолога в любой отрасли его науки⁵, полагает, что социология имеет дело с проблемами социального взаимодействия, социальной организации, коллективного выражения и действия, социального контроля и изменения, социализации индивида, формирования его самоконцепции и целей⁶. Очевидно, что для решения всех этих проблем требуются знания социолога и в области теории, навыки в формулировке теоретических положений и выводов.

Увлечение проведением эмпирических исследований в буржуазной социологии вызвало реальную опасность существенного сужения горизонтов социологического видения общественной жизни, отказа от научного изучения событий, на что с тревогой указывают многие представители западной социологии. Английский социолог Дж. Рекс в 60-е гг. отмечал, например, что наиболее удручающий факт в социологии сегодня — это отсутствие четкой, специфически социологической основы формулировки гипотез⁷, что следствием эмпиризма является преобладание у социологов проблем, изучаемых в филантропических целях или ради осуществления реформ⁸. Характерным для буржуазных социологов является стремление находить и использовать «теоретические рамки» эмпирических исследований, позволяющие держать в поле зрения, как бы углубленно ни изучались отдельные общественные явления и процессы, широкий круг социальных институтов.

Недооценка значения теории в социологических исследованиях у буржуазных исследователей справедливо рассматривается в советской научной литературе как кризисное явление в социологии Запада. Попытки его преодоления вызывают повышенное внимание буржуазных ученых к разработке теории (что происходит, например, со второй половины 50-х — начала 60-х гг. и далее). Для нас важно отметить, что поиски в области разработки социологической теории выглядят в социологии Запада в большей мере постоянными, чем временными, в этом ощущается заметное влияние собственной внутренней логики развития социологии (как и всякой другой отрасли знания). При этом, как верно отмечается в последнее время в советской научной литературе, существует определенный специфический механизм включенности элементов общесоциологической теории в различные типы конкретно-социологических исследований⁹. Критическая функция марксистско-ленинской философии в отношении к буржуазной социологии выступает в выявле-

⁴ Hughes E. Ch. The Relation of industrial Sociology to geneeral Sociology // Sociology and Social Research. 1957. Vol. 41, N 4. P. 252.

⁵ Ibid. P. 251.

⁶ Ibidem.

⁷ Rex G. Key Problems of Sociology. L., 1965. P. 27

⁸ Ibid. P. 28.

⁹ См. об этом: Гурко Е. Н. Эмпирическое и теоретическое в социологическом исследовании. Минск, 1984. С. 56.

нии и характеристике такого механизма, установлении масштабов и возможностей обращения буржуазных социологов в своих исследованиях к теории (при постановке, например, целей и задач научного поиска, выборе его направлений и методов, планировании его результатов, формулировке выводов и в ходе дискуссий по различным проблемам и др.). Понятно, что с философских позиций могут выноситься суждения и о характере основных теоретических посылок социологов, и о правомерности обращения с их стороны к тем или иным методам и приемам исследований. Все это следует «просматривать» с позиций диалектического и исторического материализма.

Применение положений марксистско-ленинской философии в критическом анализе процессов и тенденций развития буржуазной социологии возможно с учетом не только текущего состояния социологии Запада на достигнутом ею этапе развития, но и динамики ее развития. Необходимо считаться с тем, что именно изменения в теоретических воззрениях социологов являются, как правило, катализатором всех более или менее радикальных поворотов в буржуазной социологии (хотя они могут вызываться результатами эмпирических исследований). В этом отношении можно привести характерный факт развития в буржуазной социологии в 70-е гг. такого течения, как феноменологическая социология (этнометодология), представители которого (И. Гоффман, Г. Гарфинкель, Дж. Дуглас, Д. Уолш, Д. Сильвермен и др.) претендуют на совершение «революции» в социологии, подвергают резкой критике с теоретических позиций сторонников традиционной социологии за стремление руководствоваться в выборе круга проблем и методов исследований главным образом «повседневными» чувствами и настроениями людей, теми знаниями и смыслом, которые они придают своим и чужим поступкам и действиям в обыденной жизни, то есть социологи изучают всего лишь то, что лежит у них под ногами, не берут во внимание тот скрытый смысл, который человек придает тем или иным своим действиям в каждой конкретной ситуации деятельности, так сказать, «изнутри»¹⁰. Верно подметив известную односторонность исследований многих социологов, чрезмерную их погруженность в обыденную жизнь, сторонники феноменологической социологии сами допустили иную крайность — уход от изучения реальных общих социальных условий жизнедеятельности членов общества, воздействие которых, конечно, отражается на смысле и значении поступков каждого индивида. Важно подчеркнуть, что претензии этнометодологов строились на воззрениях философов — А. Шутца, П. Винча и др., выражали общие тенденции в развитии буржуазной социологии, позволяющие говорить о ее кризисном состоянии (в частности, известный поворот к

¹⁰ См. об этом: *Goldthorpe J. A. Revolution in Sociology?: Rev. Art. // Sociology: The J. of the British Sociol Assos. 1973. Vol. 7, N 3; Worsley P. M. The state of theory and the status of theory // Sociology. 1974. Vol. 8, N 1; и др.*

более полному и основательному изучению личности, оказавшейся во многом забытой в структурном функционализме Т. Парсонса, Р. Мертона и др., что выяснилось в ходе его критики со второй половины 50-х гг.). Однако присущие буржуазной социологии теоретические и методологические недостатки не позволили осуществить «революцию» в ней в связи с распространением феноменологической социологии. В объяснении различных сдвигов в буржуазной социологии следует, очевидно, исходить из происходящих изменений в теоретических воззрениях ее представителей, что можно рассматривать как важное методологическое требование, от соблюдения которого зависит влияние критической функции марксистско-ленинской философии в анализе тенденций и процессов развития буржуазной социологии.

Учитывая сказанное о принципиальной возможности разговора на философском языке о процессах и потребностях развития социологии, необходимо, как нам кажется, подчеркнуть то обстоятельство, что работы по критике буржуазной социологии должны в большей мере носить аналитический характер, не ограничиваться изложением взглядов ученых, приведением против них общих теоретических аргументов. Исследователь-марксист, занимающийся критическим анализом буржуазных социологических концепций, должен быть не только знаком с их содержанием, видеть их связи с реальностью, с интересами определенных социальных групп в обществе. В настоящее время требуется совершить новый шаг вперед в реализации критической функции марксистско-ленинской философии в отношении буржуазной социологии. Мы согласны с мнением Г. К. Ашина о необходимости выявления с философских позиций логики движения буржуазной социологической мысли, отхода от эклектического перечисления ее направлений в критическом анализе работ буржуазных социологов¹¹, что пока еще нередко наблюдается. В связи с этим можно рекомендовать соблюдение в критике буржуазной социологии требований научности и объективности, которые часто выпускаются из поля зрения исследователями-марксистами. Речь идет о таких требованиях, как раскрытие условий появления различных направлений и школ социологии Запада, определение предмета и задач каждого из них, круга их проблем, анализ основных используемых в них понятий, приемов и методов отбора и изучения социальных явлений и процессов, характеристика новых тенденций их развития и др. Эти требования кажутся разумеющимися, но их значение далеко не всеми специалистами по критике буржуазной социологии осознается, что обуславливает поверхностный, описательный характер их работ.

В последнее десятилетие появился ряд работ, в которых эти

¹¹ Социология в изменяющемся мире (обсуждение за «круглым столом» редакции «Социологических исследований») // Социол. исслед. 1986. № 3. С. 46—47.

требования в определенной степени учитываются, дается обстоятельный анализ многих конкретных процессов и тенденций развития буржуазной социологии, намечаются и перспективы развития исследований взглядов буржуазных социологов¹². В то же время важно отметить необходимость дальнейшего совершенствования приемов и методов критического анализа. Именно на этом пути, как нам кажется, возможно углубление философского анализа процессов и тенденций развития буржуазной социологии.

Дав общую характеристику условий проявления критической функции марксистско-ленинской философии по отношению к буржуазной социологии, попытаемся теперь рассмотреть более подробно и конкретно возникающие проблемы и трудности, с которыми марксисты до сих пор сталкиваются в изучении социологии стран капитализма. Если учитывать опыт критики буржуазной философии с позиций марксизма-ленинизма, то хорошо известно значение определения фактов принадлежности буржуазных ученых к различным школам и разновидностям идеализма, установления конкретных форм, в которых происходит борьба материализма и идеализма в философии. Речь идет о важнейшем принципе проявления критической функции марксистско-ленинской философии в борьбе с ее противниками. Этот принцип, бесспорно, важен и в критическом анализе работ буржуазных социологов. Однако при попытках обращения к нему исследователи-марксисты имеют дело со специфическими особенностями проявлений идеализма во взглядах социологов Запада. Приходится вносить определенные коррективы в понимание основных признаков и показателей идеалистического подхода к общественным явлениям и процессам. Едва ли возможно было бы говорить об идеализме в воззрениях буржуазных социологов в виде непосредственного преувеличения роли духовных факторов в общественной жизни, стремлении выводить из них социальные институты, отношения людей и т. д. Идеализм в воззрениях социологов Запада не выступает, как правило, столь открыто и прямо, что может быть объяснено некоторыми особенностями самой социологии как науки. Все-таки социологи изучают реальные явления и процессы в общественной жизни, стараются как-то обобщить действия членов общества, сориентировать их в нужных направлениях. К тому же, когда социологи Запада проводят исследования, выполняя социальный заказ правящих классов (например, предпринимателей и управляющих производством в промышленности), они просто оперируют практически значимыми

¹² См.: Критика современной буржуазной социологии. М., 1976. Вып. 1—3; Социология и современность. М., 1977. Т. 2; Некоторые проблемы современной зарубежной социологии. М., 1977. Кн. 1—2. История буржуазной социологии XIX — начала XX веков. М., 1979; История буржуазной социологии первой половины XX века. М., 1979; Критика современной буржуазной теоретической социологии. М., 1977; *Танчер В. В.* Методологический кризис современной буржуазной социологии. Киев, 1985; Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденций. М., 1986; и др. работы.

вещами и идеями, выясняют, каковы реально складывающиеся в обществе взаимоотношения людей. Философы-марксисты, занимаясь критическим анализом течений и школ буржуазной социологии, должны как раз видеть свою задачу в определении общих проявлений идеализма в подходе к общественной жизни среди западных социологов (каких-то общих, встречающихся чаще всего признаков, своего рода показателей идеалистического понимания социальной действительности), которые могли бы применяться в разборе отдельных концепций социологов, результатов их эмпирических исследований, тех «находок», которые они получают, основываясь на изучении реальных фактов действительности. Пока еще в этом направлении в марксистской научной литературе, можно сказать, почти ничего не сделано.

С нашей точки зрения, можно выделять ряд специфических черт, особенностей проявления идеализма в воззрениях на социальные явления и процессы среди представителей буржуазной социологии, которые полезно учитывать в рассуждениях о борьбе материализма и идеализма в социологии. В числе таких особенностей следует в первую очередь назвать то, что идеализм в подходе к общественной жизни выступает в концепциях буржуазных социологов в акцентировании внимания на отдельных социальных явлениях и процессах таким образом, что тем самым создается искаженное представление об общественной действительности. Разумеется, сосредоточение внимания социологов Запада на тех или иных явлениях и процессах во всех случаях имеет определенные объективные социально-экономические основания, влияние которых сказывается на мере концентрации этого внимания и «границах» его проявления, результатах, которые этим вызываются. Возьмем такое явление, как преимущественное исследование культуры в социологии США, составляющее характерную ее черту. Весьма важную роль в американской истории сыграло движение в США больших волн иммигрантов из других районов мира с их ценностями и нормами культуры, взаимодействие этих норм и ценностей и т. д. Американские социологи стремятся тщательно изучить самые разнообразные формы и проявления культуры, что в конечном итоге выражается у них в преувеличении роли в общественной жизни ее нормативной стороны (что четко дает о себе знать, например, в структурном функционализме, оказавшем сильное влияние на развитие всей социологии в буржуазных странах).

Преимущественное внимание к отдельным сторонам социальной жизни искажает ее общую картину, создает неверные представления о реальной взаимосвязи явлений и процессов, что уже позволяет во многих случаях говорить об идеализме в подходе к обществу. Акцентирование исследовательских интересов социологов на каких-то специфических явлениях и действиях в общественной жизни закрывает пути для изучения действия объективных законов общественного развития, навевает ученому мысль вообще об отсутствии в обществе таких объективных законов. Из его поля

зрения выпадают действительно решающие условия и факторы общественного развития, в сознании исследователя может сложиться и убеждение в невозможности постижения общей объективно необходимой цепи событий в обществе, сомнение в пользе применения в этих целях общих философских и социологических категорий. Не случайным поэтому должно нам казаться отрицательное отношение большинства буржуазных социологов к этим понятиям. Крайне редко ими используется, например, понятие «общественные отношения», не встретишь почти у них в употреблении и категорий «производительные силы», «производственные отношения», «общественно-экономическая формация» и др.

В критическом анализе с позиций марксистско-ленинской философии тенденций и процессов развития буржуазной социологии важно в свете сказанного считать с тем, что проявления идеалистического подхода в ней к общественным явлениям всегда конкретны и специфичны, о них скорее возможно вести речь с учетом тех выводов, общих теоретических заключений, к которым приводят исследования и рассуждения социологов. Привлечение методов эмпирических исследований, сбор богатого фактического материала маскирует идеалистический характер воззрений буржуазных социологов, придает им видимость связи с реальностью, ответа на запросы практики — и этим затрудняется их опровержение с позиций марксизма-ленинизма.

Исходя из своеобразия проявлений идеалистических взглядов на общество в буржуазной социологии, можно поставить и важный вопрос об особенностях использования в борьбе против концепций социологов Запада материалистического понимания истории. Специфика применения положений исторического материализма в этом случае связана с необходимостью брать в расчет своеобразие изучаемых социологами-марксистами отдельных явлений и процессов в обществе, перехода от «верхних» этажей материалистического взгляда на общественную жизнь на уровень изучаемого (что реализуется с помощью уже различных операциональных категорий).

Учет своеобразия проявлений материалистического и идеалистического подходов к социальной жизни в социологии открывает широкие перспективы обращения в критическом анализе тенденций и процессов развития буржуазной социологии к такому фундаментальному, сформулированному В. И. Лениным в критике махизма принципу, как сравнение теоретических основ диалектического материализма и враждебной ему буржуазной философии¹³ (в данном случае подразумевается сопоставление теоретических основ марксистско-ленинской и буржуазной социологии). Также можно констатировать значение фиксации специфики проявлений материализма и идеализма в социологии, особенностей их борьбы в фор-

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 379.

мулировке подхода к социологии в странах капитала с позиций принципа партийности.

Следовательно, существует определенная специфика в постановке и решении применительно к области исследований в социологии основного вопроса философии. Неверно было бы полагать, что борьба материализма и идеализма в социологии развертывается точно так же, как и в любой другой науке, эта борьба в социологии протекает по-своему, что требует пристального внимания со стороны философов-марксистов.

В критическом анализе процессов и тенденций развития буржуазной социологии очень важно опираться и на успехи в разработке диалектико-материалистической теории познания. В этой области исследователи-марксисты очень много сделали в последнее десятилетие. Но приходится констатировать, что достижения эти еще в недостаточной степени используются в критике буржуазной социологии, что существенно ее обедняет. В работах по данной проблематике часто идет речь уже о тех результатах, к которым приходят социологи Запада, но выпадает из поля зрения ход движения их исследовательской мысли, те трудности и противоречия, которые характеризуют социальное познание в условиях научно-технического прогресса.

В социологии, как и в других отраслях знания, применяются некоторые общие идеалы и нормы научного творчества, правила и операции в разработке теории, в организации исследований и др. Это позволяет всегда в той или иной мере улавливать реально действующие тенденции в развитии общества, отражать в работах социологов противоречия социальной действительности и, таким образом, опираться на факты в исследовательском поиске.

Критический подход к буржуазным социологическим концепциям с позиций марксистско-ленинской философии предполагает нахождение реальных явлений и процессов в общественной жизни, на которые их авторы ориентируются в своих рассуждениях, на чем они конкретно спекулируют, выполняя социальный заказ правящих классов капиталистических стран. Данное требование в анализе концепций буржуазной социологии достаточно известно и используется многими исследователями-марксистами, но и в этом отношении еще предстоит многое сделать. Динамичность социальных процессов, сложность и противоречивость изменений в общественной жизни обуславливают и значительные трудности в установлении связей взглядов социологов Запада с практикой (следует заметить, что и многие буржуазные социологи в силу своей классовой ограниченности, методологических недостатков их исследований зачастую оказываются не в состоянии своевременно фиксировать эти изменения и отвечать на них, внося коррективы в свои представления о социальных явлениях). Исследователю-марксисту важно поэтому быть в достаточной степени компетентным в проблемах гносеологии, чтобы быть способным обнаружи-

вать конкретные свидетельства отставания концепций буржуазных социологов от реальности.

Возьмем для примера буржуазные социологические концепции управления (а в социологии Запада, следует признать, немало сделано в разработке проблем управления). Среди них отчетливо выделяются различные разновидности: и общие концепции управления в обществе, и более специализированные теории управления в производстве, в рамках разного рода организаций в обществе, концепции власти и деятельности аппарата управления, бюрократии и др. Все это является отражением реально происходящих процессов в общественной жизни. В своих работах по проблемам управления социологи в странах капитала опираются на действительно присущие буржуазному обществу проявления организованности, на факты образования и деятельности в нем множества организаций. В них выражаются известные достижения в практике управления в развитых капиталистических странах. Эти концепции имеют обычно и практическую направленность. Очевидно и их идеологическое назначение — убедить в возможности устранения наиболее опасных недугов капиталистического строя с помощью мер по совершенствованию управления социальными процессами.

В критическом анализе буржуазных социологических концепций управления необходимо учитывать, какие конкретно изменения в общественной жизни и потребности развития теории вызывают интерес исследователей к новым явлениям и процессам в обществе, то есть чем обусловлены обычно «повороты» в развитии концепций управления. Известный американский социолог П. Блау, объясняя причины своего внимания к проблемам «динамики бюрократии», подчеркивал, что он стремился (а это было в 50-е гг.) показать через изучение бюрократии воздействие социальной структуры на поведение членов общества¹⁴. Предметом его особенного интереса было влияние формальной организации на неформальную (в группах), чтобы при этом выяснить, в какой мере неформальная организация «подавляет» и облегчает напряжения, которые возникают во взаимоотношениях служащих на формальной основе¹⁵. Такого рода исследовательские установки характеризовали динамику бюрократии, настроенность предпринимателей и менеджеров на «погашение» того сопротивления, которое оказывает в странах капитализма неформальная организация, складывающаяся под воздействием личных взаимоотношений людей, официально устанавливаемому порядку вещей и тем самым часто сводит на нет, обесценивает указания и распоряжения администрации. Но, конечно, П. Блау доказывает, что избранный им подход к проблемам деятельности аппарата был вызван чисто теоретическими соображениями, что он пытался объективно разобраться в отношениях в среде служащих. Задача исследователя-марксиста состоит в отде-

¹⁴ См.: *Sociologists at Work*/Ed. by Ph. E. Hammond. L., 1964. P. 18.

¹⁵ См.: *Ibid.* P. 19.

лении в буржуазных социологических концепциях того, что действительно представляет отражение действительности, соответствует нормам и идеалам научности, и того, что позволяет говорить о выполнении их авторами социального заказа господствующих в обществе классов, является отступлением от правды.

С гносеологических позиций в критическом анализе буржуазных социологических концепций следует принимать во внимание и те формы, в которых их влияние в науке и на практике выступает, каковы, следовательно, результаты, которых достигают исследователи. Дело в том, что буржуазные социологи не только создают труды по итогам своих исследований, формулируют рекомендации и предложения, но часто задумываются и над тем, какой «вид» придавать своим идеям, теоретическим выводам, чтобы они активно влияли на происходящее в обществе и на уровне повседневной жизни, были эффективными. Если обратиться к тем же концепциям управления, то их авторы в буржуазной социологии предпринимают усилия по превращению своих идей и рекомендаций в своего рода «идеологию», служащую руководством на практике, глубоко внедрившуюся в сознание людей, определяющую их образ действий¹⁶. С позиций марксистско-ленинской философии требуется, очевидно, соотносить с нормами и идеалами научности, требованиями и запросами практики подобные «идеологии», распространяемые социологами в общественной жизни ориентации по проблемам управления социальными процессами.

Сверяя буржуазные социологические концепции с эталонами научности, нормами и ценностями исследовательского поиска, возможно широко использовать в критическом подходе к процессам и тенденциям развития социологии Запада и такой сформулированный В. И. Лениным фундаментальный принцип, как определение места течения (или школы, концепции) среди остальных течений и школ философии или социологии¹⁷. Сопоставление с эталонами и нормами научного творчества дает более полную характеристику, «обрисовку» той или иной концепции, а это уже создает предпосылки для вынесения более обоснованных суждений о ее месте в социологии (и в границах того или иного ее направления, и в социологии в целом).

Гносеологический подход в рассмотрении основных явлений в буржуазной социологии раскрывает и ее связи с определенными школами и концепциями в конкретных общественных и естественных науках (например, очевидна связь буржуазной индустриальной социологии в ее развитии с экономическими науками, политологии — с юридическими и т. д.). При выявлении такой связи при-

¹⁶ Характерна в этом плане работа английского социолога Тео Никольса «Собственность, контроль и идеология», автор которой как раз и ведет речь о современной идеологии бизнеса, управления (См.: *Nichols T. Ownership, control and ideology*. L., 1969).

¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 379.

ходится считаться с трудностями, вызываемыми, в частности, тем обстоятельством, что различные общественные науки могут использовать социологические методы в изучении общественных явлений и процессов, тогда происходит своеобразное «переплетение» других общественных дисциплин с социологией.

В философском подходе к концепциям буржуазной социологии следует подчеркнуть важное значение использования положений материалистической диалектики, достижений в ее разработке. Без этого просто невозможно успешно соблюдать даже и элементарные требования научности и объективности в освещении сущности социологических концепций, тенденций их развития. Исследователь-марксист должен принимать во внимание противоречия в содержании концепций социологов Запада, в развитии отдельных направлений и школ в социологии, их объективные основания, следствия из них, проявления несовпадения во мнениях среди буржуазных социологов. В становлении их взглядов всегда дает знать влияние не только чисто теоретических споров, но и меняющихся потребностей практики. Характерен в этом отношении факт противоречия во многих отношениях различных вариантов все тех же концепций управления в буржуазной индустриальной социологии. В концепции управления с позиций теории «человеческих отношений» (30-е — начало 50-х гг.) возможности решения проблем управления на производстве в основном связывались с действием «личностного фактора», с влиянием в этой области личных норм и ценностей работников, что отдавало на волю случая, личный произвол решение проблем управления. В концепции менеджмента в той же индустриальной социологии (особенно во втором ее варианте — концепции «технологического менеджмента» — в отличие от концепции общего менеджмента) в противовес теории и практике «человеческих отношений» делается акцент на решении проблем управления с учетом особенностей техники и технологии производства, его организации, на официальной основе. В таком подходе к проблемам управления выражаются интересы и намерения практически настроенных руководителей капиталистического промышленного производства, воздействие которых в конечном итоге предопределяет существенные изменения в эволюции индустриальной социологии.

Для придания необходимой четкости основным ориентирам в критическом анализе процессов и тенденций развития буржуазной социологии требуется широко обращаться к важнейшим категориям материалистической диалектики. Так, очевидно эвристическая ценность применения в подходе к социологическим концепциям в странах капитализма категорий «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», а в рассмотрении процессов их развития — понятий «необходимость» и «случайность», «причина» и «следствие» и др. При характеристике конкретных проявлений кризисного состояния буржуазной социологии и особенно попыток его преодоления со стороны социологов Запада очень важно ви-

деть то, что необходимо, закономерно обусловлено, и то, что случайно, не отражает влияния ведущих тенденций развития социологии. Показателен в этом аспекте факт выдвижения в 60—70-е гг. рядом буржуазных социологов предложений о путях реформирования представляемой ими науки как важнейшем направлении преодоления ее кризисного состояния. Среди этих путей преобладающее внимание было (не случайно, а с учетом положения дел в обществе, роли в нем социологических исследований) уделено созданию предпосылок для того, чтобы социология более оперативно и полно реагировала на социальные процессы, широко бы воспроизводила происходящее в действительности, более радикально порывала бы ради этого с уже накопленными в ней традициями (имеются в виду предложения о превращении социологии Запада в «рефлексивную»¹⁸, диалектическую¹⁹, «кумулятивную»²⁰, скептическую и др.).²¹ В оценке данной тенденции интерес вызывает одновременное — более или менее — формулирование социологами в странах капитализма рекомендаций о возможностях устранения кризиса в социологии. Бесспорно, что при общем подходе к положению дел в социологии Запада тенденция, о которой идет разговор, представляется гораздо более значимой, чем факты появления каких-то новых концепций, школ и течений. Анализ процессов развития буржуазной социологии в свете основных положений материалистической диалектики демонстрирует возможности выявления и оценки наиболее существенных сторон и черт в эволюции многообразных, наблюдаемых в ней явлений.

Характеризуя критическую функцию марксистско-ленинской философии в отношении буржуазной социологии, следует отметить и ее возрастающее значение в постановке и решении методологических проблем, возникающих в ходе социологических исследований. Роль в данном направлении марксистско-ленинской философии в общем учитывается в большинстве работ исследователей-марксистов по проблемам критики буржуазной социологии. Однако еще нередко эта роль понимается односторонне: подчеркивается и акцентируется влияние философии в разработке главным образом проблемы взаимоувязывания общего, так сказать, «фона» общественной жизни и конкретных ситуаций, в которых существуют и развиваются специфические, привлекающие внимание социолога общественные институты и процессы. Получило широкое распространение и стало в известной мере стандартным обвинение буржуазных социологов в недооценке общего хода социальных процессов в общественной жизни, в чрезмерном акцентировании исследовательских усилий на изучении отдельных явлений и процессов. Но

¹⁸ См.: *Gouldner A. W. The coming Crisis of Western Sociology. L., 1971.*

¹⁹ См.: *Friedriche R. H. Dialectical Sociology // The Brit. J. of Sociology. 1972. Vol. 23, N 3. P. 263—266.*

²⁰ См.: *Freese L. Cumulative Sociology // Amer. Sociol. Rev. 1972. Vol. 37, N 4. P. 477—479.*

²¹ См.: *Wrong D. H. Skeptical Sociology. L., 1977.*

если принять в расчет сложность взаимоотношений теоретических и эмпирических исследований в социологии Запада, интерес ее представителей к вопросам теории (о чем у нас уже был разговор), становится понятным, что такой аргумент может и не всегда использоваться в критическом анализе социологических концепций в странах капитализма. Самое же главное состоит в том, что в ходе развития буржуазной социологии появляется много различных методологических проблем, которыми ученые вынуждены заниматься. Анализ трудностей и недостатков в их обсуждении среди социологов Запада существенно обогащает знания о сущности и результатах изменений, имеющих место в социологии в те или иные периоды. Так, в 70—80-е гг. буржуазные социологи часто выражают озабоченность по поводу распространения в их науке большого числа парадигм, разнообразных мнений научных сообществ по занимающим социологов проблемам, что затрудняет их решение²². Социологи пытаются найти средства преодоления данного методологического затруднения. Советский исследователь буржуазной социологии Ю. Н. Давыдов в статье, посвященной современным интерпретациям теоретического наследия М. Вебера, показывает, каких значительных масштабов может достигать это расхождение парадигм в социологии Запада, какие вызывать существенные методологические трудности²³. Многочисленные проблемы и трудности возникают перед буржуазными социологами и в связи с происходящей в социологии Запада в 80-е гг. очередной волной неомарксизма (характеризующейся попытками применения идей К. Маркса в решении практических проблем капиталистического общества), из-за известного «поворота» социологов к разработке главным образом практических вопросов в социальной жизни²⁴. Поэтому в изучении процессов и тенденций развития буржуазной социологии необходимо выделение новых ориентиров и оценок, отвечающих ее современному этапу. При этом подразумевается и дальнейший прогресс в критическом анализе как концепций социологов Запада, так и результатов их эмпирических исследований.

Разговор о критической функции марксистско-ленинской философии в отношении буржуазной социологии будет в известной степени неполным и ограниченным, если не обратить внимание и на преобладающий характер работ западных социологов по истории самой их науки. Любопытно, что в этих работах, как правило, акцент делается на выяснении своеобразия именно теоретических воззрений, концепций, обобщений результатов эмпирических исследований в истории социологии. Все это является больше объектом

²² См. об этом: *Perry N. A comparative analyses of "paradigm" proliferation // The Brit. J. of Sociology. 1977. Vol. 28, N 1.*

²³ См.: Давыдов Ю. Н. «Веберовский ренессанс» // Социол. исслед. 1986. № 3. С. 56—68.

²⁴ Социология в изменяющемся мире (обсуждение за «круглым столом» редакции «Социологических исследований»). Выступление Г. В. Осипова // Социол. исслед. 1986. № 3. С. 45.

философского обсуждения, предполагает преимущественно внимание именно к теориям социологов, то есть подкрепляет утверждения о значимости философского критического анализа в подходе к буржуазной социологии. Примерами работ, в которых рассмотрение эволюции буржуазной социологии производится преимущественно в теоретическом ключе, являются известные книги американского социолога Д. Мартиндейла «Природа и типы социологической теории», «Общество, характер и цивилизация»²⁵, шведского социолога Г. Терборна «Наука, класс и общество»²⁶, изданная в русском переводе работа американского социолога Дж. Тернера «Структура социологической теории»²⁷. Все названные работы демонстрируют возможности философского анализа процессов развития социологии и в этом отношении поучительны, несмотря на влияние в социологии Запада тенденции к эмпиризму. Нам кажется, что при выяснении возможностей и направлений такого анализа исследователям-марксистам есть смысл учитывать подобные работы.

Перспективы в разработке приемов и методов философского критического анализа буржуазной социологии, конечно, во многом зависят и от преодоления отставания в ознакомлении марксистов с новыми явлениями в ней, от организации контактов социологов разной идеологической ориентации. Особенно следует заострить внимание в аспекте определения перспектив в интересующей нас области исследований на необходимость значительно большего изучения, чем это было до сих пор в работах марксистов, процессов распространения и использования концепций буржуазных социологов на практике, в первую очередь в империалистической пропаганде. В ходе острой идеологической борьбы в современном мире марксистам очень важно представлять конкретные механизмы внедрения идей социологов Запада в обыденное сознание, «насыщения» ими разного рода идеологических построений и стандартов, используемых организаторами империалистической пропаганды²⁸. Следует отметить, что в этом отношении в работах по критике буржуазной социологии делается еще очень мало.

Мы рассмотрели лишь некоторые формы проявления критической функции марксистско-ленинской философии в исследовании процессов и тенденций развития буржуазной социологии. Вместе с подъемом социологических исследований в нашей стране, в других социалистических государствах значение такого анализа возрастает. Творческое развитие марксистско-ленинской философии,

²⁵ См.: *Martindale D. The nature and Types of sociological Theory.* L., 1961.; *Idem* *Community. character and Civilization.* L., 1963.

²⁶ См.: *Therborn G. Science, Class and Society.* L., 1977.

²⁷ См.: *Тернер Дж. Структура социологической теории.* М., 1985.

²⁸ См., напр.: *Кертман Г. Л. Противоречивость массового политического сознания в США // Рабочий класс в мировом рев. процессе: Ежегодник, 1986. М., 1986. С. 100—101.*

приближение работ философов-марксистов к практике открывает новые перспективы в использовании ее критической функции в подходе к различным явлениям в современной буржуазной идеологии. Характеристика форм проявления критической функции марксистско-ленинской философии позволяет более полно представить ее место и роль среди основных функций философии марксизма-ленинизма.

М. М. ШИТИКОВ
Уральский университет

МЕТОДОЛОГИЯ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Чрезвычайную важность для осуществления марксистско-ленинской философией ее критической функции имеет научная критика современной буржуазной философии истории. И дело не только в том, что в философско-исторических концепциях, как правило, наиболее ярко выражена социальная функция буржуазной философии, что они служат теоретической базой футурологических изысканий и кладутся в основу политики, практических действий империалистических правительств, их стратегии и тактики. Самое главное, пожалуй, заключается в том, что категории философии истории выражают отношение человека к социально-историческому миру, посредством их улавливается человеческий смысл истории. Философия в целом лишь тогда образует теоретический фундамент мировоззрения, когда она держит в фокусе своего внимания проблемы общественного развития.

Так, представляется правомерным говорить об историческом материализме как философской науке, теоретически обосновывающей научное социально-историческое мировоззрение¹ и тем самым впервые делающей возможным общее научное мировоззрение — марксизм-ленинизм.

Чрезвычайно характерен для понимания мировоззренческой функции философско-исторической проблематики сам ход исторического процесса формирования философии марксизма. Как подчеркивают В. Ж. Келле и М. Я. Ковальзон, «ныне можно считать доказанным, что исторический материализм не возник как простое распространение диалектического материализма на область истории»². Напротив, «суть дела заключается в том, что Маркс и Энгельс создавали и разрабатывали свое учение прежде всего и главным образом на основе исторического опыта, осмысления анализа социальной действительности. На этом пути и возникло диа-

¹ Ср. употребление этого термина в кн.: Богомолов А. С., Ойзерман Т. И. Основы теории историко-философского процесса. М., 1983. С. 27—28.

² Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981. С. 35.

лектико-материалистическое понимание общественной жизни, которое обычно называют историческим материализмом. Однако это вместе с тем диалектический материализм, так как здесь налицо не только материалистическое, но и диалектическое понимание социальной реальности»³.

Всякий иной философский материализм — домарксовский (например, антропологический материализм Л. Фейербаха) или же естественнонаучный, — не достроенный «доверху», до материалистического понимания истории, не может стать диалектическим, дать диалектико-материалистическое понимание основного вопроса философии. Только понимание роли практической деятельности людей в возникновении и развитии сознания, решающего значения практики в отношении человека к миру впервые подводит научный фундамент под утверждение первичности материи по отношению к сознанию. В этом смысле справедливо, что «материалистическое понимание истории составляет *ядро* марксистской философии... В этой своей «ипостаси» исторический материализм есть... концептуальная сущность всей марксистской философии»⁴.

• Таким образом, без учета философско-исторической направленности той или иной концепции нельзя адекватно оценить ее мировоззренческий смысл. Это значит, что критика современных буржуазных философских учений остается незавершенной, не доводится до логического конца, пока не раскрыта идейная связь основных положений той или иной концепции с их философско-историческим подтекстом.

Между тем не только в критике отдельных утверждений буржуазных философов по ходу позитивного рассмотрения какой-либо философской проблемы, но и во всей огромной литературе, специально посвященной критике современной буржуазной философии, философско-исторические вопросы, как правило, обходятся или затрагиваются лишь мимоходом.

Очевидно, главной причиной такого подхода к критике является чрезмерная специализация наших философов. Нередко иной исследователь в области диалектического материализма или же специалист по критике гносеологических или методологических концепций буржуазных мыслителей считает излишним спуститься из сферы «чистой» философии к якобы «прикладной» социально-исторической проблематике. Более того, подобный подход получил институциональное закрепление в преподавании философии и истории философии. В программе марксистско-ленинской философии долгое время фигурировали отдельные темы по критике современной бур-

³ Конференция «Проблемы взаимосвязи диалектического и исторического материализма» (МГУ, 1982). Выступление Т. И. Ойзермана // *Вопр. философии*. 1983. № 1. С. 156. Ср. также: *Любутин К. Н.* Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии. М., 1981. С. 259—260; *Очерки по историческому материализму*. М., 1981. С. 5—6.

⁴ *Филос. науки*. 1983. № 3. С. 171.

жуазной философии и современной буржуазной социологии. И по ходу изучения философии эта разобщенность сохраняется; недаром были выпущены отдельные учебные пособия: «Критика современных буржуазных воззрений в курсе диалектического материализма» и, соответственно, «Критика современных буржуазных воззрений в курсе исторического материализма».

Такое положение дел представляет, на наш взгляд, определенную опасность как для научных исследований по философии, так и для ее преподавания в вузах и изучения студентами. Оно приводит, прежде всего, к известной недооценке философско-исторической проблематики, к попыткам отождествления философии истории с методологией исторического познания и, тем самым, к признанию ее изучения необходимым только на исторических факультетах и отделениях. Между тем философия истории проходит свою проверку на истинность не только и не столько в качестве методологии исторического исследования, сколько в качестве теоретического, мировоззренческого фундамента идеологии, с помощью которого исторический субъект ориентируется в социальной действительности и своей деятельностью преобразует «мир человека».

Философия истории, как мы полагаем, не может быть понята только через ее соотношение с исторической наукой, через противопоставление «теории истории» эмпирическому историческому исследованию или в качестве совокупности «философских проблем исторической науки». Она прежде всего — философская наука, в которой решающая роль принадлежит мировоззренческим проблемам.

Попытка сведения функций философии истории к обслуживанию исторической науки свидетельствует о том, что тенденция созерцательного отношения к общественной жизни, недооценка прямых связей философского знания с общественно-исторической практикой еще не вполне изжита. На этот недостаток указал советским философам XXVII съезд КПСС⁵.

Одно из средств устранения вышеупомянутой тенденции заключается в развертывании исследований мировоззренческой и ценностно-ориентационной проблематики в ее философско-историческом аспекте, учете опосредованности основного мировоззренческого вопроса об отношении человека к миру проблемой отношения между человеком и «миром человека», социально-исторической действительностью.

В связи с этим необходимой составной частью любого критического анализа современной буржуазной философии, будь то в научно-исследовательском плане или в процессе преподавания философии, должно стать изучение и критика концепций буржуазных мыслителей, пытающихся разрешить эту проблему, рассмотреть отношение человека к его истории.

⁵ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 85.

Однако на пути исследователя встают значительные сложности методологического плана. Прежде всего до сих пор нет полной ясности относительно самого термина «философия истории». Не случайно в критической литературе не делается четкого разграничения между философией истории, методологией истории и исторнографией (ее теоретической частью); вызывает затруднения иногда и различение философско-исторических и социологических учений. В работе Э. Н. Лооне перечисляются пять значений выражения «философия истории»⁶. Эстонский философ считает, что каждое из этих значений, кроме первого (универсальная история человечества, построенная исходя из определенных принципов), может быть отнесено к тому или иному разделу философии, но они не представляют собой единой, целостной системы⁷. Ему кажется очевидным «отсутствие содержательного единства философии истории как одного раздела философии», ибо «единство происхождения — единство совсем другого рода, чем единство содержания»⁸. В противоположность ему М. А. Киссель полагает, что «рассмотрение исторического развития самого понятия философии истории позволяет привести в систему... различные элементы философско-исторического знания» и что «ни один из них не возник произвольно, но соотносится с определенными потребностями исторического самосознания; а их антагонистическое отношение друг к другу (в рамках современной буржуазной философии истории. — М. Ш.) — результат односторонней рефлексии и некритической приверженности идеалистическим предпосылкам»⁹.

По мнению Б. Т. Григорьяна, «по своей структуре философия истории, как и философия в целом, представляет собой определенную форму синтетического философского знания... Более того... по своей структуре философия истории может служить наиболее адекватной моделью философского сознания вообще»¹⁰. Б. Т. Григорьяном выделяется определяющий уровень структуры философии истории, отводится в ней место интерпретации исторического процесса и исторического познания, подчеркивается органичность сочетания в ней ценностно-мировоззренческих и научных элементов. Наши представления о структуре философии истории близки к этой концепции.

Попытаемся представить идеальную модель философии истории как иерархической структуры знания, которая могла бы служить рабочим аппаратом критического анализа современных буржуазных философско-исторических концепций. Конечно, это ни в коей мере не означает, что каждая из этих концепций включает

⁶ См.: Лооне Э. Н. Современная философия истории. Таллин, 1980. С. 15—17.

⁷ См.: Там же. С. 24.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Современные проблемы философии истории: Тез. докл. межвуз. науч. конф. Тарту, 1979. С. 98, 100.

¹⁰ Философия и ценностные формы сознания. М., 1978. С. 23.

все элементы и уровни структуры и что такая структура априорно предшествует процессу становления буржуазной философии истории и ее эволюции к современному состоянию. Скорее наоборот, подобная структура философско-исторического знания сложилась исторически, не все ее уровни сформировались и достигли развитого состояния в одну и ту же эпоху, неодинакова и их судьба в наши дни. Но для понимания сути философско-исторических концепций, выявления сходства и различий между ними, отграничения философии истории от смежных областей знания наша модель представляет определенные возможности.

Философия истории представляет собой прежде всего особый тип мировоззрения, взгляд на отношение человека к его социально-историческому миру, основанный — если речь идет о буржуазной философии — на идеалистическом решении проблемы соотношения общественного бытия и общественного сознания. Именно здесь возникает проблема исторического субъекта, соотношения субъективного и объективного в историческом процессе (и в историческом познании). В какой мере люди могут сознательно действовать в истории, направлять развитие общества? Каков характер деятельности, превращающей людей в субъектов истории? Как меняется в ходе всемирной истории степень сознательного влияния людей на их будущее? Вокруг решения указанных вопросов и объединяется в систему знания относительно самостоятельная область философии, которую мы называем «философия истории»¹¹.

Однако она охватывает, по крайней мере, еще две большие группы проблем теоретического характера, как бы вырастающие из первоначальной «идеи» об истории. Это: а) теория исторического процесса, разрешающая проблемы закономерности истории, ее единства, направленности, ритма и т. п.; б) теория исторического познания, изучающая его специфический характер¹². Если глубинный мировоззренческий уровень философии истории отражает отношение человека к его социально-историческому миру, то на втором уровне исследуются два основных аспекта этого отношения: человек—практика—история и человек—познание—история.

Оба рассмотренных уровня в их совокупности и образуют категориальный строй мышления как историков-исследователей, так и сознательных субъектов исторического действия (хотя, конечно, далеко не всегда осознаются ими, не только в полной мере, но даже и частично, чаще всего образуя неосознаваемую предпосылку их деятельности). Понятия философии истории, взаимосвязанные и соподчиненные в единой системе мышления об истории, выступают как категории логики социально-исторического бытия и познания; их философский характер несомненен.

По отношению к философии истории, по нашему мнению, образует как бы ее «прикладной» уровень *методология* исторического

¹¹ Ср.: Философия и ценностные формы сознания. С. 23.

¹² См.: Там же. С. 24, 26.

познания, система принципов и запретов и набор конкретных методов исторического исследования, а также то, что именуют «логикой исторического исследования» или «логикой исторической науки» (логическая специфика исторического метода, виды и формы исторического описания, структура исторического объяснения и т. п.)¹³. Этими вопросами занимаются не столько философы, сколько сами историки.

Ценностный, аксиологический аспект философии истории¹⁴ заключается в том, что она выступает в качестве теоретического обоснования системы идей, идеологии, которой руководствуются политики и которую они стремятся внедрить в сознание широких масс, чтобы они ориентировались в мире с помощью определенной системы ценностей. Опираясь на предложенную нами модель структуры философско-исторического знания, оказывается возможным определить специфику современной буржуазной философии истории по сравнению с классическими вариантами философско-исторических учений конца XVIII — первой половины XIX вв.

Буржуазная мысль эпохи утверждения капитализма в мировом масштабе как господствующей общественно-экономической формации дальше всего продвинулась в разработке глубинного, мировоззренческого уровня философии истории. Хотя она и не вышла за рамки идеалистического понимания истории, но, выработав идею активности человека как исторического субъекта, сделав решительный шаг к преодолению «социологической робинзонады», вплотную подойдя к представлению о классах как коллективных субъектах истории, теоретически подготовила появление марксистского понимания истории.

Первая половина XIX в. явилась периодом кульминации буржуазного прогрессизма в теории исторического процесса, эпохой становления историзма и попыток уловить диалектику исторического развития. Правда, с установлением господства буржуазии начинает уже сказываться ограниченность этого прогрессизма, появляется и антипрогрессистская тенденция буржуазного сознания (в философии истории романтизма, а также у предшественника современной буржуазной философии А. Шопенгауэра).

Что касается теории исторического познания, то в этот период вершина развития данной области буржуазной философии истории еще не была достигнута. Преобладал гносеологический оптимизм, но он был связан с непониманием целого ряда трудностей и особенностей процесса *исторического* познания, с попытками судить о нем с общих гносеологических позиций, не учитывая его специфики.

В 40-е гг. XIX в., одновременно с появлением марксизма, наблюдается отход буржуазных мыслителей от вершинных достижений предшествующей эпохи, начинается «переоценка ценностей» применительно к истории. История приобретает в сознании буржу-

¹³ См.: Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5. С. 352.

¹⁴ Ср.: Философия и ценностные формы сознания. С. 27.

азии и ее идеологов иной вид¹⁵. Настоящее формирует «свое» прошлое.

Наиболее заметны, на первый взгляд, перемены в теории исторического процесса: усиление антипрогрессистской тенденции буржуазного сознания, борьба против представления о закономерности истории, исчезновение диалектических идей.

Начинает распространяться скептицизм и агностицизм, разочарование в познавательных возможностях исторической науки, и это — несмотря на громадные успехи источниковедения, археологии, накопление огромного количества ранее неизвестных исторических фактов.

Но, пожалуй, главное — это внезапное и решительное изменение мировоззрения буржуазных философов и историков, их отношения к проблеме субъекта истории. Если прежде всеми мыслителями история рассматривалась как объективный процесс, не зависящий от воли и сознания историка, от его познавательных установок, то с конца XIX в. и особенно в XX в. все шире распространяется субъективно-идеалистическая интерпретация истории. Уже неокантианцы пытались свести отношение «человек—социально-исторический мир» к отношению «историк—прошлое в его сознании», перенести центр тяжести философско-исторических исследований в сферу гносеологии. Эта линия стала, можно сказать, ведущей в современной буржуазной философии истории¹⁶.

Другие важные направления — это отступление буржуазной философско-исторической мысли к провиденциализму, с которым она боролась в период своего становления, а также попытки «десубъективации» истории, «концепции, лишаящие человека даже относительной самостоятельности и качеств носителя исторического прогресса и социального творчества вообще»¹⁷ (позитивизм в его различных разновидностях, структурализм, различные виды социального биологизма). Можно встретить и индивидуалистическо-волюнтаристские концепции исторического субъекта.

Итак, одним из действенных методов критического анализа современной буржуазной философии истории является сопоставление критикуемых концепций с моделью структуры философско-исторического знания, включающей его мировоззренческое ядро и надстраивающиеся над ним теории исторического процесса и исторического познания. Конечно, как и в историко-философской науке в целом, ведущими принципами исследования остаются партийность и историзм.

¹⁵ См.: Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. М., 1959. С. 9—26.

¹⁶ Классический пример — позиция Р. Дж. Коллингвуда (См.: Коллингвуд Р. Дж. Идея истории: Автобиограф. М., 1980) и критический анализ И. С. Кона (Кон И. С. Философский идеализм и кризис буржуазной исторической мысли. С. 166—171) и М. Ирибаджаква (См.: Ирибаджаква М. Клио перед судом буржуазной философии. М., 1972. С. 242—255, 295—301).

¹⁷ Каримский А. М. Социальный биологизм. М., 1984. С. 196.

СОДЕРЖАНИЕ

Марксистско-ленинская критика: партийность и научность	3
--	---

Раздел I. Социальная роль философской критики

Окладной В. А. Формирование диалектико-материалистической критичности	6
Гайда А. В., Китаев В. В. Марксово понимание критики и его «нео-марксистские» фальсификации	23
Трубина Е. Г. Критика К. Марксом языка философии: особенности и смысл	33
Гарпушкин В. Е., Минасян В. Х. Философская критика как форма общения: критическая природа ленинской аргументации	42
Лобок А. М. Роль философской критики в развитии общественного сознания при социализме	52
Нарский И. С. Диалектика субъективного и объективного, сознательного и стихийного в развитии социализма	59
Пившиц Р. Л., Чермошенцев Н. И. Методология критического анализа негативных явлений в социалистическом обществе	71

Раздел II. Философская критика теоретических систем

Николаев Д. М. Критическое исследование теоретических систем: предмет и методологические процедуры	88
Волинская Л. М. Философская рефлексия как форма самокритики	99
Андрюхина Л. М. Структура и функции философской критики в фундаментальных науках	113
Логинов Л. И., Ляхова Л. Н., Бушмакина О. Н. Методологическая критика в научном исследовании. О критерии корректности философской критики естественнонаучных теорий	123
Жеманов О. Н. Философско-критический анализ основных процессов и тенденций развития буржуазной социологии	130
Шитиков М. М. Методология критики современной буржуазной философии истории	146

1 p. 30 κ.